Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Путин и оппозиция. Когда они сразятся на равных

Государство не для народа

Вот уже 25 лет правительства президентов Б.Н. Ельцина и В.В. Путина проводят программу перевода всех сторон нашей жизни на рыночные отношения. Множество ученых показали, что эта утопия недостижима нигде в мире, однако на Западе по законам рынка может действовать относительно большая часть человеческих взаимодействий. В России же тотальное подчинение рынку было бы убийственным и повлекло бы гибель большой части населения.

На эти вполне корректные, академические указания ни президенты, ни правительства не отвечают: они делают вид, будто всех этих трудов русских экономистов, географов, социологов, начиная с XIX века, просто не существует. Вся доктрина реформ в России игнорировала культурные различия как несущественный фактор. Ударом по ядру ценностей России как цивилизации стала попытка придать конкуренции статус высшей ценности. Временами эта попытка выходила за разумные рамки. При этом интеллектуалы, которых власть привлекала для этой миссии, затруднялись даже определить, о чем идет речь.

Вера в то, что западная модель экономики является единственно правильной, доходила до идолопоклонства (если только она была искренней). Экономист В. Найшуль, который участвовал в разработке доктрины, даже опубликовал в «Огоньке» статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Это нелепое утверждение. Православные страны есть, иные существуют по полторы тысячи лет почему же их экономику нельзя считать нормальной?

Странно как раз то, что российские экономисты вдруг стали считать нормальной экономику Запада недавно возникший тип хозяйства небольшой по населению части человечества. Если США, где проживает 5 % населения Земли, потребляют 40 % минеральных ресурсов, то любому овладевшему арифметикой человеку должно быть очевидно, что хозяйство США никак не может служить нормой для человечества.

Иногда пафос реформаторов доходил до гротеска, и в «Вопросах философии» можно было прочитать: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)».

Между тем, когда еще только набирала обороты реформа в России, один из ведущих исследователей глобальной экономики И. Валлерстайн писал специально для российского журнала: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное ядро и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии».

Вопрос был вполне ясен, и господствующее меньшинство, представлявшее союз очень разных социальных групп России, сделало в конце 80-х годов сознательный исторический выбор. Он состоял в том, чтобы демонтировать народное хозяйство, которое обеспечивало России политическую и цивилизационную независимость, и стать частью периферии мировой капиталистической системы.

Давление евроцентризма на образованный слой России не раз приводило к тому, что и правящая верхушка, и оппозиционная ей интеллигенция отказывали отечественному хозяйству в самобытности и шли по пути имитации западных структур. Следствием, как правило, были огромные издержки или провал реформ, острые идейные и социальные конфликты. Результатом нынешней реформы стала быстрая утрата населением России ряда признаков цивилизации в сфере хозяйства, а через него и в других сферах.

Здесь важный урок. После сравнимых с нынешними разрушений от гитлеровского нашествия промышленность была восстановлена за два года, а хозяйство в целом за 5 лет. В 1955 г. объем промышленного производства превзошел уровень 1945 г. почти в 6 раз, а сельского хозяйства почти в 3 раза. Между тем, до кризиса конца 2008 г. российская промышленность только-только вышла на уровень 1990 г., а сельское хозяйство в обозримом будущем вряд ли этого уровня достигнет.

Реформы длятся, повторим, уже 25 лет. Пора бы сделать надлежащие выводы, но власть продолжает упорно твердить альтернативы нет, и в этом уже чувствуется что-то маниакальное, если здесь не скрыто, конечно, осознанное стремление к разрушению России. Надо рассмотреть подробнее основополагающие установки власти и постараться понять, что они собой представляют, какой путь готовят стране и всем нам, и каким образом мы можем этому противодействовать.

Начнем наш разговор с важнейшей функции государства его заботы о народе (государственный патернализм). Идеологи российских реформ, исходя из концепции рынка как панацеи от всех бед, принципиально отвергли государственный патернализм в качестве одного из важных устоев социального порядка России. Эта установка сохранилась и после ухода Ельцина, что подчеркнул В.В. Путин уже в своем Послании 2000 года: «Политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна».

Это утверждение нелогично. Патернализм всегда экономически возможен, он не определяется величиной казны или семейного бюджета. Разве в бедной семье отец (патер)не кормит детей? Во время Гражданской войны Советское государство изымало через продразверстку примерно 1/15 продукции крестьянства, выдавало 34 млн. пайков и тем самым спасло от голодной смерти городское население, включая дворян и буржуев. Это и есть патернализм в крайнем выражении. Сегодня Российская Федерация имеет в тысячи раз больше средств, чем Советская Россия в 1919 году, а 43 % рожениц подходят к родам в состоянии анемии от плохого питания.

Утверждение, будто государственный патернализм политически нецелесообразен, никак не обосновано. Так говорят, да и то на практике не выполняют, только крайне правые политики вроде Тэтчер. А, например, русский царь или президент Рузвельт никогда такого бы не сказали. В чем же тогда сама цель государства России, если сохранить разрушающееся общество считается нецелесообразным?

Регулярные обещания адресной помощи как альтернативы патернализму есть социальная демагогия. Добиться адресной помощи даже в богатых странах удается немногим (не более трети) из тех, кто должен был бы ее получать (например, жилищные субсидии в США получали в середине 80-х годов лишь 25 % от тех, кто по закону имел на них право). Проверка прав на субсидию и ее оформление очень дороги и требуют большой бюрократической волокиты даже при наличии у чиновников желания помочь беднякам. На деле именно наиболее обедневшая часть общества не имеет ни достаточной грамотности, ни навыков, ни душевных сил для того, чтобы преодолеть бюрократические препоны и добиться законной субсидии.

Строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество. Отказ от патернализма и тотальная конкуренция идеологический миф неолиберализма. Даже венгерский экономист Я. Корнай, которого любили цитировать наши реформаторы, писал: Нулевая степень патернализма это идея, выдвинутая школой Фридмана-Хайека. Но даже при капитализме эта нулевая степень никогда не проявляется полностью Атомизированная конкуренция и полностью предоставленная самой себе микроорганизация немыслимы в наш век гигантской концентрации производства и усиления могущества государственной бюрократии. На эти неприятные замечания не обращали внимания.

Наш век и бюрократия тут ни при чем. Государство изначально возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе (или с привилегиями некоторым группам, но с высоким уровнем уравнительности). К таким благам относится, например, безопасность от целого ряда угроз. Богатые сословия и классы могли в дополнение к своим общим правам прикупать эти блага на рыночной основе (например, нанимать охрану или учителя), но даже они не могли бы обойтись без отеческой заботы государства. Государственный патернализм это и есть основание социального государства, каковым называет себя Российская Федерация.

Формы государственного патернализма определяются общим социальным порядком и культурой общества. Они специфичны в разных цивилизациях. Например, хлеб как первое жизненное благо уже на исходе Средних веков даже на Западе был выведен из числа других товаров, и торговля им перестала быть свободной. Она стала строго регулироваться властью. В XVI веке в каждом крупном городе была Хлебная палата, которая контролировала движение зерна и муки. Дож Венеции ежедневно получал доклад о запасах зерна в городе. Если их оставалось лишь на 8 месяцев, выполнялась экстренная программа по закупке зерна за любую цену (или даже пиратскому захвату на море любого иностранного корабля с зерном с оплатой груза).

Если нехватка зерна становилась угрожающей, в городе производились обыски и учитывалось все зерно. Если купцы запаздывали с поставками, вводился уравнительный минимум. В Венеции около собора Св. Марка каждый горожанин до хлебным карточкам получал в день два каравая хлеба. Если уж нашим реформаторам так нравится Запад, то почему же они этого не видят? Ведь это один из важнейших его устоев и источник силы. Попробовали бы там сказать вслух, что патернализм политически нецелесообразен!

Наши реформаторы в упор не видят того, как на Западе богатые научились уживаться со своим народом. Наши либералы не привержены очень важным либеральным ценностям или не вникли в их смысл. Ибо либерализм, как выразился сам Адам Смит, отвергает подлую максиму хозяев, которая гласит: Все для нас и ничего для других. При современном капитализме расходы на патернализм огромны. В среднем по 20 развитым странам (они входят в ОЭСР) субсидии, с помощью которых регулируют цены на продовольственные продукты, составляют половину расходов населения на питание. А в отдельных странах (например, Японии) дотации в иные годы составляют 80 % расходов на питание. И это именно политически целесообразно.

Однако В.В. Путин продолжает отвергать политику патернализма и приводит такой довод: «Отказ от нее диктуется стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких».

Вера, будто погрузить человека в обстановку жестокой борьбы за существование значит раскрепостить его потенциал, есть утопия. На деле все наоборот! Замечательным свойством советского патернализма была как раз его способность освободить человека от множества забот, которые сейчас заставляют его бегать, как белка в колесе. Эта непрерывная суета убивает все творческие силы, выпивает жизненные соки. Это и поражало на Западе, когда удавалось поехать туда еще в советское время.

Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне позволяют человеку плодотворно отдаться творческой работе и воспитанию детей вот тогда и раскрывается его потенциал. Это говорит не только советский опыт, по этому пути с опорой на государственный патернализм пошли Япония и страны Юго-Восточной Азии.

Опыт Российской Федерации показал, что стресс и гонка ведут к росту заболеваний, смертности и преступности и потенциал человека съеживается. Жители нынешней Российской Федерации живут в атмосфере нарастающих страхов перед потерей работы или ремонтом обветшавшего дома, перед разорением фирмы или техосмотром старенькой машины, перед болезнью близких, для лечения которых не найти денег. И уж самый непосредственный страх перед преступным насилием.

Однако установка на искоренение патернализма едва ли не самая устойчивая в правящей верхушке России. В статье «Россия, вперед!» (10.09.2009) тогдашний президент РФ Д.А. Медведев изложил представление о стратегических задачах, которые нам предстоит решать, о настоящем и будущем нашей страны. Он сказал: «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее

примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство Считаю необходимым освобождение нашей страны от запущенных социальных недугов, сковывающих ее творческую энергию, тормозящих наше общее движение вперед. К недугам этим отношу широко распространенные в обществе патерналистские настроения. Уверенность в том, что все проблемы должно решать государство».

С коррупцией и сырьевой экономикой все ясно (вопрос только в том, как ухитриться не тащить их в наше будущее). В этом стратегическом заявлении, видимо, главный смысл как раз в том, чтобы отказаться от патернализма застарелой привычки полагаться в решении проблем на государство.

Власть настойчиво представляет патерналистские настроения большинства граждан России как иждивенчество. Это поразительная деформация сознания, глубинное непонимание сути явлений. Как может быть народ иждивенцем государства? Похоже, что наши правители всерьез представляют власть каким-то великаном, который пашет землю, добывает уголь кормит и греет народ, как малое дитя. А ведь все проблемы решает именно народ, а государство выполняет функцию организатора коллективных усилий. И предметом нынешнего конфликта в России является перечень обязанностей, которые, согласно сложившимся представлениям большинства, должно взять на себя государство. А оно от этих обязанностей отлынивает!

Власть неприемлемо сужает понятие патернализма, распространяя его только на отношения государства и населения. В действительности народ всегда ожидал от государства отеческого отношения ко всем системам жизнеустройства России к армии и школе, к промышленности и науке. Все это творения народа, и им в России требуется забота и любовь государства. В этом срезе отношений государства и народа произошел столь глубокий разрыв, что он нанес почти всему населению культурную травму. Разоружение армии, демонтаж науки, деиндустриализация и купля-продажа земли все это воспринималось как уход государства от его священного долга. Это не просто потрясло людей, это их оскорбило. Возник конфликт не социальный, а мировоззренческий, ведущий к разделению народа и государства как враждебных этических систем.

Высшие руководители государства этого, похоже, просто не чувствуют. Как тяжело слышать, например, такие рассуждения В.В. Путина о критерии, которому будет следовать власть, оказывая поддержку предприятиям: «Право на получение поддержки получат лишь те, кто самостоятельно способен привлекать ресурсы, обслуживать долги, реализовывать программы реструктуризации».

Разве так поступают в семье? Бывает, что в трагических обстоятельствах нет возможности поддержать всех детей. Но поддерживать лишь сильных и богатых критерий не просто странный, но небывалый. Обычно государство, заботясь о целом, поддерживает те системы, которые необходимы для решения критически важных для страны задач. Но именно такие коллективы обычно не способны самостоятельно привлекать ресурсы, поскольку ориентированы на проекты с высокой степенью риска и низкой экономической рентабельностью. Можно ли было, следуя изложенному выше критерию, осуществить в США или СССР атомные программы? Можно ли было развить мощную фундаментальную науку? Мы видим, что и здесь государство принципиально снимает с себя обязанность быть главой семьи.

В недавнем манифесте группы экономистов, предлагающих экономическую теорию, альтернативную неолиберальной доктрине Вашингтонского консенсуса, сказано: «Мы не можем обеспечить сколь либо долгосрочные экономические эффекты, не создав длительно существующую, сильную и жизнеспособную политическую и этническую общность. В этом отношении политические и этнические элементы такой общности должны быть предпосланы экономическим даже в решении экономических проблем. А сколь либо устойчивая и жизнеспособная политическая общность, в свою очередь, не может существовать, не будучи на практике работающей социальной общностью, которая основана на разделяемых корневых ценностях и сходном понимании справедливости короче говоря, которая не является в то же время моральной общностью».

Таким образом, уход государства от выполнения сплачивающей функции, ценностный конфликт с большинством населения разрывают узы горизонтального товарищества и раскалывают ту моральную общность, которая только и может создать умную экономику.

Вот выдержка из старого дореволюционного российского учебника по гражданскому праву: «Юридическая возможность нищеты и голодной смерти в нашем нынешнем строе составляет вопиющее не только этическое, но и экономическое противоречие. Хозяйственная жизнь всех отдельных единиц при нынешней всеобщей сцепленности условий находится в теснейшей зависимости от правильного функционирования всего общественного организма. Каждый живет и дышит только благодаря наличности известной общественной атмосферы, вне которой никакое существование, никакое богатство немыслимы За каждым должно быть признано то, что называется правом на существование Дело идет не о милости, а о долге общества перед своими сочленами: каждый отдельный индивид должен получить право на свое существование Конечно, осуществление права на существование представляет громадные трудности, но иного пути нет: растущая этическая невозможность мириться с тем, что рядом с нами наши собратья гибнут от голода, не будет давать нам покоя до тех пор, пока мы не признаем нашей общей солидарности и не возьмем на себя соответственной реальной обязанности».

В этом разделе учебника, во-первых, отрицается способность рынка оценить реальный вклад каждого человека в жизнеобеспечение общества. Во-вторых, утверждается всеобщее право каждого на получение минимума жизненных благ на уравнительной основе именно как право, а не милость. И это право в современном обществе должно быть обеспечено государством, а не благотворительностью.

Наконец, утверждается, что уравнительное предоставление минимума благ в условиях России начала XX века является не только этически обязательным, но и экономически целесообразным. В России реформаторы конца XX века, напротив, стали

выбрасывать из общества бедных. Это был исторический выбор, сделанный без общественного диалога. Так был задан определенный вектор, и явного осознанного отказа от него до сих пор не произошло.

В российском обществе бедность является социальной болезнью. Для ее лечения необходим рациональный подход с установлением диагноза, выяснением причин и отягчающих обстоятельств, разумный выбор лекарственных средств и методов. Но если нет рационального представления о проблеме, то значит, не может быть и рационального плана ее разрешения.

В России сегодня даже нет языка, более или менее развитого понятийного аппарата, с помощью которого можно было бы описать и структурировать проблему бедности. Есть лишь расплывчатый, в большой мере мифологический образ, который дополняется метафорами, в зависимости от воображения и вкуса оратора. Соответственно, нет и более или менее достоверной фотографии нашей бедности, ее карты.

Своей бесчувственностью в социальной политике власть создала большую угрозу, которая уже действует и перемалывает российское общество. В 90-е годы государство проявило такой тип жестокости, какого мы уже и не предполагали в людях. Иногда казалось, что мы во власти инопланетян. Выступает политик, говорит о реформе ЖКХ. Кажется, если бы ты смог протянуть к нему руку через телеэкран и дернуть его за щеку кожа отслоилась бы, а под ней чешуя ящера с неизвестной планеты.

Уже на первых этапах реформы власть проявила столь безжалостное отношение к населению, что даже академик Г.А. Арбатов посчитал нужным отмежеваться от правительства реформаторов: Меня поражает безжалостность этой группы экономистов из правительства, даже жестокость, которой они бравируют, а иногда и кокетничают, выдавая ее за решительность, а может быть, пытаясь понравиться МВФ.

Без диалога и ясной программы, на базе которой возможен общественный договор и общие усилия, преодоление кризиса невозможно. Но первое условие такого договора отказ от превращения России в джунгли конкуренции, от стравливания людей в звериной борьбе за выживание. И первый шаг ограничение законов рынка в социальной сфере, поворот к восстановлению отношений государственного патернализма.

Согласно наблюдениям А. Тойнби, элита способна одухотворять большинство, лишь покуда она одухотворена сама. Ее человечность в отношении большинства служит залогом и одновременно показателем ее одухотворяющей силы. С утратой этой человечности элита, по выражению Тойнби, лишается санкции подвластных ей масс.

«Пирамида ожиданий»

Человек живет в искусственном мире культуры. Важная его часть мир вещей. Он неразрывно связан с миром идей и чувств, человек осознает себя, свое положение в мире и в обществе по тому, какими вещами владеет и пользуется. Вещи символы отношений. Воздействуя на отношение людей к вещам, можно изменить и их отношение к людям, к стране, к своей собственной жизни. Отношение людей к вещам один из главных фронтов борьбы за души людей.

Последние двадцать пять лет граждане России были объектом небывало мощной и форсированной программы по созданию и внедрению в общественное сознание новой системы потребностей. В ходе этой программы сначала культурный слой и молодежь, а потом и основную массу граждан втянули в то, что называют революцией притязаний. То есть добились сдвига к принятию российскими гражданами постулатов и стереотипов западного общества потребления.

Масса людей стала вожделеть западных стандартов потребления и считать их невыполнение в России невыносимым нарушением прав человека. Так жить нельзя! вот клич человека, страдающего от невыполнимых притязаний. Чтобы получить шанс, пусть эфемерный, на обладание вещами как на Западе, надо было сломать многие устои российской цивилизации, отбросить многие заданные ею нравственные ограничения.

В обыденном сознании укоренилось представление, что потребности даны человеку объективно, что они естественны. Человеку нужна пища, одежда, жилище и т. д. Слово объективно можно принять с оговорками если учесть, что имеется в виду объективность социального бытия, выскочить далеко за рамки которого отдельный человек не может. Но естественными потребности человека считать никак нельзя. Это ошибочное представление.

Человек создан культурой, и его потребности также продукт культуры. Биологические потребности человека как живого существа очень невелики. Они даже подавляются культурой большинство людей скорее погибнет от голода, чем станет людоедами.

На самых ранних стадиях развития человеческого общества люди жили собирательством и охотой. Материальные потребности у них были еще неразвиты, и на их обеспечение было достаточно потратить около двух часов в день. Это был век изобилия, и люди имели много времени для досуга, который использовали, чтобы созерцать мир, совместно создавать большие мифологические системы и музыку, заниматься наскальной живописью.

Новые материальные потребности создавались обществом в его развитии как стимул для более интенсивного и продолжительного труда в выполнении общих задач. Они не были предписаны природой человека, а были обусловлены социально исходя из целей данного конкретного общества в данный исторический момент.

В любом обществе круг потребностей меняется, идет обмен вещами и идеями с другими народами. Это создает противоречия, разрешение их требует развития и хозяйства, и культуры. Уравновешивают этот процесс разум и совесть людей, их исторический опыт, отложившийся в традиции. Любой народ, чтобы сохраниться, должен обеспечить безопасность национального производства потребностей от вторжения чужих программ-вирусов. Обновление системы потребностей как части национальной культуры должно вестись в соответствии с критериями, которые нельзя отдавать на откуп чужим.

Между тем именно навязывание другому народу специально созданной, наподобие боевого вируса, системы потребностей является одним из главных средств ослабления и подчинения этого народа. Так, например, англичане произвели захват Китая в XIX веке. Все попытки соблазнить китайцев западными товарами были безуспешны от имени императора послов и купцов благодарили за подарки и хвалили эти занимательные штучки, но отвечали, что надобности в них у китайцев нет. Англичанам пришлось вести тяжелые войны, чтобы заставить Китай разрешить на его территории торговлю опиумом, который для этого стали производить в Индии. С этого и началось с сильного наркотика, потом пошли в ход более слабые (граммофоны, чайники со свистком и пр.). Как известно, животное хочет того, в чем нуждается, а человек нуждается в том, чего хочет.

Экспорт потребностей одно из важных средств в экономической войне цивилизаций. Слаборазвитость и есть такое состояние культуры, когда элита становится компрадорской, то есть тратит национальные ресурсы на покупку заграничных товаров для собственного потребления, а массы с таким положением соглашаются, потому что надеются вкусить хоть немного от заграничных благ.

В прошлом сильнейшим барьером, защищавшим местную (реалистичную) систему потребностей, были сословные и кастовые рамки культуры. Таким барьером, например, было закрыто крестьянство в России. Крестьянину и в голову бы не пришло купить сапоги или гармонь до того, как он накопил на лошадь и плуг, он ходил в лаптях. Так же в середине века было защищено население Индии и в большой степени Японии. Позже защитой служил мессианизм национальной идеологии (в СССР, Японии, Китае). Были и другие защиты у нас, например, осознание смертельной внешней угрозы, формирующей потребности окопного быта.

Процесс внедрения невозможных потребностей протекал в СССР начиная с 60-х годов, когда ослабевали указанные выше защиты. Но обвально они были обрушены в годы перестройки под ударами всей государственной идеологической машины. При этом новая система потребностей была воспринята населением не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении местной ресурсной базы для их удовлетворения. Это привело к быстрому регрессу хозяйства с одновременным культурным кризисом и распадом системы солидарных связей. Монолит народа рассыпался на кучу песка, зыбучий конгломерат мельчайших человеческих образований семей, кланов, шаек.

В ходе довольно длительной культурной кампании в наше общество были импортированы и внедрены в сознание потребности, якобы удовлетворенные на Западе. При помощи прямых подлогов и недоговоренностей было создано также убеждение, что этот комплекс потребностей может быть удовлетворен и в России надо только перестроить наш дом, главные структуры жизнеустройства. В дальнейшем это убеждение обрушилось и превратилось в более хищную, но реалистичную формулу: кое-кто в России может потреблять так же, как на Западе. Но потребности остались, они обладают большой инерцией.

В какой же коридор загнали жизнеустройство России после 1991 года? Для нашей темы главное изменение сводится к следующему: в России резко (за два года вдвое) сократились инвестиции, вложения средств в поддержание и воспроизводство основных фондов всей материальной базы страны. Соответственно, стало снижаться производство всех благ. Это снижение производства, выражаемое величиной ВВП, происходило медленнее, чем сокращение инвестиций, основные фонды какое-то время остаются дееспособными и без ремонта и обновления.

Самый главный для нас факт состоит в том, что при этом потребление благ сократилось несущественно. Его можно представить показателем розничного товарооборота покупок товаров населением. Конечно, при новом образе жизни внутри населения произошло резкое расслоение на тех, кто подтянул пояса и стал потреблять меньше, и на тех, кто стал жрать в три горла и заполнять свои квартиры и дачи ненужным дорогим барахлом. Но если взять Россию в целом, то в 1999 г. инвестиции составили 22 % от уровня 1990 года, ВВП 58 %, а розничный товарооборот 87 %.

Режим Ельцина перенастроил Россию на проедание накопленного национального богатства (основных фондов). За счет чего же обеспечивалось поддержание потребления на уровне 87 % от 1990 года, что намного превышает индекс ВВП? За счет импорта, оплаченного сырьем и распродажей части основных фондов. Ясно, что такая жизнь долго продолжаться не может, т. к. быстрее всего проедается будущее. Это воровство у будущего не так заметно, потому что еще не родившиеся дети не просят есть. Но проедается и настоящее набирает темп разрушение производственной базы, оставшейся без инвестиций, и для поддержания уровня потребления приходится сокращать численность ртов. Мягкий метод известен превышение смертности над рождаемостью. Народ, потребляющий намного больше, чем производит, вымирает неминуемо. Насчет законов Мальтуса еще можно поспорить, а закон сохранения веществ нарушить не получается.

От новой власти, которая всем казалась альтернативой Ельцину, ожидалась восстановительная программа. Требовалось срочно остановить деградацию материально-технической базы производства и систем жизнеобеспечения (прежде всего ЖКХ). Надежды на такой поворот подогревались той манной небесной в виде нефтедолларов, которая вдруг пролилась над Россией.

Да, толика этого дождя оросила экономику инвестиции стали слегка увеличиваться, хотя львиная доля их пошла не на воспроизводство целостной системы хозяйства, а в создание новой России. 54 % всех инвестиций были направлены в три отрасли: добычу топливно-энергетических ресурсов; транспорт и связь; операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг. А, например, машиностроение, объем производства в котором (исключая автомобилестроение) сократился в шесть раз, получило только 1 % инвестиций.

Из сравнения динамики инвестиций и потребления напрашивается вывод, что народная любовь к нынешней власти зиждется на том, что власть задобрила половину населения. Задобрила тем, что изъяла из хозяйства и кинула этой половине в качестве отступного некоторую долю национального достояния на пропой и на импортное барахло. Цена этого сговора: износ основных фондов, деградация ЖКХ, здравоохранения и образования, тяжелое массовое пьянство и подрезание всех корней модернизации и развития. Россия погружается в безнадежность. Ельцин на такое не решился, потому и любви не снискал и до конца второго срока не досидел. Была в глубине его темной души капелька чувства хозяина…

Реальность нам известна: дом перестроили так, что отдали хозяйство на поток и разграбление. В результате множество людей не могут удовлетворить даже самые обычные, традиционные жизненные потребности. Но при этом и несбыточные остались! И оттого, что несбыточность их очевидна, но в то же время отвергается сердцем, люди испытывают сильный стресс, который и разрушает структуры сознания. Система потребностей обладает инерцией и воспроизводится, причем, возможно, во все более уродливой форме.

Поэтому даже если бы удалось каким-то образом вновь поставить эффективные барьеры для экспорта соблазнов, внутреннее противоречие не было бы разрешено. Ни само по себе экономическое закрытие России, ни появление анклавов общинного строя в ходе нынешней ее архаизации не подрывают воспроизводства потребностей идолопоклонника. Таким образом, у нас есть реальный шанс зачахнуть, превратившись в слаборазвитое общество. Еще немного и новое население России ни по количеству, ни по типу сознания и мотивации уже не сможет не только осваивать, но и держать территорию. Оно начнет стягиваться к центрам комфорта, так что весь облик страны будет быстро меняться.

Переход к импортированным из иного общества несбыточным потребностям – это социальная болезнь. Болезнь эта страшна не только страданиями, но и тем, что порождает порочный круг, ведущий к саморазрушению организма. Разорвать этот круг нельзя, потакая больному частично удовлетворяя его несбыточные потребности за счет сограждан, или улучшая понемногу все стороны жизни. Противоречие объективно чревато катастрофой раскол общества и расщепление каждой личности создают напряжение, которое может разрядиться ползучей (молекулярной) гражданской войной. России грозит гражданская война постмодерна, порожденная революцией притязаний.

Заложенные мины

Мы переживаем Смутное время, а это разброд и шатание. Но есть тема, о которой думают все, что же будет с Родиной и с нами? И есть в этой теме общий подход люди пытаются разглядеть и понять угрозы для России. Предупрежден значит вооружен. Это оружие всем нам необходимо, чтобы провести через цепь опасностей и Родину, и наших близких, за кого мы в ответе.

Будем говорить о тех угрозах, которые составляют ядро системы опасностей для России. Какие-то мы унаследовали от проклятого прошлого, которое уходит в туманные времена Киевской Руси, но большая часть порождена на наших глазах, за последние двадцать лет.

Доктрина реформ предполагала высокую степень риска для всех систем страны. Делалось это осознанно или как печальная необходимость при разрушении империи зла задача для следователей. Нас же интересует суть дела: как угрозы зарождались и развиваются, по каким признакам их можно обнаружить и оценить, каков потенциал каждой из них и с какой скоростью он наращивается, в каком месте реализуется опасность и что ей можно противопоставить.

В целом, мины, заложенные при Горбачеве и Ельцине, дозревают до того, чтобы начать рваться только сейчас. Главный вал отказов, аварий и катастроф придется на то поколение, что сегодня входит в активную жизнь. Большинство опасностей, предсказанных специалистами при обсуждении доктрины реформ в начале 90-х годов, проявились. Однако их развитие оказалось более медленным, чем предполагалось. Большие системы, сложившиеся в советское время, обладают аномально высоким запасом прочности. Природа этой устойчивости не выявлена, и ресурсы ее не определены. Это создает опасную неопределенность, поскольку исчерпание запаса прочности может быть лавинообразным и момент его предсказать трудно.

Природа и источники рисков и угроз в условиях нашего кризиса не стали предметом ни научных исследований, ни общественного диалога. Исследования, беспокоящие реформаторов, были свернуты, специалисты разогнаны. Не сложилось интеллектуального сообщества, которое могло бы судить об угрозах, исходя из норм научной добросовестности. Ячейки таких исследований ушли в катакомбы.

Перечень угроз можно сделать длинным или коротким на деле все они есть просто разные грани большой угрозы бытию России. Но сначала надо сказать об фоне, на котором зреют угрозы. Свойство разумного человека способность предвидеть угрозы. Для этого необходим навык рефлексии обращения назад. Первым шагом к общему кризису у нас и стало отключение памяти и рефлексии как будто в конце 80-х годов кто-то сверху щелкнул выключателем. Информация об угрозах стала активно отвергаться.

На всех уровнях общества всегда имеется карта угроз, как-то выраженная. Она всегда не вполне достоверна и отстает от жизни. Но в моменты резкого слома порядка эта карта может стать совсем негодной. Следуя ей, мы попадаем в положение командира, который в тумане ведет свой отряд по карте вообще другого района. Он не видит угроз, они возникают внезапно.

Это и есть база нашей проблемы, ее нулевой уровень наше сознание утратило навыки предвидения угроз. Мы стали отключать системы сигнализации об угрозах, одну за другой, чтобы не мешали празднику жизни. Ликвидировали структуры, созданные для обнаружения и предотвращения угроз. Общество заболело чем-то вроде СПИДа. Ведь он и выражается в отключении первого контура системы иммунитета механизма распознания проникших в кровь веществ, угрожающих организму.

В стране отключена сама функция распознания угроз, подорваны необходимые службы и испорчены инструменты.

С учетом этого и начнем разговор.

В 90-е годы наше общество утратило навык предвидения угроз настолько, что в обиход вошел термин синдром самоубийцы. Операторы технических систем совершали цепочку недопустимых действий, как будто специально хотели устроить катастрофу. Вот, на шахте взрыв метана, погибли люди. Был неисправен какой-то датчик, подавал ложные сигналы. Его просто отключили. Не помогло, сигналы беспокоили и последовательно отключили 23 анализирующих устройства.

Так вели себя люди в самых разных делах, это был признак общей беды. От травм, случайных отравлений и несчастных случаев у нас стало гибнуть очень много людей по 400 тысяч человек в год. Заговорили даже, будто дело в нашей природной неспособности жить в мире техники. Это ерунда, речь идет об общем кризисе индустриального общества. Нас от этого отвлек социальный кризис 90-х годов, но пора задуматься.

Техносфера, в которой живет человек, дозрела до такой плотности, что опасностям в ней стало тесно, и они полезли из нее, как перекисшее тесто. В Европе сейчас только хлора накопилось более 20 тысяч летальных доз на каждого жителя. Интенсивность потоков энергии и опасных материалов такова, что сама технология может быть превращена в оружие массового уничтожения. Но беда не в технике, а в том, что городской человек не умнел в том же темпе, что росли опасности, и сейчас его сознание не соответствует структуре и масштабам угроз.

В чем же дефект? В том, что в основу индустриального разума была положена иллюзия, что мироздание это машина. Все в ней предопределено и поддается расчету. Бог часовщик завел пружину мироздания и больше не вмешивается, часы тикают в полном порядке. Возникла теория рынка как такой машины, эта же модель положена в основание Конституции США сдержки и противовесы держат ее в равновесии. Такой машиной, наподобие часов (или насоса), представлялся и человек. Это мировоззрение породило безответственность. Если вокруг простые машины, все предсказуемо, то нечего опасаться, невидимых

угроз мир не таит.

Так возникла цивилизация огня и железа, ее кумиром стал Прометей титан, воплощение культа силы и техники. Человек посчитал себя всесильным, вновь обрел свое языческое Я. Так был выброшен дар предвидения угроз. Идея свободы затоптала ответственность, идея прогресса память. Слепые вели слепых, и мир свалился в яму нынешнего кризиса. В России все кризисы Запада происходят в самой бурной форме. Теперь глотнули неолиберализма, больного учения уже больного Запада. Судя по всему, поправимся, но сильно исхудаем.

Люди осознают себя как народ в сравнении с другими народами, как мы и они. Для сравнения в качестве иных берутся народы, которые оказывают большое влияние на нашу судьбу. Начиная с XVI века такими для русских стали народы Запада (немцы). С Запада приходили теперь захватчики, несущие главные угрозы для России, оттуда же приглашали учителей. К Западу русские относились с напряженным вниманием, перенимая у них многие идеи и технологии. По поводу отношения к Западу среди русских шел непрерывный диалог и возникали конфликты, так что даже оформились два течения западники и славянофилы.

Ненависть к Западу никогда не была стержнем самосознания русских. От этого нас уберегла история – во всех больших войнах с Западом русские отстояли свою независимость, а в двух Отечественных войнах одержали великие победы.

Это укрепило не только русский народ, но и ту нацию, которая складывалась вокруг него в России и СССР. Кроме того, самосознание русских в их сравнении с Западом укреплялось успехами в культурном строительстве: большинство русских чувствовали себя, в главном, на равных с Западом.

Не слишком задумываясь об этом, русские считали себя самобытной цивилизацией, как это принято и в мировой науке. К концу XX века мы подошли с определенным мнением о Западе, и особенно о США, как об ином, задающем координаты для нашего самоосознания. Это мнение выражали духовные авторитеты народа, начиная с Гоголя и Пушкина.

Да, многое есть у Запада, чем можно восхищаться, но есть и неприятие, возникшее с отходом его от православного представления о человеке. Это сочетание делало вдвойне важной роль Запада как иного для самосознания русских, поднимало его образ на высокий уровень.

Антиправославный дух Запада играл в нашей жизни большую роль. Особым воздействием заразительного дыхания Запада на Россию были провоцируемые им расколы общества и, говоря современным языком, национальные предательства тяготеющей к Западу части элиты. Вторжение в русскую жизнь западного капитализма с конца XIX века вызвало особенно тяжелый раскол и довело до революции.

Таким образом, Запад и его наиболее чистое воплощение США были для русских важнейшей системой координат, в которой они понимали сами себя. В 70-е годы XX века в сознании части интеллигенции возник кризис, эта часть в холодной войне встала на сторону Запада против СССР. Так, А.Д. Сахаров, признанный духовный лидер нашей демократической интеллигенции, стал открыто бороться с нашей империей зла. Он завалил президентов США требованиями о введении санкций против СССР и даже о бойкоте Олимпийских игр в Москве в 1980 г. В 90-е годы демократы этим хвастались, теперь помалкивают, но надо же вспомнить урок.

Все 90-е годы правящая верхушка требовала от русских принять Запад как идеал гуманизма и демократии. Это нанесло тяжелый удар по мировоззренческой матрице народа. Нам ломали устои нравственности и совести, критерии различения добра и зла. Этот порядок был противен совести нашего народа и главным устоям русской культуры, так что его одобрение создавало конфликт между этой совестью и государством, что разрушало важную систему народообразующих связей. На деле власть и элита вели демонтаж народа, ибо переделать его мировоззрение политики не могли, но подорвать его связность им было по силам.

Для того чтобы восстановить эту связность, требуется обратиться к устоям своей культуры, которая выросла на Православии и русском космическом чувстве. С этим ядром совместимы взгляды народов, что собрались в Россию. Механицизм мы используем как научный инструмент. Но мир не машина, а Космос, хрупкая Вселенная. Процессы в ней часто необратимы, так что по незнанию или сдуру можем совершить непоправимое. В обществе и человеке много такого, что нельзя рассчитать. А значит, что-то менять, а тем более ломать, надо с большой осторожностью а тут кувалдой страну перестраивают. Вот и встают угрозы.

Чтобы их увидеть и нанести на карту, надо изменить тот фон, на котором разыгрывается наша драма. Нужно отремонтировать нашу мировоззренческую матрицу вернуться к принципу минимизации рисков, к тому космическому чувству, из которого русская наука черпала идеи для понимания катастроф, борьбы порядка и хаоса, от которой мы не можем ни дезертировать, ни откупиться.

Сегодня в России системный кризис. В ходе таких кризисов страдают и элементы, и связи всех систем страны. Сильнее всего самая уязвимая часть систем связи. Угрозы каким системам являются критическими, то есть могут повлечь лавинообразные цепные процессы распада, угрожающие гибелью целого?

1. Демонтаж народа.

Это разрыв связей, соединяющих людей в народ, а также порча механизмов, которые ткут эти связи, ремонтируют и обновляют их.

Ядро России русский народ, который и сам вобрал в себя множество племен. Их сплавило Православие, общая историческая судьба с ее угрозами и войнами, русское государство, язык и культура. Операция по демонтажу советского народа с конца 80-х годов ударила по его русскому ядру. Эта операция продолжается и порождает главную на сегодня угрозу для России. Народ субъект истории и держатель страны. Разрыхление его связности лишает его надличностной памяти, разума и воли. Отсюда кризис всех других систем.

Демонтаж народа проводится посредством экономической и информационно-психологической гражданских войн. Сейчас размонтированы верхние слои связей, основа цела, но угроза нарастает.

2. Демонтаж общежития народов.

Россия создала особый его тип. Восточные славяне, соединяясь в русский народ, нашли способ собрать на огромном пространстве империю неколониального типа. Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, не было планомерной ассимиляции, не создавался этнический тигель, сплавляющий всех в новую нацию, не было и апартеида, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах. С 90-х годов один из главных ударов направлен на механизм, что скрепляет эту систему. Вызревают две угрозы: превращение этнического сознания нерусских народов из русоцентричного в этноцентричное; нагнетание русского этнонационализма, ведущего к разделению и архаизации народов. России грозит молекулярная этническая война всех против всех.

3. Подрыв рациональности.

Для земной жизни нужны инструменты рационального мышления точный язык, логика, мера, навыки рефлексии и проектирования. Все они были сильно повреждены во время перестройки, а затем подрывались в ходе реформы. Сейчас сознание общества, и особенно элиты, хаотизировано и не справляется с задачами, которые ставит кризис. Резко снизилось качество решений и управления, возникли аномальные зоны, где принимаются наихудшие решения из всех возможных. Дальнейшая деградация рационального сознания всеобщая угроза.

4. Ухудшение личного состава страны.

Реформа нанесла тяжелый урон населению. Ухудшилось физическое и психическое здоровье большинства граждан России всех возрастов и социальных групп народ болен в прямом смысле слова. Быстро снижаются формальные и качественные показатели уровня образования, наступает невежество и мракобесие. Упала до красной черты и продолжает падать квалификация главных групп работников. Подорваны нормы человеческих отношений и способность к самоорганизации. Возникли малые народы, подгрызающие структуры цивилизации (гунны). Наступает цивилизация трущоб, привыкающая к своей культуре.

5. Внедрение системы потребностей, несовместимых с реальностью России.

Это один из главных видов оружия колонизаторов против дикарей. Теперь оно применяется против России. Когда в стране ускользает национальная почва из-под производства потребностей, народ чахнет и впадает в тоску. Им овладевает воля к смерти. Парень не может ездить на жигулях, без иномарки ему не жизнь. Эта большая операция информационно-психологической войны против России продолжается и разрывает связи солидарности людей, без которых не вылезти из кризиса.

6. Деградация системы власти и управления.

Страна как самолет, а власть и управление его экипаж. От его квалификации, здоровья и совести зависит жизнь страны. За 90-е годы произошло катастрофическое падение качественных характеристик и кадров управления, и всей системы в целом. Когда в 1988 г. Горбачев совершил первый погром кадров (как водится, под флагом борьбы с бюрократизмом), от начальников пошли бумаги, которые вызывали шок. Невозможно было понять, что произошло, не верили глазам. Они сошли с ума? На высокие посты пришли люди, не имевшие представления о системах, которыми они должны были руководить, причем люди агрессивные. За 90-е годы было еще несколько таких погромов чистка кадров. Отмечено уникальное и даже аномальное явление в управлении экономикой стали приниматься решения, наихудшие из всех возможных.

Из всех социальных групп именно у состава высшего эшелона управления произошло самое глубокое поражение рационального мышления. Иногда министры притворяются безумными (этим злоупотребляет Греф), но это не только маска. Их мышление действительно оторвано от здравого смысла. К тому же в безвыходный порочный круг госаппарат загнан коррупцией начальники оказались на крючке.

Потрясает живучесть страны, а также государственный инстинкт чиновников среднего звена, которые продолжают тянуть лямку, хотя и приворовывая. Однако эта угроза нарастает, поскольку процесс деградации вышел в режим самоускорения, а программы лечения нет. Само появление такой программы уже требует чрезвычайных мер.

7. Кризис легитимности власти и угроза оранжевых переворотов.

Постсоветская власть не может преодолеть кризис легитимности нехватку авторитета, уверенности граждан в том, что эта власть гарантирует жизнь страны и народа. Как следствие недостаточна активная поддержка власти со стороны большинства. До предела сузилась социальная база власти ее кадры отбираются из узкого слоя своих. Признак кризиса высокий рейтинг символического лица (президента) при очень низком уровне доверия ко всем другим институтам власти. Множество опросов

последних лет показали крайнюю степень отчуждения населения от власти. По множеству проблем в населении сложилось единодушное мнение: власть действует не во благо народа, а во вред ему.

Возникло неустойчивое равновесие, дестабилизация которого может быть достигнута сравнительно небольшими воздействиями. Культура и квалификация властной верхушки и ее интеллектуальных бригад не отвечают тем вызовам, которые содержатся в современных оранжевых технологиях. Эти технологии позволяют недорого создавать контролируемые кризисы. Единственный способ для власти преодолеть эту угрозу пойти на честный и открытый диалог с народом и почиститься. Но это означает глубокий конфликт с правящей верхушкой США, на который власть не может решиться.

8. Раскрытие России и высасывание ее ресурсов.

До последнего времени экономика России складывалась по типу семейного хозяйства, которое принципиально отлично от рыночной экономики. В семье ресурсы и усилия не продаются и покупаются, а складываются.

Реформа 90-х годов не смогла полностью преобразовать тип хозяйства России. Но хозяйство семьи нельзя раскрывать внешнему рынку он высосет из семьи все средства. Даже иная жена не удержится от соблазна поторговать собой на панели. Раскрытие семейного хозяйства сразу превращает его в руину это знают все, у кого в семье есть пьяница, который тащит из семьи. А сын-наркоман разоряет даже состоятельную семью всего за год.

У нас перед глазами катастрофа советского хозяйства, которое в 1990–1991 гг. было обескровлено, казалось бы, безобидными ошибками Горбачева. Была устранена монополия внешней торговли, а на заводах учреждены кооперативы, которые гнали продукцию за рубеж. Тогда внешний рынок высосал треть продукции, и внутри страны товары сдуло с полок. О сырье и говорить нечего, перекачка нефти и солярки за рубеж сразу создала прослойку миллионеров и нехватку горючего для весенних работ.

Для прокорма нашей больной семьи, в составе 143 млн. человек, остались лишь крохи доходов от Трубы если олигархи раздобрятся.

9. Угроза утраты школы и науки.

Школа генетический механизм национальной культуры. Ее главная задача не обучение техническим навыкам, а воспитание передача следующему поколению неявного знания и нравственных устоев, накопленных за века его народом. Так, русская школа обучает детей быть русскими. Российская школа, в основу которой положена модель, выработанная за полтора века в русской культуре, строит и воспроизводит большую российскую нацию. Попытка слома национальной школы приводит к тяжелейшему культурному кризису и длительному хаосу. Такая попытка и предпринята в РФ с начала 90-х годов.

Смысл школьной реформы заменить культурный и социальный тип русской школы на тип западной школы, выработанный в ходе Великой Французской революции. Западная школа воспроизводит не народ, а классы. Это школа двух коридоров один для производства элиты, другой для массы. Выходят из школы люди двух разных культурных типов. Ликвидации русской школы сопротивляются и учителя, и родители. Это сопротивление стихийное и неорганизованное, но упорное. Если его одолеют, нас ждет поистине общенациональная трагедия.

То же самое можно сказать и о науке. Свою отечественную науку Россия выращивала 300 лет. Она устроена по-иному, нежели на Западе. Русская наука замечательное культурное явление, достояние человечества. Она выработала особый русский стиль в науке, который сделал возможными и успехи в развитии России, и ее военные победы. Теперь наука один из необходимых устоев нашей цивилизации, без нее нам уже не сохраниться. Очень многие виды знания, которое добывают и хранят ученые России, нельзя купить за границей ни за какие деньги. За 90-е годы нашу науку почти задушили, но ее еще можно возродить. Однако начинается новый виток реформы с целью сломать культурный генотип русской науки и превратить ее в маленький рентабельный бизнес. Это грозит нам полной утратой независимости с неопределенными перспективами.

10. Деградация производственной системы.

Реформа привела к спаду производства примерно вдвое (в машиностроении в 6 раз). Идет неумолимый процесс старения и выбытия производственных мощностей при отсутствии инвестиций для их восстановления и модернизации. Техника изношена до предела, квалифицированные рабочие не готовятся. Еще хуже положение на селе треть пашни утрачена, остальная истощается без удобрений, ресурс техники почти исчерпан, племенной скот вырезан, потребление электроэнергии в производственных целях сократилось в 4 раза. Чтобы вновь запустить производство на основе рыночных отношений, как запускают заглохший двигатель, нужно вложить около 2 триллионов долларов.

Такова цена разрухи 90-х годов. Но не видно признаков того, что кто-то собирается такие деньги вкладывать. Инвестиции, о которых мы слышим, несоизмеримы с масштабами провала. Латание дыр и чрезвычайные аварийные меры и в малой степени не компенсируют массивных процессов старения и деградации. Вложения в Трубу, даже при высоких ценах на нефть, дадут кусок хлеба лишь небольшому меньшинству тем более при опережающем росте аппетита олигархов. Программы восстановления всей производственной ткани страны нет.

11. Деградация систем жизнеобеспечения.

По своему типу это такой же процесс, как и разрушение производственной базы. Разница в том, что при остановке многих

производств мы можем сколько-то времени протянуть за счет продажи нефти и газа, а при массовом отказе теплоснабжения замерзнем в первую же холодную зиму. А на грани такого отказа целые блоки ЖКХ. За 90-е годы из ЖКХ изъяли почти все амортизационные отчисления, поэтому не велся капитальный ремонт жилья, не перекладывались трубы водопровода и теплосетей. Без ремонта все ветшает в несколько раз быстрее, и мы уже перешли порог износа. Только на стабилизацию положения в ЖКХ требуется более 200 млрд. долларов, а стоимость полного восстановления даже не называют. Попытки переложить эти расходы на население или местное самоуправление наивны, привлечь к этому делу частный капитал невозможно: прибыль не светит.

Разумный выход правительству честно объясниться с народом и начать большую восстановительную программу (источник средств проблема баланса сил и политической воли). Альтернатива разделение народа на меньшинство в коттеджах с автономным жизнеобеспечением и большинство в трущобах. Результат: трущобы сожрут коттеджи, но Россия опять умоется кровью.

В дополнение к сказанному хотелось бы подробнее обозначить один из аспектов проблемы, связанной с демонтажом народа утрату образа земли в русском самосознании. Это одна из главных угроз для существования русского народа.

Прежде всего, отметим, что народ это общность людей, скрепленная не отношениями господства и собственностью, а отношениями горизонтального товарищества, чувством принадлежности к одной большой семье. Это чувство порождается общим языком, общей памятью и общими символами, преданиями, взглядом на мир. Но под этим должно лежать что-то жесткое, материальное, принадлежащее всему народу. Среди таких народных достояний особое место занимает земля. Для соединения народа она служит и священным символом, и животворным источником (дает хлеб земной).

Священным для народа является то место, где он возник, его родина. Мы говорим родная земля, имея в виду землю, породившую наш народ. Иногда говорят о почве (отсюда название одного из течений в национализме почвенники). Куда бы ни забрасывала судьба русского человека, он знает, что у него есть свое место Родина, междуречье Оки и Волги. Здесь с XIII века стал складываться великорусский этнос. Это его месторождение (точнее месторазвитие).

Конечно, не только в земле дело, возникали и существовали в одном и том же ландшафте разные племена, которые не сливались в один народ и сохраняли свою самобытность. Но обладание своей землей, территориальная целостность условие возникновения народа. Это колыбель народа. В историческом времени связь народов с землей подвижна, народы перемещались по земле (иногда даже происходили их массовые переселения).

В своем развитии народы осваивают новые ландшафты и новые способы ведения хозяйства, наполняют землю своей культурой, и она становится им родной. Можно сказать, что земля и народ создают друг друга. Народы складывались, коллективно думая о своей земле и земле значимых иных (там, за рекой, немецкая земля). Земля не безучастное физическое пространство, а пространство человеческое. Породнение с землей важная часть культуры народа (а также обычаев и права). Немного погодя мы приложим усилия для расширения познаний в этом вопросе, поскольку демагоги выработали способы стравливать народы, совместно проживающие в одних ландшафтах.

А в каждый момент связь народа с его землей настолько привычна, что воспринимается как нечто естественное, природное. Народы, оторвавшиеся от родной земли, вызывают недоверие (таков был удел евреев и цыган). Представление о родной земле важная часть мировоззрения каждого народа как основы его культуры.

На развитие русского народа повлияли два разных типа восприятия земли. Первый (статический) складывался в сознании земледельцев. Земля воспринималась как серия кругов, затухающих к границам неведомого. В центре находится дом (деревня) человека, дальше пояс полей и выгонов, еще дальше лесные угодья общины. За ними дальние пространства. Другой тип (динамический) представляет землю как путь-дорогу. Это сеть маршрутов движения воинов, купцов, паломников. Образ дальней дороги очень важен для русского сознания. Поэт Клюев даже сказал: Россия избяной обоз.

Движение русских землепроходцев особое порождение нашей культуры. Его связывают с особым взглядом православного богословия, с поиском Преображения, при котором земное странствие связано с обожествлением мира. Так было с движением на Север. Еще важнее этот мотив был в движении к Тихому океану и в освоении Америки, которая находилась за морями-океанами.

Образ земли относится к числу главных этнических символов, его надо оберегать и противодействовать попыткам его разрушить или осмеять. Судьба родной земли затрагивает самые глубокие структуры национального чувства, и экономические критерии здесь почти не играют роли. Этого не понимают российские реформаторы или делают вид, что не понимают.

Мы говорили, что людей связывает в народ чувство общего владения родной землей. Помимо самой земли влияние на здоровье народа оказывает и такая символическая вещь, как граница. Граница уже в самых древних государствах приобретала священный смысл она определяла пространство родной земли и часто становилась этнической границей. Внутри нее живет наш народ. Некоторые ученые считают, что граница это перешедший в культуру присущий животным инстинкт гнезда, норы (периметра безопасности). Замкнутая ограда, даже символическая, есть условие морального и физического комфорта как для отдельной семьи, так и для народа.

Сейчас, когда развал СССР разрушил границы России, русский народ живет в тревоге, часто неосознанной. Лучше это положение осознать разумно, оценить угрозы трезво и не позволять демагогам создавать психозы. При уязвимости границ в

национальном сознании всегда возникает болезненная тревога, а иногда и фобии страх перед иными народами, представляющими угрозу целостности своего пространства. К числу таких укорененных страхов относится и русофобия Запада, представление русских как варвара на пороге.

Сильнейшее потрясение для русских вызывает вторжение (нашествие) врагов и иностранная оккупация их земли. Объяснить это европейцу непросто, их междоусобные войны угрозы гибели народам не несли. Например, французы из наполеоновской армии искренне не понимали, почему их с такой яростью поднимают на вилы русские крестьяне. Ведь они несли им прогресс! Чувство русского сопротивления было точно выражено в главном лозунге Великой Отечественной войны: Смерть немецким оккупантам! В нем было указано главное зло оккупация родной земли и главный признак злодея этнический. Не буржуй и не фашист оккупирует нашу родную землю, а немец. Буржуй бы завладел землей как средством производства, фашист как идеологический враг советской власти. Немец оккупировал русскую землю и землю братских русскому народов. А эту землю не смеет враг топтать…

Особое обострение чувства территории и границы вызывает нынешняя волна глобализации. Во всем комплексе угроз, которые она несет странам и культурам, надо выделить ощущение угрозы самому существованию народа. Резкое ослабление защитной силы национальных границ несет для русского народа опасность утраты контроля не только над землей (почвой), но и над ее недрами. Обладание природными богатствами уже в первую волну глобализации (колониальные захваты) стало для многих народов бедствием.

Идеологи глобализации представляют человечество как человеческую пыль из индивидов, исключают понятие народ как субъект права (при этом превращают свои государства в неприступную крепость). Глобализация открыто декларируется как переход контроля над естественными и природными ресурсами Земли в руки финансовой элиты мира и хозяев мирового рынка. В ослабевших странах они создают свои пятые колонны, которые ведут подрыв национального сознания народов.

Глобализация привела к транснационализации насилия. Было, например, заявлено право США как единственной оставшейся сверхдержавы изымать граждан других государств с их территории для наказания их на территории США. Было заявлено и право США на гуманитарные интервенции в страны под любым надуманным предлогом, даже очевидно лживым. Национальное сознание подрывается не только самими этими угрозами, но и тем, что внутри страны собственные СМИ на русском языке нам внушают, что этот новый мировой порядок как раз и есть демократия и мы должны его поддерживать.

Сегодня укреплять русский народ – значит освободиться из-под влияния этой демагогии и договориться о нашей общей позиции согласно нашей совести и нашим национальным интересам.

Родная земля фундамент, на котором собирается и воспроизводится народ. В то же время земля великая ценность, и в мире есть много охотников ее присвоить. Всякие реформы, которые облегчают движение земли, несут в себе большую опасность для народа. Поэтому столыпинская реформа, устраняющая общинные запреты на продажу и заклад земли, критиковалась справа. Консерватор (черносотенец) М.О. Меньшиков писал: «Договорами, покупкою, меною и пр. у народа постепенно будет отобрана земля корень человеческого рода, постепенно затянута петлей свобода, самое дыхание народное. И тогда, при всевозможных хартиях вольностей и конституциях, народ станет неудержимо беднеть, превращаться в живой мусор, удел которого гниение».

Для нас сегодня очень важна история изъятия земель у народов стран, ставших колониями Запада, не столько то насилие, которым оно сопровождалось, сколько философия, которой его оправдывали сами колонизаторы.

В 1873 г. в парламенте Франции в дебатах по закону о купле-продаже земли в Алжире говорилось: Дальнейшее сохранение общинной собственности как формы, поддерживающей в умах коммунистические тенденции, опасно как для колонии, так и для метрополии; раздел родового владения предписывается, во-первых, как средство к ослаблению всегда готовых к восстанию порабощенных племен, во-вторых, как единственный путь к дальнейшему переходу земельной собственности из рук туземцев в руки колонистов.

Почему же французы считали себя вправе передавать земельную собственность из рук туземцев в руки колонистов? Как они пришли к такому взгляду? Насколько глубоко ощущение этого права укоренилось в мышлении европейца? В самых грубых чертах история такова.

Голландский юрист Гроций, как считается, заложил основы международного права. В трактате «О праве войны и мира» (1625) он определил, по какому праву колонизаторы могут отнимать землю у аборигенов, не согласуя захват с местными властями и применяя военную силу. Он выводил его из принципа римского права res nullius (принцип пустой вещи), который гласил, что невозделанная земля есть пустая вещь и переходит в собственность государства, которое передает ее тому, кто готов ее использовать. Этот принцип стал общим основанием для захвата земель европейскими колонистами. Уже в XIX веке земельные угодья в Африке, Полинезии и Австралии была присвоены колонизаторами практически полностью, а в Азии на 57 %.

С землями Северной Америки вышло сложнее. В Канаде пришельцев интересовала пушнина и золото, о праве на землю они поначалу не думали. Французы вторглись на земли индейцев-скотоводов и для их захвата применили старый принцип res nullius. Но англичане, двигаясь по плодородным прериям, натолкнулись на племена земледельцев. Англичане стали индейцев уничтожать, но проблема-то осталась. Ведь колонисты-пуритане были демократами с развитым правовым сознанием и высокой моралью, новый Израиль. Ну истребили краснокожих, но нельзя же так просто хватать их землю, надо по закону, честно. Пришлось призвать на помощь великих гуманистов и философов.

Перечитали трактат Томаса Мора «Утопия» (1516) он первым среди философов вновь ввел в оборот римское понятие колония. Он пошел дальше принципа res nullius и определил, что колонисты имеют право силой отбирать у аборигенов землю и депортировать их, если их земледелие менее продуктивно, чем у колонистов. Эта идея стала позже в Англии знаменем, под которым вели огораживание и сгон крестьян с общинных земель. Основанием права стала экономическая эффективность, решение невидимой руки рынка (конечно, при наличии видимого кулака власти). Цена на шерсть высока? Долой с земли крестьян с их капустой и чечевицей!

Испытав этот принцип на своих крестьянах, английские лорды провели экспроприацию большей части земли у ирландцев с колоссальной экономической эффективностью. Чтобы делить отнятую землю между солдатами Кромвеля, пришлось разработать теорию стоимости. Природную стоимость определяли весом сена несеяных трав, собранных с делянки. Затем считали доход, который можно получить, прилагая то или иное количество труда. Так возникла трудовая теория стоимости. Из нее, кстати, вывели и цену самих ирландцев. Утверждалось, что если они будут во всем слушаться англичан (перенимать цивилизацию), то их цена в пределе может подняться до 70 фунтов стерлингов. А пока что 25, как у раба из Африки.

В Америке превратить все эти заделы в стройную теорию собственности поручили великому философу Джону Локку, автору теории гражданского общества. Он должен был доказать, что землю у индейцев надо отобрать, несмотря на их прекрасные урожаи. И Локк дополнил трудовую теорию собственности новой идеей: труд, вложенный в землю, определяется в цене на рынке. Хороший урожай у индейцев не имеет значения это от природы. Земля у них не продается вот главное! Она дается бесплатно, дарится или обменивается на ценности, в тысячу раз меньшие, чем в Англии. Это значит, что индейцы в нее не вкладывали труда и не улучшали. А англичане вкладывали очень много потому у них земля покупается и продается по высокой цене. Значит, землю у индейцев надо отобрать, потому что англичане улучшают землю. Так возникло новое право собственности: земля принадлежит не тому, кто ее обрабатывает, а тому, кто ее изменяет (увеличивает ее стоимость).

Конечно, это логика бандита прилагать критерий, который был невыполним для индейцев из-за отсутствия у них частной собственности и купли-продажи земли. Но для нас сегодня важно, что этот критерий был принят европейцами. Но еще важнее, что все эти критерии теперь внедряются у нас самих и влиятельные силы в России их принимают.

В этом свете и надо рассмотреть кампании последних двадцати пяти лет:

– нытье о том, что в России слишком много земли, в том числе неиспользуемой;

– нагнетание мифа о том, что русские крестьяне плохо обрабатывали землю;

– идеологическая установка перестройки и реформы, согласно которой советское сельское хозяйство было неэффективным;

– отсутствие в России в прошлом рынка земли;

– выведение из оборота за годы реформы 43 млн. га посевных площадей и превращение их в res nullius;

– ничтожные цены на землю в России.

Если применить критерии права западного человека согнать с земли аборигенов, от Гроция до Локка, то все они оправдают изъятие земли у русских и передачу ее более эффективным собственникам, Видимо, такая ползучая передача уже идет. Но как только какой-то из преемников в цепочке наших президентов продаст свой черный ядерный чемоданчик, изъятие земли произойдет молниеносно. И из-под ног русского народа вышибут табуретку.

Исчезнут ли русское государство и русский народ?

Одним из губительных дефектов нашего сознания стала убежденность, будто народ, когда-то возникнув (по воле Бога или под влиянием космических сил, пассионарного толчка и др.), не может пропасть. Это представление ложно. Народ, в отличие от биологических популяций живых существ, возник не в ходе естественной эволюции. Это творение культуры, причем недавнее, требующее для своего существования уже сложной общественной организации. Когда, например, возник русский народ? Совсем недавно за XIV XVI века. А ведь уже до этого у восточных славян была своя государственность, общая религия и развитая культура. Но чтобы собрать их в народ, требовалось создать еще множество особых связей между людьми так, чтобы большая общность, расселенная на обширной территории, почувствовала себя огромной семьей. Мы русские. Но ведь эти связи можно и порвать!

Жизнь народа сама по себе вовсе не гарантирована, нужны непрерывные усилия по ее осмыслению и сохранению. Это особый труд, требующий ума, памяти, навыков и упорства. Как только этот труд перестают выполнять, жизнь народа иссякает и утрачивается. Народ жив, пока все его части власти, воины, поэты и обыватели непрерывно трудятся ради его сохранения. Одни охраняют границы родной земли, другие возделывают землю, не давая ей одичать, третьи не дают разрастись опухоли преступности. Все вместе берегут и ремонтируют центральную мировоззренческую матрицу, на которой собран народ, его хозяйство, тип человеческих отношений. Кто-то должен строго следить за национальными символами не позволять, чтобы недалекие политики озорничали около них, меняя то праздники, то Знамя Победы.

Эту работу надо вести как постоянное созидание национальных связей между людьми. Но созидание и сохранение задачи все же во многом разные. Здесь таится опасность ошибки. Возникает иллюзия, что каждодневное применение тех самых инструментов, при помощи которых был собран народ, гарантирует и его сохранение. На деле это не так, в чем мы могли не раз убедиться. И окружающий мир, и сам народ непрерывно изменяются. Значит, должны меняться и инструменты, и навыки.

Сохранение народа или обеспечение безопасности всех систем, связывающих людей в народ, есть процесс динамичный. Это не сохранение чего-то данного, это постоянное воспроизводство всех этих систем в меняющихся условиях. Драма советского народа в конце XX века произошла потому, что государство и общество укрепляли привычные, уже существующие структуры безопасности, недооценивая возникающие угрозы нового типа.

Сейчас в России возникли условия, в которых сохранение русского народа под вопросом. Опасность исчезнуть с лица земли уже не является метафорой. Однако изучение всех тех ударов, которые наносились по всей системе связей народа, показывает, что в перестройке и реформе сознательно велся демонтаж русского народа как хозяина великого богатства. В ходе ее выполнения эта задача неизбежно переросла в программу уничтожения всех вообще этнических и межэтнических связей народов СССР и главного скрепляющего их ядра русского народа. Обойтись без этого реформаторам и их геополитическим союзникам было невозможно.

Из этого и надо исходить, вырабатывая программу сохранения народа. Словами и деньгами тут не обойдешься, нужна большая система конкретных действий. И первым делом надо перечислить главные механизмы воспроизводства русского народа, по которым наносятся удары. Нужна карта боевых действий противника. Без нее не построить оборону, под прикрытием которой можно вести восстановительную работу.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в момент кризиса своего народа высказал важную мысль: Вера в то, что бессмертие народа в какой-то мере гарантировано, наивная иллюзия. История это арена, полная жестокостей, и многие расы как независимые целостности сошли с нее. Для истории жить не значит позволять себе жить как вздумается, жить значит очень серьезно, осознанно заниматься жизнью, как если бы это было твоей профессией. Поэтому необходимо, чтобы наше поколение с полным сознанием, согласованно озаботилось бы будущим нации.

Проблема в том, что для жизни народа требуется выполнять противоречивые, взаимно исключающие условия. Сохранение народа достигается лишь при определенном соотношении устойчивости и подвижности. Мир меняется, иногда очень быстро. Народ, особенно большой, должен тоже изменяться, чтобы приспособиться к миру как среде обитания. В нем все время должны происходить нововведения и появляться группы, которые стали иными, в чем-то нерусскими. Застой это деградация, такова участь всех сложных систем. Но изменение, отщепление диссидентов, появление в народе мозаики элементов, порождает опасности. Оно всегда сопряжено с неопределенностью кто-то идет не туда, кто-то в зоне хаоса норовит поживиться за счет народа. Угрозы реальны, и мы их видим своими глазами.

Здесь требуются знание, здравый смысл и трезвый анализ реальности. Очень полезна наука. На материале изучения множества кризисов, пережитых народами, она выработала несколько общих правил. А главное, она указала те точки, которые надо держать под контролем и о которых надо думать. Главная польза науки вообще в том, что она предупреждает, чего не следует делать, если хочешь уцелеть.

Если мысленно выстроим весь ряд изменений, произведенных в жизни русского народа за последние 20 лет, то окажется, что в целом доктрина этих реформ грубо нарушала главные правила, выработанные наукой (антропологией и этнологией). С народом, сложной системой, правители государства и властители дум поступали все эти годы как полные невежды или вредители. Невеждам надо помочь научиться, вредителей надо уничтожать. Но чтобы различать их, надо еще учиться самим. Кризис наш таков, что нам надо заниматься жизнью народа, как если бы это было нашей профессией.

Поговорим о противоречии между устойчивостью и подвижностью. История никакому народу не дает столь длительной стабильности, чтобы утряслась и пришла к гармонии вся мозаика его частей они возникают и изменяются в результате потрясений. Старики сегодня так болезненно переживают Смуту потому, что им довелось прожить полжизни в ощущении единства своего народа. Это такая роскошь, которую трудно объяснить даже родным детям. Но то единство было достигнуто на подъеме и при сплочении в военный лагерь. Более того, оно было результатом несчастья народа череды войн и революций, которые упростили мозаику. Какие-то группы эмигрировали, были повыбиты, спрятались. Сейчас те раны раскрылись, их нам еще расковыряли, новая мозаика полна внутренней вражды. Кризиса избежать вряд ли было можно, но такая глубокая травма неизбежной не была.

Каким же образом реформаторы повредили связности народа? Вот первый вывод науки: непосредственная опасность гибели народа возникает вследствие избыточной подвижности, которая нередко наблюдается после периода застоя.

Это чеканная формула антропологии. Она написана в книгах и учебниках. Для нас сейчас неважно, какими благими намерениями мостили дорогу перестройки и реформы Горбачев и Ельцин. Они нарушили эту формулу. Горбачев начал свою песню с того, что наш народ долго жил в условиях застоя. А в следующем куплете этой песни объявил перестройку путем слома. Наш народ поставили в условия такой избыточной подвижности, что возникла непосредственная опасность его гибели.

Это в общем, как суть всей доктрины перестройки и реформы. О конкретных измененных блоках нашего жизнеустройства и темпах изменений поговорим отдельно.

Мы говорили, что корень нашей нынешней Смуты в том, что стало меняться представление русских о том, что такое человек. Тут наше национальное сознание дало сбой. Нам казалось, что оно очень устойчиво, что в нем есть как будто данное нам свыше жесткое ядро. Оказалось, что оно подвижно и поддается воздействию образа жизни, образования, телевидения.

Смута привела к краху советского строя и затяжному кризису, разъединившему народ. Как это случилось?

Безымянные миллионы творцов советского строя исходили из того представления о человеке, которым был проникнут общинный крестьянский коммунизм. Они верили, что человеку изначально присущи качества соборной личности, тяга к правде и справедливости, любовь к ближним и инстинкт взаимопомощи. В особенности, как считалось, это было присуще русскому народу таков уж его национальный характер. А поскольку все эти качества считались сущностью русского характера, данной ему изначально, то они и будут воспроизводиться из поколения в поколение вечно.

Эта вера породила ошибочную антропологическую модель, положенную в основание советского жизнеустройства. Устои русского народа, которые были присущи ему в период становления советского строя, были приняты за его природные свойства. Считалось, что их надо лишь очищать от родимых пятен капитализма. Задача модернизации этих устоев в меняющихся условиях (особенно в обстановке холодной войны) не только не ставилась, но и отвергалась с возмущением. Как можно сомневаться в крепости устоев!

Эффективности крестьянского коммунизма как мировоззренческой матрицы народа хватило на 4–5 поколений. Люди рождения 50-х годов вырастали в новых условиях, их культура формировалась под влиянием кризиса массового перехода к городской жизни. Одновременно шел мощный поток образов и соблазнов с Запада. К концу 70-х годов на арену вышел культурный тип, отличный от предыдущих поколений. Если бы советский строй исходил из реалистичной антропологической модели, то за 50–60-е годы вполне можно было бы выработать и новый язык для разговора с грядущим поколением, и новые формы жизнеустройства, отвечающие новым потребностям. А значит, мы преодолели бы кризис и продолжили развитие в качестве независимой страны на собственной исторической траектории.

С этой задачей советский строй не справился. Он потерпел поражение и сдал страну новым русским. Следствием этого срыва являются не только разрушение Империи (СССР) и массовые страдания людей в период разрухи, но и риск полного угасания русской культуры и самого народа. Ибо мы сорвались в кризис в таком состоянии, что он превратился в ловушку. Прежняя траектория исторического развития опорочена в глазах молодых поколений, и в то же время никакой из мало-мальски возможных проектов будущего не получает поддержки у массы населения.

Вопреки разуму и совести большинства, с нынешнего распутья идет сдвиг русских к эгоцентризму (к человеку-атому). Этот дрейф к Западу как устоявшемуся порядку начался в интеллигенции. Он не был понят и даже был усугублен попыткой стариков подавить его негодными средствами. В 80-е годы этот сдвиг уже шел под давлением идеологической машины КПСС. Сейчас неустойчивое равновесие. Если на него не воздействовать, сдвиг продолжится в сторону распада русского народа и государства. Вопрос в том, есть ли силы, способные остановить его, пока дрейф не станет лавинообразным.

В целом прогноз тревожен. Массовое сознание в России движется в тупик. Главное, что угроза вырождения России воспринимается большой частью русских как вполне реальная и приемлемая. Никаких попыток сплотиться для ее предотвращения не наблюдается. Скорее, люди думают о способах личного спасения и выживания небольших общностей (семейств, родов, кланов). Обрезав советские корни, русские не обрели других и становятся людьми ниоткуда, идущими в никуда. Когда они дойдут до нужной кондиции, их богатства и человеческий материал будут потреблены более жизнеспособными цивилизациями. Многих в нынешней России такой вариант устраивает, поскольку они питают иллюзию, что они лично (их дети) попадут в число избранных.

Но исход вовсе не предопределен. Уйти от ответственности не выйдет.

Здесь важно отметить следующее. Народы это сгустки культуры, обладающие самобытностью. Люди изначально были вынуждены сплачиваться под внешним воздействием иных: Чтобы избежать этого разлагающего воздействия, каждая группа делает непрерывные усилия сохранить свое внутреннее сцепление, и в этом-то она и приобретает черты более или менее личные. Если равновесие нарушается и народ не может переваривать посторонние элементы, он теряет свою индивидуальность и умирает, то есть утрачивает свою этническую обособленность.

Массированное вторжение новшеств, разрушающих традицию (рутину), создает угрозу для этноса. Вот вывод ученых: Жизнеспособность этноса основывается на рутине, а диалог создает равновесие между рутиной и прогрессом: рутина это капитал, необходимый для жизнеспособности группы, а прогресс вторжение инноваций для улучшения жизнеспособности.

Итак, чтобы выжить, народ должен сохранять свои традиции, а чтобы улучшить жизнь, должен перенимать у других народов новшества. Почему большинству народов внушает ужас глобализация под рукой США? Потому, что она сметает те защиты, которые национальная традиция выстраивает против вторжения новшеств. И поток новшеств будет односторонним, потому что свои защиты Запад успел укрепить. При этом соблазн действительно велик жизнь будет улучшаться (будем ездить на иномарках). Но вскоре окажется, что самой жизни у народа не будет, останутся лишь улучшения.

Иными словами, вместо народа останутся пережившие его индивиды, отобранные глобальным отделом кадров по его критериям. Как предсказывал антрополог Конрад Лоренц, будет проведен всемирный искусственный отбор, при котором отсеются люди с качествами, которые всегда казались самыми прекрасными люди добрые, гордые, творческие и красивые. Нет сомнения, что русские при этой селекции будут стерты с лица земли, а земля их будет перепахана, чтобы следов не осталось.

Историю того, как племена и народы с древности искали равновесие между традицией и прогрессом, надежнее всего изучать по остаткам техники. Велико многообразие национальных особенностей в применении огня, в обработке земли и скотоводстве, в способе перемещения тяжестей и грузов, в изготовлении оружия. Совокупность технических приемов это устойчивая (и изменяющаяся) часть культуры народа. Антрополог Леруа-Гуран составил около 40 тыс. описаний разных технологических процессов у народов всех частей света.

Эту целостную систему, соединяющую материальный и духовный миры, народ оберегает, отказываясь даже от выгод эффективности. Есть прогрессисты, которые видят в этом косность отсталых народов, а ученые видят в этом мудрость, необходимую для сохранения народа. Традиции хозяйства очень устойчивы, их стремятся сохранить даже ценой больших дополнительных затрат. Русские переселенцы XVII начала XX в. на юге Украины строили рубленые дома из бревен, которые с чрезвычайными усилиями и затратами привозили за сотни километров. Неимущие семьи предпочитали по нескольку лет жить в землянках, копя деньги на дом, но не строили саманные мазанки, как местное население.

Но то же самое мы видим сегодня на переднем крае техники. Об этом писал и Леруа-Гуран: «Поразительно видеть, до какой степени американские и русские ракеты и спутники, несмотря на очень узкие функциональные требования, носят на себе отпечаток создавших их культур».

Найти в каждый исторический момент равновесие между устойчивостью и обновлением трудная и ответственная задача народа и его правителей. Нельзя сорваться ни в какую сторону! Застой ведет к кризису, но еще быстрее могут рассыпать народ глупые прогрессисты с подсказки умных вредителей.

Нам надо взглянуть на мир как на борьбу двух сил созидания русского народа и сил его разделения. Это война, которая идет во времени и пространстве. Во времени с момента рождения народа до конца Света (если до этого момента продержимся как народ), а в пространстве мировом. Везде есть люди, помогающие нам собраться с силой, и люди, желающие расчленения русского народа (как и расчленения России земли, которая его породила и дает ему силу). Кто-то скажет, что мыслить в таких образах бесполезная патетика. Немножко есть, но патетика тут просто для краткости. За ней стоит дееспособная модель, организующая наше сознание очень полезный инструмент.

Наша задача научиться быстро и почти автоматически оценивать события, действия, слова и идеи с точки зрения именно этой борьбы противоположностей. Кому они в данный момент помогают силам созидания или разделения? Не всегда можно сразу дать ответ, но сам вопрос заставит задуматься и взять этот кусочек реальности под наблюдение. Сложности в том, что все силы, действия и слова переплетены, результат их надо предвидеть в развитии.

Вот, например, старое правило: чтобы объединиться, надо размежеваться. В нем очень большой смысл. Система эффективна, если соединенные в ней части различны, не сливаются друг с другом. Армия сильна, если она разделена на рода войск. Наземные войска, авиация и флот размежеваны, но благодаря этому могут быть соединены в мощную систему.

Тем более надо размежеваться, если внутреннее несогласие назрело до такой степени, что диссидент готов стать врагом. Пусть он лучше выделится в свою фракцию и отмежуется от целого не порывая с ним, но осознав риск разрыва и его последствия. Модель, конечно, не дает рецептов на каждый случай, но задает канву для выработки решения.

Если мы примем для наших рассуждений эту общую схему, то сможем двигаться от грубых черно-белых оценок к анализу более сложных и более реалистичных ситуаций, когда результат действий оказывается противоположен намерениям. Так бывает часто благими намерениями вымощена дорога в ад. Например, когда усилия по объединению народа приводят к расколам и отщеплению частей народа. Бывают и ошибки противников, которые надо уметь использовать, когда действия, направленные на раскол народа, можно превратить в средство его сплочения.

Явления реальности действуют как силы созидания или силы разделения народа через сознание людей. Сами по себе ни протянутый тебе кусок хлеба, ни штык, упертый тебе в грудь, не сделают тебя более или менее русским. Это зависит от того, как ты осознаешь хлеб или штык, какой сигнал они тебе дадут. Эти материальные элементы действительности должны быть переработаны нашим сознанием, уложиться в такую систему наших мыслей и чувств, в которой они окажутся соединены с вопросом быть или не быть русским. Для решения одинаково важны и частицы материального бытия (хлеб и штык), и сознание, в котором раскрывается их смысл. В нашей жизни материя и дух одинаково первичны и одинаково вторичны.

Говорят: нация есть воображаемое сообщество. В этом нет никакого принижения, поскольку для человека воображенный мир, создаваемый и изменяемый его духом, не менее реален, чем мир материальный. Для нас народ подобие большой семьи, соединенной родственными связями. Но родственные связи у человека, созданные его сознанием, несравненно сильнее биологического родства животных, закрепленного в инстинкте. Кошка выполнит свою записанную в инстинкте программу продолжения рода, и через пару месяцев котенок становится ей чужим. А человек будет всю жизнь искать своего сына или брата, которых, может быть, никогда не видел.

Это говорится к тому, что война между силами созидания и силами разделения нашего народа и нашей страны идет в двух мирах в нашем материальном бытии и в нашем сознании. Оба мира связаны воедино, но оба различимы, надо думать об обоих и порознь, и вместе.

Когда мы думаем и говорим о таких больших вещах, как народ и страна, полезно сначала мысленно охватить целое, а потом представить себе его строение и уточнить, о какой именно части этого целого идет речь. Иначе всегда будем спорить до хрипоты и рассуждать, как семеро слепых о слоне один схватил его за хвост, другой за хобот, третий за ногу. И вот спорят каждый о своем. Эта слабость нашего мышления типична, но все же удивляешься, как долго нас ухитряются удерживать в этой ловушке.

Первым шагом в подходе к строению образа страны как целого может быть рассмотрение ее в двух ипостасях: страна как пространство и страна как народ. Скажешь Россия и сразу возникает образ ее пространства и образ народа, который это пространство соединил и одухотворил. Ведь страна это не просто часть земной поверхности, не территория в ее физическом смысле, это обитаемое народом пространство, почти буквально созданное людьми, соединенными в народ с его культурой.

Сразу, конечно, мы думаем и о государстве, которое соединяет пространство и народ. Оно держит территорию, охраняет границы нашей земли, вод и неба, бережет ее недра и воды, леса и воздух, защищает наше духовное пространство. Оно устанавливает порядок, по которому народ пользуется всеми этими богатствами, а люди уживаются друг с другом. Государство вместе с обществом соединяет и организует все ипостаси страны. И народ, и государство, и даже само пространство страны явления исторические, изменчивые. Они были не всегда, когда-то возникли, с течением времени меняли свои формы и свойства. Когда-то, говорят, они отомрут, то есть преобразуются в какие-то новые формы, совсем непохожие на нынешние.

Но это за пределами того длинного времени, за которое мы отвечаем. А сейчас мы переживаем критический период, нам довелось посетить сей мир в его минуты роковые. За то, как мы проведем страну через эти опасные перекаты, с нас спросят потомки. Для нас первая задача понять, что происходит здесь и сейчас, какие угрозы стране вызревают в окружающем нас тумане и куда они протянут из тумана свои страшные лапы.

Сначала кажется, что пространство мы знаем лучше, чем свой народ, изучали в школе географию, что-то помним даже из экономической географии. Но и эти знания очень скудны смотрите, какие споры снова начались по сравнительно простому вопросу: является ли Россия частью Европы, Евразией или вообще особым целостным пространством. В школе нас не учили глядеть на страну сверху, с небес.

Но уж о народе знаем мало. Странное дело, кого ни спросишь, когда и при каких обстоятельствах возник русский народ, вопрос приводит в замешательство. Как-то люди привыкли думать, что русский народ был всегда. Спросишь, а что нам про это в школе говорили, не могут припомнить, чтобы эта тема вообще поднималась. Так не годится. Наш народ переживает трудные времена недомогает, поправляется, снова болеет, а мы даже возраста его не знаем.

Может быть, это неважно? Ведь вот он, русский народ, как на ладони. Надо просто любить его, каков он есть, и не мудрствовать. Любить надо, а не мудрствовать нельзя, заведут в ловушку. Тема народа вечный хлеб демагогов и отравителей духовных колодцев. Да и не на ладони наш народ, а живет в очень сложных пространствах и временах, в нем бушуют огромные силы и его раздирают сильные страсти. Минимум знаний нам необходим. С лица земли исчезло множество народов, даже больших и развитых, отчасти потому, что не осознали они сами себя, не было у них к этому тяги, не нашлось таких мудрецов. У нас с мудрецами тоже не очень-то, так давайте понемногу сами наверстывать, в разговоре между собой. Трудно это, тема для всех нас жгучая, но надо постараться.

О русских говорят, что у них мессианский дух. Кто говорит с неприязнью, кто с уважением. Мессианский дух значит общая забота о том, что русские скажут миру, какую мысль несут они человечеству. Это забота не о том, родится ли у нас гений, к которому прислушается мир (как, например, Лев Толстой или Ленин). Миссия народа выстрадать общее народное мнение, безымянное и, быть может, даже явно не высказанное. Но выраженное так, чтобы люди в разных уголках Земли подумали: А русские считают, что так нельзя.

Мессианским духом обладают не все народы. Скорее, даже мало таких, что захотели бы взвалить на себя этот крест. Большинство хочет иметь свою хату с краю. Часть народов слишком уж впала в либерализм, здесь люди считают себя свободными индивидами, гражданами мира и ни о каком народном мнении и слышать не хотят.

Те народы, в которых такая забота зародилась и живет, самобытны. Они по-разному видят свою миссию. Образ каждой из них можно собрать по крупицам из песен, сказок, литературы и философии. И хотя век от века этот образ меняется, в нем есть постоянное ядро. То англичане гордились, что Англия новый Израиль, создала капитализм с его духом наживы, то Англия мастерская мира, то пели правь, Британия, морями и говорили о ноше белого человека по морям они несли цивилизацию индусам и китайцам.

Что же русские, как они сами ощущали свою миссию, что думают сейчас? Были горькие мысли, с самоотрицанием. Вот, духовный отец наших западников, Чаадаев. Он считал, что Россия создана, чтобы давать миру отрицательные уроки как не надо делать. Так расписал, что его отправили в сумасшедший дом. Чаадаеву поверила небольшая часть интеллигенции, ее слушали с интересом, но это не был голос России.

Через века прошла другая мысль: «Москва – Третий Рим». Западников она возмущает, они стараются ее оболгать мол, русские тянутся к мировому господству. Вранье, с самого начала речь шла о миссии духовной, о России как хранительнице христианства. Первой державой с царями христианами была Римская империя, потом Византия (Второй Рим). Оба пали, и хранить православие взялась Россия.

Какая же из этого выводится идея для человечества? Как она звучит без религиозных одежд? Смысл ее в том, что мироустройство должно быть справедливым, что человечество должно быть семьей народов, в которой надо заботиться обо всех и не обижать слабых. Эта идея в русском сознании постоянна, меняет лишь форму. Она не задана официальной идеологией иногда ей противоречит, иногда совпадает. Иногда обретает силу, иногда приглушается. Но жила и живет.

Старики помнят: в войну все знали, что русские выполняют мировую миссию – отребьям человечества сколотим крепкий гроб. Когда сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, люди были возмущены: Зачем! И так война кончалась. Сколько народу погубили! Когда французы вторглись во Вьетнам, говорили с презрением: «Какая подлость! От японцев убежали, бросили колонию. Вьетнамцы сами воевали, выгнали японцев, так теперь нечего лезть». А как радовались Кубе еле на карте видна, а не побоялась монстра. И это мнение русских ощущалось во всем мире.

Кто-то скажет, что в советские времена это мнение навязывала идеология. Это неверно, скорее идеология питалась этим мнением. Ведь так же было дело и в царской России. Уж как не хотели принимать Грузию под свою руку, но пожалели: сожрут ее Турция и Иран. Жалели африканцев, которых увозили в рабство. Русские военные моряки, даже в научных экспедициях, гонялись за кораблями работорговцев: вспомним рассказ Станюковича «Максимка». Жалели болгар и шли добровольцами на турецкую войну. Жалели буров, потому что с англичанами у них были неравные силы. Русские добровольцы ехали помогать бурам, но никто англичанам…

Недавно социологи провели большой опрос что граждане РФ думают о русском народе, о его роли в мире. Ответы удивили тем, что одинаково думают и молодые, и старые. Первые позиции в большом списке заняли такие мнения: русский народ это народ-освободитель (74,2 % опрошенных), защитник народов (77,7 % опрошенных), создатель великой культуры (65,2 % опрошенных).

Народ-освободитель, защитник народов! Тут нечего добавить.

Не менее важный вопрос в данной теме что такое русское самосознание? Начнем издалека. Человек существо общественное. Как сказал Аристотель, вне общества могут жить только звери и боги. Сознание человека, с момента рождения и до смерти, строится и перестраивается. В этом строительстве важны его личные усилия, его сугубо интимные переживания, озарения, открытия. Но они происходят в поле коллективных представлений, которое задает личной работе ума и совести руководящую нить, слова и понятия, признаки различения добра и зла.

Человечество возникло не как однородная масса, а в виде сгустков культуры. Эти сгустки сплоченные множеством связей умы и души людей, собранных в народы. Поэтому в сознании человека есть ядро, в котором записаны коллективные представления его народа. Это самая устойчивая часть культурного ядра того общества, в оболочку которого упакован народ.

Общество меняется довольно быстро, а ядро культуры народа прочно. Так, русский народ существовал в формах сословного феодально-общинного общества, пережил вторжение капитализма с попыткой разделить народ на классы, прошел через чрезвычайные периоды Гражданской войны и военного коммунизма, передохнул во время НЭПа, совершил рывок и военную мобилизацию в рамках тоталитаризма. Потом расслабился и пожил спокойно в почти неклассовом и почти несословном советском обществе и тут его тряхнула перестройка и реформа, породившие общество аномальное, ни в каких учебниках не предусмотренное. Но за все это время ядро русского самосознания принципиально не изменилось. В чем-то оно повреждалось, какие-то его блоки в новых условиях заменялись, но генетический код сохранялся. Была попытка в 90-е годы вырастить в пробирке реформы новых русских, но провалилась. Кишка тонка оказалась.

Вот эту сохраняемую вечно часть самобытного культурного ядра называют иногда центральной мировоззренческой матрицей народа.

Грубо говоря, на этой матрице собирается народ, а затем на ней штампуется каждое последующее поколение. Обрамление ее может меняться, так что части народа могут даже разодраться, но и при такой катастрофе хорошо слаженная матрица выдерживает взрыв и затем соединяет расколотые части народа.

Так срослись эти части после раскола XVII века и после Гражданской войны, так же мы обязаны их срастить после нынешней Смуты. Не сумеем позор на наши головы. Хотя, конечно, отравители колодцев поднаторели за XX век, много новых ядов

наварили в своих лабораториях.

Ниже идеологии лежат слои сознания, в которых умозаключения делаются быстро, исходя из готовых установок. Это запас традиционного неявного знания. Чтобы его применить, человеку не надо задумываться. Есенин писал:

«Мы многого еще не сознаем, Питомцы ленинской победы, Но песни новые по-старому поем, Как нас учили бабушки и деды».

На этом уровне сознания расположены, например, стереотипы хозяйственного поведения. Мы видим, что массовое сознание отвергает неправедно нажитое богатство и не слишком торопится навесить на себя обузу частной собственности. Инерция? Да, но и проверенная временем осторожность, а вовсе не фанатизм.

Пожалуй, можно назвать три устойчивых составляющих русского самосознания. Частично мы уже говорили об этом, но надо повторить еще. Первая составляющая народного самосознания православные представления о добре и зле, о мире и человеке. Они проходят с нами через века, вопреки ересям и расколам, революциям и реакции, атеизму и новым вспышкам религиозности. Они прочно вошли в мировоззренческую матрицу русских, и никаким реформаторам их из нее не выбить.

Вторая коллективная память об исторических выборах, которые России пришлось сделать, находясь, по словам Менделеева, между молотом Запада и наковальней Востока.

Третья русский тип мышления, соединяющий крестьянский здравый смысл с космическим чувством. Как сказал поэт о русском уме, он трезво судит о земле, в мистической купаясь мгле.

Это сочетание блоков русского сознания дает ему устойчивость и гибкость. Конечно, не ко всем ударам оно готово, иначе бы задубело. Но после ударов восстанавливается быстро (ох, хотелось бы побыстрее!).

Итак, люди стягиваются в народ множеством типов связей только самых важных можно набрать до сотни. А если собрать все связи в пучки, то главных пучков будет около десятка. Это пучки связей через государство и хозяйство, через язык и культуру, через общий взгляд на мир (и религиозный, и научный), через память и родство обо всем этом нужен большой разговор.

В жизни народа постоянно какие-то связи ослабевают или рвутся, их все время надо чинить, укреплять, протягивать новые. Этим занимается, того не осознавая, весь народ каждый русский, как ткачиха у станка, все время бегает, завязывая оборвавшиеся нити. А кто-то этим занимается сознательно и усиленно, по долгу службы государи и учителя в школе, священники в церкви, писатели и журналисты, офицеры в своих ротах и полках. Но есть и такие, кто, спрятав бритву между пальцами, подрезает, а в удобный момент и смаху рубит эти нити.

Бывают тяжелые кризисы, когда этот ткацкий станок идет вразнос и не то что нити, а прямо ткань кромсает. В народе возникают мелкие и глубокие трещины, потом разломы. Если их рост не остановить, может образоваться пропасть, через которую уже не перекинуть мост, расколотые части народа скатываются к гражданской войне.

Кризисы обычно сначала поражают верхушку, она первая перестает восстанавливать ткань народа и даже сама рвет ее на части. Такой кризис мы и переживаем, вот уже двадцать лет он то подведет нас к краю пропасти, то слегка отпустит. Тут и нужна самоорганизация тех, кто пытается скрепить связи народа, не дать трещинам превратиться в разломы, а разломам в пропасти.

Грубо говоря, есть два типа трещин, которые разделяют сегодня народ. Одни из них, мелкие, покрыли всю ткань нашего народа. Они разделяют всех, все наши классы, сословия, профессии на мелкие группы и группки, на клики и кланы в пределе, на семьи и даже одинокие личности. Они превращают всю глыбу народа в кучу песка. Конечно, до этого дело не доходит, но уже сейчас глыбу нашу разрыхлили до опасного состояния.

Другой тип разломы народа на большие куски, на части, которые отдаляются друг от друга. Между ними растет отчуждение, потом неприязнь, а у особенно активных даже и ненависть.

В работе по объединению надо иметь в виду оба эти типа разделений. Надо не только восстанавливать тонкие нити молекулярных связей между личностями, семьями, группами, но и обязательно наводить мосты между расходящимися частями, пока не образовались пропасти. Если этого не будет, то начнется процесс объединения внутри разных частей, но уже на почве ненависти, через создание образа врага в лице другой части нашего народа. Когда маховик такого разделяющего объединения раскрутится, остановить его будет очень трудно. Дело пойдет к катастрофе.

Пока что большинство русских такому ходу событий сопротивляется. Но ведь не только большинство решает исход дела. А в том меньшинстве, которое взяло курс на отщепление от народа, которое перекачивает свои шальные деньги за рубеж и отправляет туда жен и детей, похоже, идет процесс сплочения именно на основе социальной ненависти, которая легко может превратиться в национальную. Недаром жуют миф о русском фашизме.

По нашим расчетам, ни один разлом в России еще не достиг того порога, за которым будет необратимый разрыв.

Но времени мало, действовать надо в аварийном режиме.

Как уже было сказано, русский народ раскололи на большие блоки и так умело раскололи, что мелкие трещины прошли и по всем частям. Значит, надо определить, на какие блоки нас разделили. В каких же плоскостях прошли разломы? В двух социальной и национальной. Это те плоскости, в которых уложены пучки главных связей, соединяющих людей в народы.

Связей общего хозяйства, общей культуры, общей памяти.

Для России обе эти плоскости были одинаково важны и связаны неразрывно. Болезни социальные всегда принимали у нас национальную окраску и наоборот. Так же и достижения. В обеих этих плоскостях за последние двадцать лет произошли срывы и катастрофы. Какие-то обвалы были устроены диверсантами когда в стране разлад, они лезут через все щели. Не в них сейчас дело, а в той лавине, которая стронулась от всех мелких взрывов. Вниз мы сползаем все вместе, но уже разделенные на части. Между какими же частями возникли самые острые противоречия?

В народе возникают расколы, когда какая-то его часть резко меняет важную установку мировоззрения так, что остальные не могут с этим примириться и не имеют времени и сил договориться. Тут речь не о мелочах, а о вещах, которые для людей считаются главными. Так, например, произошел раскол в Русской церкви. Так мусульмане раскололись на суннитов и шиитов, а немцы при Реформации погрузились в Тридцатилетнюю войну, которая стоила им 2/3 жизней. Такие расколы зарастают медленно, заинтересованные силы могут рану растравить (как это мы видим в Ираке).

Расколы, возникающие как будто из интереса, даже чисто экономического, на деле тоже связаны с изменением мировоззрения, что вызывает ответную ненависть. Одно из таких изменений связано с представлением о человеке. В глубине это вопрос религиозный, но в наше время его обычно маскируют учеными рассуждениями.

Христианство определило, что люди равны как дети Божьи, братья во Христе. Отсюда человек человеку брат как отрицание языческого человек человеку волк. Православие твердо стоит на этом, а в важной ветви протестантизма (у кальвинистов) было принято учение о предопределенности. Согласно ему Христос пошел на крест не за всех, а лишь за избранных. Остальные (отверженные) остались с неискупленными грехами и уже при рождении осуждены на вечные муки. Одни спасутся от геенны, другие нет (а кто конкретно, не известно). Их соединяет не любовь и сострадание, а ненависть и стыд. Вебер поясняет, что дарованная избранным милость требовала от них не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему, а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню. Видимым признаком избранности стало считаться богатство, признаком отверженности бедность.

Это и стало в раннем капитализме основанием для социального расизма богатые и бедные разделились как две враждебные расы. Потом их назвали классами, потом, разбогатев, смягчили и классовую вражду, но разделение это ушло вглубь, а не исчезло.

Человек мыслит в тех понятиях, которые ему навязала культура. На Западе четыре века человеку твердили: «Ты индивид!» Он так и стал думать о себе и о других (о меньшинстве инакомыслящих не говорим). Раз индивид, то чуждается общности. Даже когда индивиды собираются в ассоциации для защиты своих интересов (партии, профсоюзы, корпорации), то это общности конкурирующих меньшинств. Вебер цитирует авторитетного богослова: «Слава Богу мы не принадлежим к большинству». Наоборот, русский человек стремился быть со всеми, в нашей культуре это качество считалось необходимым.

Пришвин записал в дневнике 30 октября 1919 г.: «Был митинг, и некоторые наши рабочие прониклись мыслью, что нельзя быть посередине. Я сказал одному, что это легче быть с теми или другими. А как же, сказал он, быть ни с теми, ни с другими, как? С самим собою. Так это вне общественности! ответил таким тоном, что о существовании вне общественности он не хочет ничего и слышать».

Но последние 50 лет наша культура менялась, возник раскол. Он углубляется и расширяется. Тут главная проблема объединения русских. Ее надо признать и трезво обдумать, скрывать уже невозможно.

Открыто обнаружился этот раскол весной 1991 г., когда готовилась приватизация. Горбачевская пресса тогда стала говорить о большинстве русских буквально на языке кальвинистов XVIII века как о расе отверженных (лентяи, рабы, социальные иждивенцы, пьяницы и т. д.). Тогда казалось, что это просто идеологическая ругань, получат они вожделенную собственность, и это пройдет. Ну, будет русская буржуазия нас понемногу эксплуатировать, но все же народ не разделится.

На другой стороне думали иначе. В феврале 1991 г. газета «Утро России» (партии Новодворской) предрекала гражданскую войну. Кого с кем? Вот кого: «Сражаться будут две нации: новые русские и старые русские. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе, и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации, как в свое время американцы Северных и Южных штатов».

От слов перешли к делу, старых русских вытеснили из их социального жизненного пространства. Старые русские оказались в массе своей угнетенным и обездоленным народом, поскольку к концу XX века современное механизированное и высокотехнологичное хозяйство и научно-техническая деятельность стали основой национального типа хозяйства русских. Они уже не смогут вернуться к сохе и ремеслу как норме.

А те, кто пошел по дороге социального расизма, ввиду этого бедствия стали звереть и в поисках оправдания еще сильнее раскручивать свою ненависть к лузерам. На множестве сайтов и в живых журналах о бедной половине русских говорят уже как о недочеловеках. Обращаться к логике и совести новых бесполезно: мы с ними уже не один народ. И раскол этот не совпадает с социальным расслоением среди бедных тоже немало таких кальвинистов, просто они считают, что им лично пока что не везет.

В эпохи кризисов от народов всегда отщепляются социальные группы, которые начинают осознавать себя особыми народами, иногда новыми (как новые русские). Сходство материального уровня жизни ведет к сходству культуры и мировоззрения, отношения к людям и государству, моральных норм. Это так бросалось в глаза, что премьер-министр Англии Дизраэли говорил о расе богатых и расе бедных. Отцы политэкономии учили, что первая функция рынка через зарплату регулировать численность

расы бедных.

Люди богатых иных народов по-особому одеваются и говорят, учатся в особых школах, иногда в общении между собой даже переходят на чужой язык (как русские дворяне, начавшие говорить по-французски).

Но этнизация социальных групп, то есть их самоосознание как особых народов, происходит не только сверху, но и снизу. Совместное проживание людей в условиях бедности порождает самосознание, близкое к этническому. Крайняя бедность изолирует людей от общества, и они объединяются этой бедой. В периоды длительного социального бедствия даже возникают кочующие общности бедняков, прямо называющие себя народами, даже получившие собственное имя.

Переплетение социальных и этнических способов сплочения наблюдается при внедрении в национальные государства Запада мигрантов из других стран. Даже во Франции, которая гордится своим опытом объединения множества народов в единую нацию французов, интеграция мигрантов не удалась. Французская нация, ее социальный строй и государство не справились с задачей интеграции мигрантов в общество.

Пестрая смесь негров, арабов и азиатов образовала особый социальный класс. А во втором поколении говорящие уже по-французски подростки, дети из этого класса, объединенные общим социальным положением, превратились в совершенно новый народ. Это называют новый трайбализм (от слова tribe племя). Дети иммигрантов уже не следуют традициям или религиям своих отцов и дедов, они не арабы или лаосцы, не мусульмане или буддисты. Эта молодежь, выросшая во Франции и говорящая по-французски, но не ставшая французами, сплотилась как племя, враждебное французам.

Трайбализм обездоленных приобретает на Западе радикальные формы. Племена начинают время от времени показывать свою сплоченность и степень своей вражды. Например, некоторое время назад произошел взрыв ненависти такой молодежи в предместьях Парижа. У этого племени нет ни программы, ни конкретного противника, ни даже связных требований. То, что они делают, на Западе уже десять лет назад предсказали как молекулярную гражданскую войну войну без фронта и без цели, войну как месть обществу, отбросившему часть населения как обузу. Десять лет назад эта война виделась как социальная, но теперь она приобрела черты войны этнической.

У любого народа важным является представление о бедности отношение к тому, что часть соплеменников живет в нищете. Русские культурные установки, выводимые из крестьянского общинного коммунизма и Православия, исходили из того, что бедность есть порождение несправедливости и потому она зло. По типу распределения благ русский строй жизни и в царское, и в советское время резко отличался от Запада: в нем были сильны уравнительные принципы, предотвращающие крайнюю бедность. Во время нынешней реформы эти принципы были отвергнуты, и именно Запад был взят за образец правильного жизнеустройства, устраняющего ненавистную уравниловку. Отрицание уравниловки и есть оправдание бедности, придание ей законного характера.

Реформа действительно делит наш народ на две расы, живущие в разных мирах и как будто в разных Россиях, на богатых и бедных. Тонкая прослойка среднего класса уже не может их соединить, и они расходятся на два враждебных народа.

От тела народа внизу отщепляется общность людей, живущих в крайней бедности. В результате реформ в РФ образовалось социальное дно, составляющее около 10 % городского населения, или 11 млн. человек. Сложился и слой придонья, размеры которого оцениваются в 5 % населения (7 млн. человек). Как сказано в отчете социологов, находящиеся в нем люди испытывают панику они еще в обществе, но с отчаянием видят, что им не удержаться в нем. Постоянно испытывают чувство тревоги 83 % неимущих россиян и 80 % бедных.

Общий вывод социологов в главном журнале Российской Академии наук «Социологические исследования» таков: «В обществе действует эффективный механизм всасывания людей на дно, главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан».

Это образование пропасти, отделяющей от русского народа общность величиной около 18 миллионов человек. При этом и большинство становится не вполне русскими: признать нищету ближних как норму жизни значит отвергнуть русскую культуру и Православие.

Если мы заговорили о Православии, то следует подробнее остановиться и на этой теме. Отношение к Православию одна из самых деликатных проблем, но говорить о ней приходится, не вдаваясь, конечно, в сокровенную суть религиозной веры и научного знания, а рассуждая о жизни грешных людей на грешной земле. То есть о делах общества.

Суть проблемы такова. От начала рода человеческого и поныне человек обладает двумя уникальными способностями сознанием религиозным и сознанием рациональным. Первое позволяет его мыслям проникнуть в потусторонний мир, познать великие истины через Откровение. Второе познавать естественные законы земного бытия, открывать причины вещей и использовать это знание в обыденной жизни; для этого разум выработал много методов и инструментов (четыре века назад и такой мощный метод, как наука).

Спор о том, какой тип сознания человеку нужнее, смысла не имеет. Без каждого из них человека просто не существует, хотя он не всегда отдает себе отчет о значении того и другого. Хороший пример атеизм или вера в то, что Бога нет. По своему типу сам атеизм относится к числу религиозных воззрений. Богословы иногда применяют даже понятие естественный религиозный орган человека его неуничтожимая способность видеть мир в понятиях, не сводимых к инструментам рационального

мышления, ощущать святость бытия.

Одинаково важны оба типа сознания для соединения людей в племена, народы и нации. Именно религиозная мысль породила первые общественные представления и соединила людей в этнические общности, отличимые от других. Религиозное чувство стало и тем корнем, из которого возникла культура. Если взять поздние этапы развития человечества, то увидим, что народы и нации сложились в культурах, питающихся от великих мировых религий. Можно сказать, что русский народ создан Православием, как арабские народы Исламом.

Сегодня даже можно слышать, что русскость это Православие. Но это поэтический образ. Признать это значило бы национализировать религию, лишить ее вселенского смысла. Создавая народы, религия переплетается с множеством нитей из чисто земного материала. Так возникают православные русские и православные греки или румыны.

В моменты кризисов эти нити в местах соприкосновения испытывают отторжение возникает раскол. Мы знаем о расколе русских, вызванном противостоянием двух ветвей в самом Православии. Другой, не столь глубокий, раскол возник в начале XX века из-за конфликта религии с идеологией: в период революционного потрясения они оказались по разные стороны фронта. Это два разных блока мировоззрения. Сейчас назревает новое разделение по линии раздела между религиозным и рациональным сознанием. Его признаком служат, например, споры о преподавании в школах эволюционного учения о происхождении человека.

Это разделение во многом вызвано тем, что к религии прильнула большая доля интеллигенции, воспитанной в научном мышлении. У этих людей возникла сложная проблема совмещения веры и знания. Духовный кризис приводит к шатаниям и крайностям, к попыткам рационализации религии или, наоборот, внедрения религии в рациональность. Такое смешение порождает расколы, которые русским сегодня совершенно не нужны.

Философ, который много об этом думал, Ницше. Многие его установки мы не принимаем. Но он хорошо выразил общее правило: «Высшая культура должна дать человеку двойной мозг, как бы две мозговые камеры: во-первых, чтобы воспринимать науку и, затем, чтобы воспринимать не-науку; они должны лежать рядом, быть отделимыми и замыкаемыми и исключать всякое смешение; это есть требование здоровья. В одной области лежит источник силы, в другой регулятор».

И наши, и западные социологи непрерывно изучают вопрос о расколе народа нас облепили электродами и датчиками, как испытуемых. Людям предлагают десяток типичных межгрупповых противоречий и просят указать, по мнению опрашиваемых, главные. Самым острым население считает противоречие между богатыми и бедными. Второе место противоречия между русскими и нерусскими. Вот два главных разлома, их видят все богатые и бедные, русские и нерусские. Не будем, как страус, прятать голову в песок от этой тяжелой реальности. Но не будем и рвать на груди рубаху, возбуждая эмоции. Эту реальность надо понять и найти способ ее преобразовать. Причем преобразовать, не доводя дело до катастрофы тотальной, которая всех испепелит. Это мы всегда успеем.

Верными стали старые слова: никто не даст нам избавленья ни Бог, ни царь и ни герой. Бог от нас, похоже, на время отвернулся, что неудивительно. Царя пока еще нет в Кремле. А герои… Лучше бы пока без них, они ведь если начнут, их уже не остановишь.

В чем дело, почему противостояние богатых и бедных? Разве, когда ломали советский уравнительный порядок, было непонятно, что произойдет социальное разделение народа? Чего ожидали люди, голосуя за Ельцина?

Дело прошлое, но точку поставить надо. Правящая верхушка и ее подручные совершили подлог. Того, что они натворили с народным хозяйством, никто не обещал, а мы не ожидали. Народ был обманут, и за это рано или поздно жулики получат по заслугам. Но и сам народ, и его интеллигенция оказались слишком простодушными, они дали обвести себя вокруг пальца. Признаков подлога было достаточно, но их не желали видеть, поверили краснобаям сначала Горбачеву, потом Ельцину. Так хозяйство наше было отдано на поток и разграбление. Мало того, что ценная его часть была продана за рубеж и деньги утекли туда же, так еще управляющими новые собственники оказались никудышними. Они угробили хозяйство второй в мире экономической державы. При этом ведут себя по-хамски, тычут людям в глаза свое неправедное богатство, читают им мораль.

Народным достоянием завладела часть общества, начисто лишенная созидательного инстинкта. А человек труда, который обустраивал и содержал страну, втоптан в нищету и бесправие. Вот в чем национальная трагедия. И разделение народа произошло вовсе не потому, что бедные завидуют богатым и хотели бы отнять у них кошелек. Дело в том, что нищета честных трудящихся людей, часто высокой квалификации, есть нестерпимое надругательство над разумом и совестью. Такое состояние разрушает народ и страну.

Ничто сложное и красивое не уцелеет, если иссякнут силы, противодействующие распаду и разложению, даже в неживой природе. Народы, которые в какой-то момент утрачивали ощущение угрозы разделения или не находили средств преодолеть эту угрозу, просто исчезали с лица земли, растворялись в других, более умелых народах, или просто вымирали. Народ, разделившийся сам в себе, не устоит эту библейскую мудрость забывать нельзя, она проверена опытом тысячелетий.

Любая человеческая общность, даже такая маленькая, как семья, в ходе своего развития изменяется. Какие-то связи ослабевают или даже рвутся, другие возникают или укрепляются. Идет каждодневное обновление, ремонт, пересборка. Это не природный естественный процесс, тут нужны усилия ума и души, творчество и воля. Бывают моменты кризиса, когда обновление и созидание подавлены, а разрывы и отчуждение нарастают. Как правило, находятся и отравители, которые подливают яда ревности, соблазняют сбросить узы, готовы плеснуть керосина на тлеющие угли взаимных обид. Это вечная угроза для семей и

народов. Но бывает, что развод и разделение необходимы и даже спасительны. Для того чтобы понять это, нужна мудрость и дар предвидения, надо суметь перейти через драму разделения с минимальным ущербом большое искусство. Еще большее искусство преодолеть разделение, если оно было ошибкой. Об этом и разговор.

Мы считаем, что русский народ, наша драгоценная соборная общность, испытал за XX век тяжелейшие удары, которые нанесли ему тяжелые раны и повлекли за собой глубокие расколы. Очень многие раны мы сумели залечить и трещины заделать. Даже братоубийство Гражданской войны мы смогли искупить огромным трудом и общенародным подвигом Великой Отечественной войны. Мы вновь осознали себя одним русским народом, гражданами одного государства. Но в конце XX века, в очень сложной обстановке быстрых перемен и внутри страны, и в мире, мы выпустили из рук нить своей судьбы, были сбиты с толку. И сразу получили серию таких ударов, к которым не были готовы и смысла которых даже не смогли быстро разобрать. Мы опять погрузились в Смуту, главный результат которой разделение народа.

Это разделение идет по стольким направлениям и с такой скоростью, что связность русского народа приближается к той критической черте, за которой начинается распад. Это выражается во множестве признаков и в хозяйстве, и в культуре, и в хаотичности сознания, и в политической беспомощности населения. Да взять самое наглядное, как на ладони, разделение пространственное. Множество русских, миллионы, остались за рубежами той России, которая сохранилась как ядро после развала Советского Союза. Но ни мы в Российской Федерации, ни они, за ближними границами, не можем наладить тесного взаимодействия ни в какой области. Мы даже плохо знаем, как они живут, что думают, как видят будущее. А ведь современность дает новые средства общения, которые неподвластны политическим границам. Разве не обязаны мы найти способы объединения в сложившихся новых условиях! Мы же должны питать друг друга культурой, языком, опытом мы нужны друг другу как части одного народа, который попал в большую передрягу.

Но это разделение очевидность. Важнее и глубже разделение русских в себе самих, ослабление или разрыв всех главных связей, соединяющих нас в народ. При этом каждый, укрывшись в своей хате с краю, по каплям утрачивает свою русскость, ибо поодиночке ее не уберечь. Ее хранит народ в целом.

Как нам защититься

Повторим еще раз: любой кризис жизнеустройства народа затрагивает механизмы созидания и воспроизводства связующих сил. Кризисы, как и болезни у человека, неизбежная и необходимая часть жизни народов. Но иногда кризис принимает такую форму, что обновление механизмов созидания подавляется, а ослабление и разрыв связей продолжаются. Хорошо видимыми симптомами такого незаметного вначале распада большого народа служит обострение этнического чувства живущих с ним в одной стране малых общностей при ослаблении защитной силы большого народа люди мобилизуют этничность близкого окружения. Это мы сегодня видим и на Кавказе, и в Сибири.

При этом происходит разукрупнение народов, они как бы возвращаются на уровень племенных союзов. Одновременно идет откат назад этнического самосознания, начинаются поиски древних корней, споры о происхождении, попытки возрождения язычества. Элементы национального сознания народа вытесняются сознанием племенным. Известно, что народ в большей степени смотрит в будущее, чем в прошлое. Он непрерывно себя строит. Племя как продукт распада народа смотрит в прошлое, сплачивается мифом о золотом веке.

Такое воздействие кризиса в России наблюдается во многих народах. Так, долгий процесс сближения родственных народностей мокша и эрзя почти соединил их в большой единый мордовский народ. В ходе кризиса между ними стала нарастать отчужденность, они стали замыкаться в себе. То же самое мы видим у ряда других народов. В периоды такого недомогания от всех требуется чуткость и осторожность, как к человеку во время болезни.

Возникают и расхождения, по ряду вопросов, между русскими и проживающими рядом с ними представителями других народов хотя раньше таких расхождений и не предполагалось. Кризис обостряет этническое сознание нерусских народов при том, что у русских преобладает гражданское сознание. Происходит расщепление региональной общности, у двух основных групп населения нарастает различие в их самосознании. Это ослабляет в целом соединение населения в народ России.

Сохранение традиций и недопущение быстрой глубокой ломки жизнеустройства залог сохранения этнических связей народа. Сергей Есенин сказал:

«Человек в этом мире не бревенчатый дом, Не всегда перестроишь наново».

Тем более это можно сказать о народе. Перемена устоявшихся порядков всегда трудный процесс, но когда господствующие политические силы начинают ломать всю систему жизнеустройства, это создает обстановку гибели богов и наносит народу тяжелую травму. Такую травму мы получили в 90-е годы. Теперь надо залечивать ее и производить ремонт всей системы связей.

И мы сами, и патриотическая часть госаппарата должны знать, чего нельзя делать, чтобы еще больше не ослабить связность нашего народа, и что надо делать, чтобы ее укрепить.

Человеческим наполнением страны является не население, не совокупность индивидов, подобная куче песка, а именно народ. Он может быть организован по-разному и как гражданское, и как сословное, и как кастовое, и как советское общество. Связи объединения людей в социальные группы более слабые, чем связи этнические в народ или нацию. Большие общие дела типа отечественной войны делает народ в целом (не считая отщепенцев дезертиров и предателей). Да и большие революции совершают не классы, а народы. Просто они на время раскалываются, и расколотые части относятся друг к другу как к разным народам.

Согласно привычным представлениям, страны ликвидируются или уродуются вследствие поражения в войне. Однако непосредственной причиной их гибели или расчленения может быть исчезновение народа, слом или порча механизма, воспроизводящего те связи, которые соединяют людей в народ. Население при этом сохраняется и, бывает, даже не вымирает, но народа нет, есть куча песка из индивидов, мелких групп, кланов и шаек. Часто именно это бывает и предпосылкой поражения в войне.

Распад народа может происходить незаметно, так что страна и государство слабеют с необъяснимой скоростью и становятся легкой добычей внешних сил (как это произошло в Китае в конце XIX века, когда там реально стал властвовать Запад и высасывать из страны все соки). В других случаях углубление кризиса наблюдается и даже изучается, но он представляется как накопление социальных противоречий (как было в Российской империи в начале или в СССР в конце XX века).

Механизм соединения людей в народ поддается анализу и изучению. Раньше этим занимались жрецы и мудрецы, теперь профессиональные ученые в больших научных центрах. Раз объект можно изучить, значит, можно создать и эффективные технологии воздействия на него. Так за последние десятилетия были найдены методы, которые приводят к поломкам механизма собирания и сохранения народа, к отказам этого механизма или даже его переподчинению заданным извне программам, заставляющим этот механизм работать на разрушение скрепляющих народ связей.

За последние десятилетия это и произошло с Россией. Уже с начала 70-х годов стратеги холодной войны посчитали именно этнические связи между народами и внутри каждого народа самым слабым местом Советского Союза. Сюда и были направлены главные усилия, но ни властвующие в СССР старики, ни общество в целом этого не заметило и не поняло.

Период перестройки стал большой спецоперацией холодной войны, целью которой был демонтаж советского народа. К 1991 г. этот демонтаж был проведен на глубину, достаточную для ликвидации Советского Союза при полной недееспособности всех

защитных систем государства и народа. После 1991 г. стало нарастать стихийное, неорганизованное сопротивление контуженного перестройкой народа и патриотической части государственной власти. Поэтому программа разборки народа продолжалась с некоторой потерей темпа, особенно после 2000 г. Но параллельно велось и совершенствование технологии, так что ее обновленная версия была с успехом применена в Сербии, Грузии и на Украине в форме цветных революций. Готовятся штабные карты и для подобной операции в РФ. Чем быстрее мы освоим современное знание о том, что такое народ, чем он скреплен и какие есть слабые места в его конструкции, тем меньшие потери понесем в ближайшие десятилетия XXI века. А они обещают быть очень бурными.

Есть ли у нас надежда? Сегодня многие задают этот вопрос. Сама его постановка трагична. Когда такой вопрос витает в воздухе и о нем начинает размышлять простой человек, это признак того, что народ переживает кризис бытия, а не кризис политической или даже социальной системы. Напряженное раздумье над этим вопросом видно сегодня по лицам множества людей в метро, на рынке, в аудитории института или в старой шахте. Эти люди еще не усвоили новые правила приличий и не умеют надеть на лицо маску вежливого индивида, и трагизм их размышлений выражен ими без слов. Та наигранная бодрость, которая играет на лицах политиков, по контрасту сплачивает нас.

Как возник этот вопрос? Он слепился, как звезда из космической пыли, из неясных предчувствий, из тягот и бед. Поиск ответа важен для разделения всего мысленного пространства на два мира мир возможного и мир невозможного. Вернемся назад, на семнадцать лет мимолетный миг в истории. Большие опросы в апреле 1989 г. выявили общие оптимистические ожидания. У людей не было даже предчувствия ухудшения их жизни, о трагизме не могло быть и речи. Вопрос: «Есть ли у нас надежда?» – был бы тогда отвергнут как нелепый.

Значит, что-то сломалось во всем нашем жизнеустройстве в короткий промежуток времени. И надежда на продолжение нашего бытия зависит от того, как скоро мы найдем эту главную поломку и успеем ли ее исправить до того, как иссякнут силы, онемеют пальцы и угаснет сознание. Времени у нас немного. Люди чувствуют, как уходит жизнь из раненного тела страны, хотя еще и не знают, какая из множества ран смертельна.

На уровне веры мы знаем: да, надежда есть! Так и говорят патриоты России. Не первый раз Россия у края пропасти, не первый раз ею овладел какой-то странный внутренний враг, который ведет ее к самоотречению, но всегда Россия вставала с колен и становилась краше и сильнее. Но насколько надежны исторические аналогии? Разве невидимый враг один и тот же? Разве мы те же? Нельзя же сказать об опасно больном, что он, мол, наверняка поправится, потому что не раз уже болел в своей жизни и свинкой, и корью, и даже гриппом, но всегда поправлялся.

Конечно, нам нужна надежда веры, и мы верим в выздоровление глубоко и искренне. Но этого мало, нам нужна и надежда разума. Только она заставляет искать и действовать. Эта надежда требует мужества, поскольку заставляет как бы отвлечься от веры в спасение, и признать, что гибель возможна и судьба в наших руках. Эта надежда отвергает фатализм, но предупреждает, что и гарантии благоприятного исхода нет, мы сами несем за него ответственность.

В чем же надежда разума? Прежде всего в том, что удар по устоям нашей культуры, нанесенный идеологической машиной Горбачева и его преемников, не проник слишком глубоко в душу русского человека. Травмы тяжелы, но не настолько, как рассчитывали губители. Реформации не произошло, фундамент устоял. Русский человек не спустился с уровня homo sapiens на уровень homo economicus, не стал волком другому человеку. Приходится даже удивляться устойчивости глубинных слоев нашего сознания. Как только будет снят пресс манипуляции, восстановление языка, мышления и воли пройдет очень быстро. Поражение заставило нас задуматься, и многое из полученного тяжелого урока мы успеем усвоить и применить.

Есть неоспоримый факт, и из него мы и обязаны исходить. На той же самой земле и с тем же самым народом всего пятнадцать лет назад Россия была безусловно независимой мощной державой, хозяйство которой обеспечивало всему народу скромный, но достойный тип жизни с непрерывным ростом благосостояния. Нынешняя разруха дело человеческих рук, следствие ошибок, злонамеренных действий и попустительства. Все это в принципе исправимо. Значит, никаких непреодолимых причин, по которым в России не могло бы быть устроено надежное благополучие, не существует.

Исходя из этого, мы и обретаем разумную надежду. Дальше все зависит от наших общих усилий ума, сердца и рук.

Скажем здесь о частной проблеме общении русских между собой и с другими, нерусскими. Понятно, что общение является необходимым условием возникновения и существования любой общности. Семья, род, племя, народ, нация, человечество – все эти общности, от мала до велика, существуют лишь в общении людей, которые их составляют. В спокойные времена мы этого почти не замечаем, как не замечаем воздуха, которым дышим. Но в моменты смут и кризисов, когда, по выражению Шекспира, разлад в стране и все в разъединенье, возникает чрезвычайная задача: срочно наладить систему общения, которая бы соответствовала чрезвычайной обстановке. Система мирного времени не годится, не отвечает новым задачам и условиям. Чтобы объединять расколотые части народа, требуются особые способы общения, их надо создавать и им надо обучаться.

И создавать эти способы, и обучаться им мы должны сами для этого никто не устроит нам лабораторий и школ. Чтобы расколоть и рассыпать наш народ для этого имеются и научные центры, и финансирование, и куча всяких неправительственных организаций. За их работой надо следить и извлекать из нее уроки. Надо знать, как разрушают и блокируют каналы нашего общения, как отравляют его воздух, как навязывают нам порочную логику и загоняют в ловушку наши рассуждения. Это особая плоскость нашего разговора. Изучение оружия, тактики и стратегии противника составляющая часть каждого занятия, какой бы проблемы общения мы ни касались.

Разматывать наш клубок начнем с самой доступной ниточки, а там видно будет.

Обратим внимание на вещь очевидную: главное действие в общении передача сообщений. Вдумаемся в само слово, оно говорит само за себя: со-общение. Вокруг этого и будет крутиться наш разговор. Как передаются сообщения? Как они принимаются и понимаются разными адресатами? Как они должны быть упакованы, чтобы дошли до нужного места в нужное время и чтобы их не перехватили по дороге? Как вести информационную войну, перехватывая и разряжая сообщения противника? Эти вопросы приходится непрерывно решать любой человеческой общности с первых моментов возникновения человека разумного.

Тысячи лет накапливался и систематизировался опыт успеха и ошибок в решении этих вопросов, он откладывался в коллективной памяти, в преданиях, записывался в сказках и балладах, в трактатах и летописях. В последние два века эти вопросы стали предметом научных исследований, а за наукой, как известно, следует технология.

В принципе, одновременно с технологией научное знание в этой сфере должно было дать образование. Но так не получилось. Сильные мира сего постарались ограничить распространение этого знания, наложить на него гриф для служебного пользования. Это понятно, потому что создание и передача сообщений есть главное средство господства. Поэтому при всех режимах между властью и народом идет борьба за свободу сообщений (свободу слова). Иногда это борьба глухая, иногда шумная, очень часто политический спектакль (борьба за передел собственности на слово).

Здесь мы не будем разбирать политическую сторону этой проблемы, а будем говорить о доступных для нас, в нашей нынешней реальности, каналах передачи сообщений и о тех навыках этой деятельности, которые нужны для успешного решения конкретной задачи объединения русского народа. Значит, речь будет идти о таких сообщениях, которые восстанавливают и укрепляют связи, объединяющие людей в народ. Те, кто стремится преодолеть разделение народа и залечить раны, вступают друг с другом в общение с целью связать порванные нити национальной солидарности, а если не удастся, то создать новые.

Как идут потоки сообщений этого типа? Как и сообщения других типов во времени и пространстве. Народ общность долгоживущая. Многие виды связей, соединяющих людей в народ, требуют постоянного получения сообщений из прошлого. И не только получения, но и распространения таких сообщений среди современников, а также отправки их в будущее нашим детям и внукам (в виде устных рассказов, книг, песен, картин). Из прошлого, от предков, мы получаем традиции, накопленное ими неявное, неписаное знание, опыт ошибок и достижений, как он преломился в сознании того времени. В будущее мы посылаем эти сообщения, окрашенные нашими собственными мыслями и чувствами, горечью наших ошибок и радостью наших достижений. Так люди разных поколений связываются в народ во времени.

Для нас это измерение в потоке сообщений очень важно потому, что в большой программе демонтажа русского народа одним из направлений главного удара как раз и был разрыв поколений.

Разрушалась коллективная память, причем на всех ее эшелонах и краткосрочная (люди уже смутно помнят, что происходило в 1995 г.), и среднесрочная (многие уже верят, что большевики свергли царя), и долгосрочная на очень большую глубину (многие считают, что Русь испытала нашествие монголов-мусульман). Поскольку общая, в главных пунктах согласованная историческая память служит важным скрепляющим народ цементом, противодействие ее разрушению, разбор уже обрушенного и починка поврежденного одна из задач объединительного движения. А значит, содержание какой-то части тех сообщений, которые оно должно создавать и распространять. Народ, у которого отняли память, превращается в человеческую пыль.

Точно так же надо восстанавливать и расчищать те каналы, по которым шел поток сообщений тем поколениям русских, что идут нам на смену. Они будут жить в новой реальности, решать проблемы, которые нам еще неведомы, но уже сейчас ясно, что в обозримый период человечество еще будет разделено на нации и народы, культуры и цивилизации, а значит, и на страны разного типа. Если наши потомки утратят свой национальный тип, потеряют русский взгляд на мир, свойства русского ума и русское художественное чувство, то есть перестанут быть русскими, то незаметно для себя они утратят и свою землю. В общем, исчезнут с лица земли как народ, растворятся.

Кое-кто не видит в этом ничего страшного или даже радуется такой перспективе мол, еще один неправильный народ будет стерт с карты мира. Но для большинства русских такая перспектива нестерпима, и угрозу ее мы обязаны предотвращать. В данный момент надо наладить снабжение наших детей и внуков такими сообщениями, которые бы оживляли и укрепляли в их сознании и чувствах образ России, ее красоту и совесть, которые бы воспроизводили в них русские черты. Это тоже большая задача, ведь для таких сообщений требуется в значительной мере новый язык, совместимый с тысячелетним ядром русского языка, но и снабженный новыми словами и образами, способными описать вихри враждебные, что веют над нами именно сегодня и еще не утихнут завтра.

И все же поле наших основных, срочных действий общение в актуальном времени, между собой и с теми нашими современниками, которые своими действиями и побуждениями решают судьбу народа и страны. Ведь совершенно очевидно, что и народ, и страна находятся сегодня на распутье. Они колеблются, выбирая путь. И в этот момент неустойчивого равновесия нельзя отмалчиваться. Сейчас исход этих колебаний может решить небольшая сила, и пока что действуют силы слова, а не дубины. Но это слово надо уметь сказать в обстановке, когда к фатальному выбору нас толкают целые армии квалифицированных краснобаев, снабженных радиостанциями, телекамерами и миллионными тиражами своих газет.

Каково же пространство тех сообщений, которые должны вырабатывать и передавать люди, близкие к русскому объединительному движению? В его социальном измерении это пространство можно грубо разделить на три части свои, колеблющиеся, чужие. В каждой категории есть, конечно, более тонкие различия. Например, чужие делятся на потенциально

своих и на убежденных противников. В национальном измерении пространство общения делится на пространство русских, нерусских и антирусских.

Наложение этих двух классификаций дает более детальную картину например, вовсе не все русские свои. Довольно многие из них вовсе не хотят объединения русских и считают для себя выгодным сбросить балласт всю ту массу русских, которых они считают неприспособленными для жизни в энергетической державе, что они пытаются построить (если Боливар не выдержит двоих, то Труба тем более не прокормит 143 миллионов ртов).

Наконец, в географическом измерении пространство нашего общения тоже будет неоднородно. Оно сразу делится на две части Русский мир и иные. Граница между ними размыта многие иные примыкают к Русскому миру, частично живут в нем и будут с нами общаться как русские (например, сотни тысяч выпускников советских и российских вузов почти по всему миру и их близкие). Но даже и в ядре Русского мира, среди тех, кто говорит и думает по-русски, пролегли географические и государственные границы. Одни живут в Российской Федерации, то есть ядре исторической России, другие в Латвии или на Украине, третьи стали гражданами США. Даже если они считают себя русскими, они составляют особые части русского народа, какие-то пучки их связей с целым разорваны. Это не может не сказаться на характере общения.

Большинство атомов нашего общения будет, конечно, двигаться в пространстве Российской Федерации. Если бы могли увидеть сверху облака этих атомов, то представили бы себе карту потоков наших сообщений. На ней выделялись бы сгустки общения разных типов. Интенсивное личное общение происходит в непосредственной близости от человека в семье, на работе, на рынке или в автобусе. Плотные контакты другого типа, но уже с использованием публичных информационных технологий, замыкаются в пределах малой родины города, области, региона. С мыслями о делах всего народа и всей страны человек вовлекается в поток сообщений, который струится через всероссийскую информационную сеть, хотя в и этом потоке какое-то место занимают личные контакты.

Все это самые грубые и формальные определения, но для начала полезно о них задуматься. Как часто встречаются, по воле случая, сообщения, которые по силе мысли и чувства, по своим художественным достоинствам следовало бы донести до всего Русского мира, а они упакованы в брошюрку или книжечку стихов тиражом 500 экз., изданную в Вологде. Автор оказался не подключен к каналам широкого общения, и никто не помог распространить его текст. Самой задачи такой никто не ставил. Это ошибка, слово само себе дорогу не пробьет, ему надо помогать. Чтобы люди его подхватили или оставили в запасе, оно должно быть до них доведено.

Какой тип общения нам сейчас нужен в первую очередь? Мы можем описать только его главные черты, насыщать их деталями и красками придется каждому в соответствии с личными знаниями, темпераментом, художественными наклонностями, а также в соответствии со свойствами аудитории, слушателей и собеседников.

Первым делом говорим о непосредственном личном общении о разговоре. Это главное средство общения людей. Можно сказать, именно членораздельный язык и создал человека. С его помощью можно было передавать окружающим и информацию, и чувства, что взрывообразно ускорило развитие мозга и сразу сделало нарождающегося человека общественным существом, обладающим совестью. Ни телевидение, ни компьютер, ни даже книга не могут сравниться с человеческим разговором по силе воздействия на сознание. Сообщения, принятые человеком с экрана или из газет, принимаются или отвергаются в ходе разговоров. Никакая революция или реформа не могли бы произойти, если бы у революционеров или реформаторов не было достаточного количества агентов, которые объяснили их необходимость и неизбежность массе людей в личных разговорах.

Перестройка, которая развалила Советский Союз и привела нас к национальному бедствию, готовилась на кухнях интеллигенции, в беседах у костра или за чаем в КБ, в рабочих курилках и в очередях. Миллиарды разговоров подготовили сотни миллионов людей к тому, что они аплодировали Горбачеву и чуть ли не целовали туфлю у Сахарова. Главные утверждения для этих разговоров, система доводов, художественное сопровождение (шутки, анекдоты, страшилки) вырабатывались в течение тридцати лет во множестве подпольных лабораторий и на общественных началах, и за деньги. Большую роль сыграли и зарубежные научные центры, но они были бы бессильны без армии безымянных борцов с нашей империей зла. Этот опыт очень важен, сработано было на славу.

У нас задача труднее. Во-первых, ломать – не строить. Сотни людей три года строят мост, а взорвать его может один человек за полчаса. У нас взорвали народ, он рассыпался на множество осколков нам снова его собирать, склеивать, что-то стягивать хотя бы временными связями. Нам неоткуда ждать помощи, учимся на ошибках. Наша родная интеллигенция в большинстве своем пока еще не опомнилась от контузии и увлечена либеральной утопией. А ее слово очень важно.

Но если начнем, то довольно скоро процесс станет самоускоряющимся. В России возникло общее ощущение со смутой надо кончать. Этот запой подошел к своему естественному концу. Плешивые идолы перестройки и реформы оказались пустыми, пирамиды рухнули, и людям требуется трезвый и жесткий разговор на языке родных осин, без идеологических химер и общечеловеческих ценностей.

Дело бы сильно упростилось, если бы этот разговор смогла начать верховная государственная власть. Но видно, что она к этому не готова, и этот разговор приходится начинать снизу, и в какой-то момент она будет вынуждена в него втянуться. Без этого давления власть никогда на него не решится. Даже Лукашенко на него не смог бы решиться, не имей он прикрытия в виде России.

Нашему общению необходим диалог. Сила разговора определяется тем, что мышление людей диалогично. Человек даже про себя

мыслит, как бы беседуя с самим собой, задавая вопросы и отвечая на них. Но когда разговаривают два человека и они понимают друг друга, так что можно задать собеседнику вопрос, заставить его задуматься и потом ответить, то возникает система с кооперативным эффектом вопросы и ответы порождают совместное творчество. Это жизненная потребность человека, и он очень ценит возможность такого разговора.

Это видно даже по тактике телевидения и радио. В течение первых десяти лет перестройки и реформы они, используя присущие им мощные средства воздействия на сознание, вели передачи-монологи. Это были передачи из центра пассивным зрителям и слушателям, которые не имели возможности задать вопрос и вставить слово. Вскоре такие передачи стали раздражать аудиторию, они подавляли нормальный ход мышления. В ход пошли передачи, построенные как ложный диалог, в студию приглашались подобранные оппоненты, которые вели дискуссию на темы, сформулированные ведущим и под его контролем. Еще через какое-то время телевидение и радио стали практиковать подключение к этим ложным диалогам и аудитории, люди стали обращаться по телефону в студию с вопросами, участвовать в телефонном голосовании и т. д. Это приводит манипуляторов к издержкам (слушатели научились, когда удается дозвониться по телефону, в двух-трех фразах высказать очень важные вещи). Однако им важнее удержать аудиторию, и эта практика продолжается.

Начиная с перестройки манипуляторы нашим сознанием вторглись в пространство нашего низового разговора, вооруженные мощными информационными технологиями. Они навязали людям ложные понятия, рваную, ведущую в тупик логику. Тем самым они нарушили способность добиваться в ходе диалога этого кооперативного эффекта. Наше движение начинает большую кампанию по очистке пространства народного разговора от наслоений и помех, запущенных в ходе программы манипуляции. Помогая друг другу, русские люди пройдут курс реабилитации.

Таким образом, первая задача в разговоре с людьми надо добиваться создания обстановки диалога. Если аудитория не идет навстречу (из-за недоверия или других психологических барьеров), надо хотя бы свое собственное сообщение строить в форме диалога задавать риторические вопросы и в ответ на них высказывать свое суждение. Только вопросы эти должны быть не надуманными, а именно теми, которые волнуют аудиторию.

Нередко в таком диалоге терпишь поражение, сталкиваешься с умелым противником, который забивает тебя своими доводами и логикой. Если спор происходит на людях, то такой противник часто будет использовать и запрещенные приемы спора. Когда диалог принимает характер состязания, то важны его зрелищные качества темп, напор, удачное слово или жест. Нужна техника, она осваивается не сразу.

Поражение оставляет чувство горечи, но косвенный выигрыш важнее отдельной победы. Сейчас наша задача не побеждать в каждом споре, а восстановить само пространство диалога, восстановить те связи, которые необходимы, чтобы снова люди почувствовали себя говорящими на одном языке и способными слушать друг друга и обдумывать услышанное.

Вторая задача, которая решается даже в проигранном споре, задать повестку дня. Мы должны возродить в людях уверенность в своем праве ставить на обсуждение те вопросы, которые они сами считают важными. Уже за время перестройки это право сумели у нас отобрать, политики с помощью СМИ стали жестко навязывать нам темы, которые нам следовало обсуждать. Всякие попытки гласно поставить под сомнение важность задаваемой нам повестки дня или переформулировать поставленную проблему пресекались моментально и исключительно грубо даже в отношении уважаемых людей.

То, что мы не сумели защитить свое право на постановку вопросов для обсуждения, было тяжелым поражением нашего народа. Само изъятие этого права как условие захвата реальной власти было важным открытием (его сделал в 1920-е годы американский специалист по пропаганде социолог Уолтер Липпман). Право создания повестки дня (agenda setting) заставляет людей принять такое представление о том, что важно и что неважно, что надо обсуждать, а что нет, которое может противоречить их интересам. Иными словами, реальные потребности, интересы, страдания людей просто исключаются из рассмотрения.

В 1989 г. был такой случай. Люди увидели, что перестройка заворачивает куда-то не туда. Вместо Больше социальной справедливости выходило совсем наоборот. В Верховном Совете СССР после очередной туманной речи Горбачева о благах демократии встал председатель Союза писателей СССР Юрий Бондарев и спросил: «Михаил Сергеевич! Вы подняли самолет в воздух, куда садиться-то будете? К чему нас должна вывести перестройка?» Вопрос разумный, задает его человек почтенный. Но вопрос не только замяли, но и приравняли поступок Бондарева чуть ли не к фашизму. Он осмелился нарушить заданную Горбачевым и его кликой повестку дня и поставить реальный вопрос, который волновал всю страну. Если бы его попытка удалась, начался бы процесс, который сразу разрушил бы всю систему власти Горбачева.

Любая антинародная власть не допускает нарушения своей монополии на повестку дня. Кровавое воскресенье 1905 г. потому и произошло, что рабочие с хоругвями пошли к царю, чтобы подать ему петицию с перечнем своих нужд. А петиции были запрещены законом. Закон этот понемногу стали нарушать главы дворянских собраний и земств. Но когда такую же попытку сделали рабочие, правительство пошло на небывалую меру и произошла катастрофа.

Нам не надо ходить с петициями ни к Кремлю, ни к Абрамовичу. Мы должны научиться создавать нашу повестку дня внизу, в разговорах хотя бы с одним человеком, потом в группе, потом в зале собрания. Если это сделаем умело, то и уличных митингов не понадобится. Вопросы, четко и одновременно поставленные большой массой людей, становятся большой политической силой.

Наконец, проигранный спор дает человеку такой опыт, какого не заменить никакими теоретическими занятиями. Нам нужно

тренироваться. И очень быстро мы начнем побеждать потому что наши идеалы и интересы совпадают с идеалами и интересами подавляющего большинства русских людей. Отстаивая эти идеалы и интересы, мы будем делать шаг вперед, даже проигрывая спор из-за нехватки знаний или нахальства. Нахальству учиться не будем, а знания помогут справиться и с наглецами.

Особо следует сказать о роли русского языка в процессе собирания народа. Язык одна из важнейших сил, соединяющих народ. Он создает образ мы, отличный от образа они. Даже явно чужой, но говорящий на твоем родном языке, сразу становится гораздо ближе. Язык главное средство общения внутри народа, он задает общий набор понятий, общий арсенал мышления. Обучая ребенка русскому языку, родители учат его быть русским.

Язык это особый способ мировоззрения и передачи опыта. В нем кроется целый пласт неосознаваемых представлений о мире и жизни. Человек видит и слышит лишь то, к чему его сделал чувствительным язык его народа. Язык подключает человека к коллективному бессознательному его народа. Особые слова-стимулы родного языка вызывают из подсознания целые блоки мироощущения. Так, идеологи рыночной реформы считают большой бедой и дефектом русской культуры тот факт, что в ядре русского языка слабо представлены ценности индивидуализма, и через СМИ ведут лихорадочную переделку языка. При этом заодно уродуются и другие части ядра, вроде бы прямо не связанные с рынком.

Борьба за язык один из главных фронтов политической борьбы. Разрушая и коверкая русский язык, враждебные народу силы ослабляют его связность. Вытесняя русский язык из обихода и из школы, антирусские силы в Латвии или на Украине отдаляют население от России и разрывают внутренние связи между людьми, которые тянутся к союзу с Россией.

Все сепаратисты, ставящие целью отделить свой регион от большой страны и ослабить связи своего населения с большой нацией, всегда начинают с языка сокращают сферу применения общего языка на своей территории, понижают его статус, прекращают его преподавание в школах, иногда даже доходят до смены алфавита своего языка. При этом идут на колоссальные затраты и не считаются с культурными потерями. Так, после развала СССР узбекский язык перевели на латинский алфавит. Весь массив книг и документов, созданный за 70 лет, обесценился для новых поколений узбеков. Взрослые в один день стали неграмотными, с трудом могут прочитать простую уличную вывеску. Сейчас со скрипом поворачивают назад.

Напротив, сотрудничество и интеграция укрепляются при поддержке общего языка. В XVI веке Испания учредила Академию, которая строго следила за обучением и применением кастильского языка, который на три века соединил огромную империю и помог созданию множества наций и народов Латинской Америки.

Русский язык один из больших мировых языков. В середине XX века в мире было всего 13 языков, для которых число говорящих превышало 50 млн. человек. В России и за рубежом была создана большая система для перевода с русского и на русский, издания переводной литературы. Таким образом, русский язык стал каналом для включения русского и союзных ему народов в пространство мировой (большой) культуры. Создать подобную стыковочную систему для каждого языка постсоветских стран невозможно.

На деле операция по отрыву этих стран от русского была большой геополитической диверсией, целью которой было выпадение этих стран из мировой культуры и общий регресс постсоветского пространства. Агентами-исполнителями этой диверсии были этнические националистические элиты антисоветского (и антирусского) направления. Они предпочли феодальную эксплуатацию населения и национальных богатств развитию своих народов в лоне большой страны.

Защита русского языка от его подтачивания, восстановление языковых связей русских с другими народами Евразии одинаково необходимы всем нашим народам. Это укрепит наши позиции в противодействии демонтажу самого русского народа, даст большое подспорье в работе по восстановлению нормального межэтнического общежития всех народов России, станет инструментом реального строительства новых интеграционных связей на всем постсоветском пространстве.

В заключение надо сказать и о таком связующем (или разделяющем) факторе, как школа. Это в современном мире важнейший механизм передачи новым поколениям того главного, что накопила культура народа, его представлений о мире и человеке, о добре и зле, а также навыков познания, мышления и объяснения. Все это вместе составляет центральную мировоззренческую матрицу, на которой люди собираются в народ. Разрушь эту матрицу (по чьей-то команде или по незнанию) и народ рассыпается, как куча песка.

Поэтому школа один из самых консервативных институтов общества. Для народа и его культуры, как и для любого организма, защита его генетического аппарата одно из главных условий продолжения рода. Реформа школы – часть глобализации. Смысл ее перестройка мира в интересах временно набравшего силу Запада, демонтаж и ослабление всех незападных культур. Понятно, что в любой культуре встает вопрос об ответе на этот исторический вызов, вопрос о том, как сохранить свой культурный генотип сохранить свои народы.

Взглянем в историю. Добуржуазная школа, основанная на христианской традиции, вышедшая из монастыря, ставила задачей воспитание личности. Ее цель была наставить на путь, дать ученику целостное представление о мире, о добре и зле. Эта школа была, как говорят, основана на университетской культуре и опиралась на систему дисциплин областей строгого знания, в совокупности дающих представление о Вселенной (универсуме) как целом.

В буржуазном западном обществе задачей школы стала фабрикация человеческой массы, которая заполняла, как рабочая сила, фабрики и конторы. Эта школа оторвалась от университета, передавала детям составленную из отрывочных знаний мозаичную культуру.

Но помимо этой школы на Западе сохранилась небольшая школа университетского типа для элиты. В ней воспитывались сильные личности хозяева. Школа Запада стала двойной, из двух коридоров. Такая школьная система воспроизводит классовое общество.

Русская школа, которую мы помним в облике советской школы, сложилась в результате исканий и споров конца XIX века. Тогда русская культура сопротивлялась импорту западного капитализма, она вырабатывала свой тип школы. Первый учительский съезд в 1918 г. утвердил главный выбор единая общеобразовательная школа. Оба признака очень важны.

Двойная школа исходит из представления о двойном обществе собственники и пролетарии. Это как две разные расы с разными типами культуры. Единая школа исходит из того, что есть единый народ, дети которого равны как дети одной семьи. В единой школе они и воспитываются как говорящие на языке одной культуры. Реформаторы с начала 90-х годов поставили задачу сломать этот принцип единой школы. Их цель разделить единую школу на два коридора создать небольшую школу для элиты и большую для фабрикации массы.

Наша общеобразовательная школа, включая вечерние школы и ПТУ, строилась на базе университетской, а не мозаичной, культуры и всем давала целостный, дисциплинарный свод знаний. Советская школа вся была школой для элиты: все дети в этом смысле были кандидатами в элиту. Конечно, другие условия еще довольно сильно различались, сельская школа по ресурсам была беднее столичной, но тип образования и культуры для всех был единым. ПТУ и вечерние школы не были иным коридором. В них учились по тем же учебникам и тем же программам – по своему строению это было то же самое знание.

Советский корпус инженеров в большой мере создан из людей, прошедших через ПТУ и техникумы. Два Главных конструктора, два академика, руководители космической программы Королев и Глушко в юности окончили ПТУ. Юрий Гагарин окончил ремесленное училище. Программа единой школы позволяла всем детям освоить культурное ядро своего народа.

Что дала России единая общеобразовательная школа? Не только позволила совершить скачок в развитии, стать мощной независимой державой, собрать из городков и сел неиссякаемые ресурсы Королевых и Гагариных. Школа помогла соединить тело народа, сформировать тип личности, реализующей общую силу.

Сейчас эту школу хотят сломать, и тут уж каждый должен сделать свой выбор помогать ее уничтожению или противодействовать ему. Раскол принципиальный, от выбора зависит единство или разделение народа.

Разделение и объединение

Уже на ранних стадиях развития человеческого общества возникла проблема размежевания людей общности на группы. Усложнялся набор необходимых функций, и общность становилась системой, возникала структура. Группы – структурные элементы общества. Они связаны друг с другом отношениями, но не сливаются в одну толпу, они различаются и сохраняют свои особенности. Без такого размежевания не было бы структуры, выполняющие функции, число и сложность которых увеличивались.

Непосредственно правящее сословие – дворянство – прилагало большие усилия, чтобы между собой говорить по-французски. Сильно различались права и обязанности, социальные статусы, образ жизни и культура. Были и тесные связи, и в норме структура работала. Возникали и конфликты – из-за нарушения институтов, принятых прав и обязанностей. Например, желанная реформа 1861 г. была так проведена, что противоречия между сословиями обострились вплоть до бунтов и восстаний. А попытка «раскрестьянить» общину, превратив сословие в классы (фермеры и пролетарии), довела до революции.

В Западной Европе народы, пройдя через войны, революции и Кавдинские ущелья капитализма, успокоились в классовом обществе: ядро – гражданское общество (Республика собственников), а вокруг пролетарии. Они получали свою долю добычи от грабежа колоний и вообще периферии. Такой общественный договор. А раньше в городах была система размежеваний и по цехам, и по гильдиям, и тем более по религии. Евреи даже получили право строить свой городок – гетто. Чем-то похожем стали китайские кварталы, Гарлем и подобные анклавы. Люди из этих гетто шли на работу, ныряли в общество, а после работы в своей катакомбе лелеяли свою идентичность. От них не требовали морально-политического единства.

Эта конструкция стабильна потому, что в современном буржуазном обществе сложились отношения органической солидарности – солидарности с группами «иных» (которым повезло доказать свою лояльность и пользу).

В России начала XX в. 85 % были крестьяне и 5 % рабочих, вышедших из деревни и бывших «родными» крестьянам. Эта масса была связана механической солидарностью – солидарностью со «своими». Малочисленные группы иных сословий сосуществовали. После революций и Гражданской войны численность «иных» сократилась (погибли, уехали в эмиграцию, «орабочились»). Возникло единство на основе механической солидарности, и даже группы «бывших» влились в общую массу – их квартиры стали коммунальными. Недовольные помалкивали, а массовая интеллигенция вышла из «низов» и не думала о размежевании, тем более накануне войны. В системе механической солидарности появились сгустки органической солидарности, но до середины 1950-х годов расколов не было. Первый вызов бросили «стиляги» – дети элиты. Но процесс размежевания замалчивали, хотя в литературе и кино тема была поставлена. Однако никакой доктрины развития органической солидарности в советском обществе не вырабатывалось. Понемногу стало нарастать недоброжелательное инакомыслие – сначала в элите, а затем в ответ «снизу». В перестройке номенклатура вызвала «огонь на себя» и возглавила «демократическую революцию».

В результате краха СССР большинство осталось у разбитого корыта. Разбогатевшие и значительная часть нового среднего класса отвергли прежнюю солидарность «единого общества» и уверовали в утопию «солидарность победителей». Большинство ностальгирует о солидарности и справедливости общинного строя. И те, и другие неадекватны нашей патологической реальности.

В принципе, в такой ситуации всем группам было бы крайне необходимо рациональное объективное знание об обществе и государстве, но обе общности расколотого общества отвергают такое знание. Их загнали в коридор, по котором они катятся вниз, перемешавшись в бессмысленной сваре. Канон задан в ежедневных скандалах на всех центральных каналах телевидения. Хозяева мейнстрима – меньшинство, но они владеют финансами, наемными кадрами, СМИ и образованием. Они разными способами парализовали работу по строительству самосознания общности «бывших советских людей». При этом сами они не вырабатывают объективного знания, их познавательная система настолько идеологизирована и возбуждена, что они генерируют агрессивные трактаты с уродливой логикой – «смесь страха и невежества».

После I Мировой войны М. Вебер настойчиво призывал преподавателей и студентов совершенно устранить из образования идеологию. В той сваре, какая началась в Германии, возникла угроза утратить нормы рационального мышления. Его призыв не имел успеха, политизированная интеллигенция ринулась в битву идеологических фантомов, и из этой кучи вынырнули фашисты, снабженные деньгами магнатов. Население не получило разумного слова интеллигенции, поддалось архаизации в синтезе с техникой и пошло к катастрофе.

У нас образование в общественных науках оказалось в тупике. Какого-то сдвига школы и вузов к реальности ждать не приходится. На мой взгляд, той части интеллигенции, которая продумала и прочувствовала явления и процессы последних 30 лет (и их предпосылки), следовало бы размежеваться и с мейнстримом, и с их противниками на ринге. Разумно было бы следить «за битвой двух тигров в долине», а все силы потратить на изучение реальности и создание линейки учебников и пособий, которые бы помогли школьникам и студентам укрепиться на платформе рационального и объективного знания. Какой бы вектор каждый из них выбрал, будет лучше, если он трезво оценить последствия.

Тогда и начнется и консолидация, и конструктивная политическая борьба.

Наследие харизмы

В последние два века в обществоведении использовались две идеальные («чистые») модели обществ и государств: традиционные и современные. Современным назвали государство модерна – конструкцию, которая сложилась в процессе череды революций, породившей Запад как особую цивилизацию. «Незападные» общества и государства называли традиционными.

Деление это условно, т. к. некоторые незападные государства уже в XIX в. смогли перенести и освоить западные культурные достижения, важные технологии и институты – модернизировались. Но эти инновации «прививались» на ствол своей культуры, и по ряду фундаментальных признаков (мировоззренческих и социальных) эти государства относили к классу традиционных. Примеры: Япония, Россия (затем СССР), Индия. С другой стороны, и в западных странах уцелели или расширяются ниши традиционных культур, а в некоторые периоды происходит и архаизация (например, рабовладение или таки институты как суд Линча в США).

Модернизация – процесс необходимый, но болезненный, он наносит обществу культурную травму, более или менее сильную. Большую травму в России нанесли реформы Петра Великого, форсированная индустриализация и коллективизация в СССР, но при этом культурная основа была сохранена, а перенесенные институты были адаптированы. Сейчас для нас надо изучать и обсуждать ход форсированной модернизации, во многих отношениях переходящей в вестернизацию (насаждение западных институтов без приспособления к национальной культуре).

Переход от советского государства к вестернизированной системе с «гражданским обществом» – процесс сложный, но разработанного проекта не было, не было и явного целеполагания и ограничений. Ни исследований, ни доступной литературы не было, решения были плодами импровизаций, не связанных в систему. Надеялись, что все утрясется само собой. Сейчас очевидно, что необходима рефлексия. Каковы результаты программы этой модернизации?

Рассмотрим один небольшой элемент этого процесса – создание оппозиции.

Традиционные общества структурированы с явной и устойчивой иерархией, каждая социокультурная группа обладает своими атрибутами, знаками различия, четкими правами и обязанностями. Таковы были сословные общества. Конфликты возникали между кланами или претендентами на престол, а между сословиями из-за нарушения чужих прав или невыполнения своих обязанностей. Единство является идеалом и заботой государства традиционного общества. Источник его легитимности лежит в авторитете государя как отца, и в ритуалах это государство подчеркивает существование такого единства.

Гражданское общество отрицает единство общества как утрату свободы, плюрализма. Государство должно создавать условия для конкуренции, а периодически испытывать революции. В фундаментальной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах, читаем: «Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наемный труд и зарплата – собственности и капиталу… Гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как политическое право – собственностью… Таким образом, эта демократия есть ничто иное как холодная гражданская война, ведущаяся государством». Постепенно эти войны были ограничены законами, но цивилизованная война всех против всех требует непрерывной деятельности оппозиции.

Соответственно, в этих двух моделях государств структуры власти сильно различаются. При правителях традиционных обществ были советы, а для принятия важных решений созывались соборы. Обсуждения длились, пока не найден консенсус, решения принимались единогласно. Прекрасно описал принятие решений сельским сходом крестьянской общины А.Н. Энгельгардт в «Письмах из деревни» (1872–1887 гг). Здесь не парламент, а собор, здесь нет оппозиции, а все ищут приемлемое для всех решение. В СССР Советы (например, Верховные Советы) также относились к собраниям соборного типа – решения принимались единогласно.

Он пишет: «Слыша отрывочные, бессвязные восклицания, бесконечные споры с повторением одного какого-нибудь слова, слыша это галдение, по-видимому, бестолковой, кричащей, считающей или измеряющей толпы, подумаем, что тут и век не сочтутся, век не придут к какому-нибудь результату. Между тем подождите конца, и вы увидите, что раздел поля произведен математически точно – и мера, и качество почвы, и уклон поля, и расстояние от усадьбы, все принято в расчет, что счет сведен верно и, главное, каждый из присутствующих, заинтересованных в деле людей убежден в верности раздела или счета. Крик, шум, галдение не прекращаются до тех пор, пока есть хоть один сомневающийся.

То же самое и при обсуждении миром какого-нибудь вопроса. Нет ни речей, ни дебатов, ни подачи голосов. Кричат, шумят, ругаются – вот подерутся, кажется, галдят самым, по-видимому, бестолковейшим образом. Другой молчит, молчит, а там вдруг ввернет слово – одно только слово, восклицание, – и этим словом, этим восклицанием перевернет все вверх дном. В конце концов, смотришь, постановлено превосходнейшее решение, и опять-таки, главное, решение единогласное».

…Расстрел 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье») сломал хрупкое равновесие, и царь согласился на выборы первого сословного парламента (Государственной думы). Выборы были неравными и многоступенчатыми (для крестьян четырехступенчатыми), и их бойкотировали большевики, эсеры и многие партии. Тем не менее 30 % депутатов были крестьянами и рабочими (а, например, в английской Палате общин в то время было 4 рабочих и крестьянин). Первая Дума несла в себе не только парламентское, но и советское, соборное начало, поэтому правительство распустило первую Думу всего через 72 дня работы. Но правительство не вело с Думами диалог – группы депутатов-диссидентов еще не были оппозицией как

организация.

Вторжение капитализма и столкновение сословного общества с жесткой модернизацией породили противоречия, которые разрешились в России революцией. Но альтернативные политические силы не успели выработать культуру оппозиции – их организации были в подполье, на каторге или в ссылке и эмиграции, самая большая партия (эсеры) развязала интенсивный политический террор. Победила революция под лозунгом «Вся власть Советам!», а в последовавшей Гражданской войне Советское государство.

Депутатами Советов становились не профессиональные политики (как правило, юристы), а люди из «гущи жизни» – в идеале представители всех социальных групп, областей, национальностей. Советы были порождены культурой и опытом народов России. Судить их принципы по канонам западного парламента – примитивный евроцентризм. Советы выработали систему приемов, которые в условиях советского общества были устойчивой формой государственности. Как только советское общество стало разрушаться, недееспособными стали и Советы, что проявилось уже в 1988 гг.

Структура Советов была сопряжена со структурой компартии, и в этой сетевой системе действовали две разные структуры – функциональные и информационные.

В процессе легитимации общественного строя необходимой была роль партии прежде всего как хранителя и толкователя благодати. Поэтому сама партия, ВКП(б) и потом КПСС, имела совсем иной тип, нежели партии западного гражданского общества, конкурирующие на «политическом рынке». В период с 1905 г. и до конца Гражданской войны в России существовала многопартийность. Между партиями были конфликты в полемике относительно проектам развития, были и кратковременные коалиции. Но после Гражданской войны в государственном строительстве культура традиционного общества «подавила» многопартийность.

Будучи единственной и ядром политической системы, компартия стала «постоянно действующим» собором, представлявшим все социальные группы и сословия, народы и регионы. Внутри этого собора и происходили согласования интересов, нахождение компромиссов и разрешение конфликтов. В такой партии не допускалась фракционность и оппозиция, естественная для парламентов. Таким образом, внепартийной легальной оппозиции не сложилось. Но внутри партии и государственной номенклатуре были альтернативные доктрины, и после смерти Ленина они превратились в стратегические платформы. Сторонники одной из них считались «оппозицией» внутри партии. В современном понимании термин оппозиция не годится, т. к. деятели этих групп сами занимали высокие посты в партии и правительстве.

Раскол партии стал большой угрозой, и осенью 1927 г. в первичных организациях партии была проведена дискуссия, и все должны были сделать выбор из двух платформ. В дискуссии приняли участие 730 862 человека (из 1200000 членов и кандидатов партии), за платформу оппозиции проголосовало всего 4120 членов партии (2676 воздержались). Оппозиция была подавлена, из партии были исключены около 8 тыс., из них 75 видных руководителей. Часть оппозиции ушла в подполье и в эмиграцию, позже многие были репрессированы. Этот опыт важен для истории, но к нашей теме мы его привлекли лишь потому, что к проблеме конструирования оппозиции в нынешней реальности опыт внутрипартийной борьбе в ВКП(б) и КПСС не касается. Критерии подобия не выполняются.

Нет подобия и с противоречиями и конфликтами в отношениях к Советам. Они в ходе модернизации государственной системы были с трудом превращены в представительный орган, но при этом они сохранили соборный принцип формирования. В Советах имелась невыполнимая норма – «наказы избирателей». Их депутат не имел права ставить под сомнение (хотя ясно, что наказы могли быть взаимно несовместимы). Риторика Совета с точки зрения парламента покажется странной, если не абсурдной. Парламентарий, получив мандат от избирателей, далее опирается лишь на свой ум. Депутат Совета подчеркивает, что он – лишь выразитель воли народа. Поэтому часто повторяется фраза: «Наши избиратели ждут…» (этот пережиток сохранился в Госдуме даже через двадцать лет после ликвидации СССР). При таком представлении о власти не может действовать институт оппозиции. Депутаты считают, что люди идут к Госдуме, чтобы найти правду и справедливость – и спорят о проблемах граждан с презумпцией что «ведь все мы в Госдуме хотим, как лучше», а если не удается достичь согласия, то это из-за некомпетентности или теневых интересах (коррупции и пр.).

Отсюда выводим тезис: устойчивая инерция стереотипов традиционной культуры Российской империи и СССР (соборности) блокирует возможность выстроить институты оппозиции, а значит, не позволяет структурировать и интегрировать общество, разделенное объективными социально-экономическими противоречиями. Те партии, которые были организованы из осколков КПСС, советских чиновников и интеллигенции, – симулякры. Когнитивная база этих общностей неадекватна российской реальности. Нужна рефлексия на методологические положения строительства политических организаций и опыт их практики на главных перекрестков их пути.

«Образ врага»

За последние 10 лет Интернет РФ будто выхолостили как укромную нишу, где рассуждали и обсуждали наши главные проблемы. Форумы расползлись по сетям, остатки старых бойцов дискуссии толкут воду в ступе и шипят друг на друга. Новые почти не появляются, а без них первая смена выговорилась. Надо осваивать новый пласт проблем, а образованная молодежь просто бежит от реальности.

Спросишь у дипломника или аспиранта: зачем ты выбираешь самые ничтожные стереотипные темы? Мы живем в момент сдвигов и разломов, ненадолго открываются скрытые силы и структуры бытия – смотри, хоть запиши, что видел. Ведь скоро все снова застынет, и мы это знание потеряем, это будет ступень вниз. И материал у нас для мыслителя уникальный – по масштабу, накалу и формам. Вот где карьеру делать молодому интеллектуалу! Нет, не хотят – криво улыбаются, сами все это понимают. Будут кропать никому не нужную пустую рукопись по стандартам Минобрнауки, компетенции набирать…

Как получилось, что наша образованная элита, класс собственников, властная верхушка со своими СМИ – все выросшие как западники и «либералы», реализующие, по факту, прозападную политику, вдруг устроили скандал с Западом – на грани срыва? Что это? Самые крутые патриоты хоть и рады такому повороту, а напуганы и недоумевают. Дело даже не в том, хорошо это или плохо – надо понять смысл. Куда наш витязь рванул с распутья, на котором неподвижно стоял лет десять? Не складывается головоломка.

Многие ищут разумные версии. Но и самые разумные не объясняют такой сдвиг. Например, можно принять за очевидность, что после того, как Майдан в декабре 2013 г. развернул свои порядки и США открыто начал свою «гибридную» войну, власти России ничего не оставалось, как взять под защиту Крым и поддержать Донбасс. На этом пороге надо обороняться. Но вопрос в том, что побудило США к такому шагу? В их политике держат много клоунов и юродивых, но реальные действия там обдумывают и просчитывают разумно, без эмоций. Значит, они давно готовились к этой операции, даже изменили установку Директивы Совета национальной безопасности США от 18 августа 1948 г., согласно которой после победы над СССР не следовало пытаться стравить Украину с Россией. Этому придавалось большое значение: «Существенно, чтобы мы приняли решение сейчас и твердо его придерживались».

Должны же мы понять, чем постсоветская Россия после Ельцина так не угодила верхушке США. Зачем они разжигают слишком рискованную войну, не дождавшись, пока наша наука деградирует и сделает небоеспособным российский ракетно-ядерный щит? Ведь США умеют терпеть и подавлять противника незаметно, «мягкой силой» – вспомним холодную войну. Чего они испугались, что хотели предотвратить?

Можно предположить, что аналитики США решили, что после Ельцина власти России задумали восстановить статус великой державы, оснастить армию современным оружием и вновь собрать земли исторической России. Но какие для такого предположения были эмпирические данные? Что изменилось в структурах России? Продолжаются неолиберальная реформа и приватизации, олигархи покупают яхту за яхтой, средний класс врос в общество потребления, а креативный класс мечтает о ПМЖ на Западе. Те же персоны пишут программы и делают философский камень нанотехнологии, нефть течет куда надо, тем же ядом брызжет «Эхо Москвы». Ну чего еще желать Бильдербергскому клубу?

Тут недавно бывший Генсек НАТО начал жаловаться и всхлипывать: «Нынешний конфликт между Россией и Западом, выразившийся в украинском кризисе, является по своей сути столкновением ценностей… Для России угроза, созданная протестующими украинцами, была экзистенциальной… Кремль боялся, что если украинцы получат то, что хотят, россияне могут вдохновиться и последовать их примеру».

Вот какие тонкие материи пошли в ход – теперь нравственные экзистенциальные ценности толкают на войну бравых вояк НАТО.

Копаться в этой демагогии бесполезно. Думаю, надежной информации о причинах столь крупной операции США против России у нас еще долго не будет. Если так, то будет разумно пока всю эту операцию поместить в «черный ящик» и принять на выходе только факты.

Думаю, сейчас главный факт заключается в том, что правящая верхушка США уже в 2005 г. стала открыто воспринимать постсоветскую Россию своим врагом и источником опасности. Это – несмотря на то, что СССР пал и был ликвидирован, что в России была разрушена государственная экономика, произведена деиндустриализация, задана новая идеология, подавлены наука и образование, армия лишена ресурсов развития, организована демографическая катастрофа и т. д.

«Образ врага» возник вовсе не с появлением В.В. Путина или с судом над Ходорковским. Вражда, как будто накопленная веками, выплеснулась уже в 1991 г., когда с СССР практически было покончено. Почему было не принять Россию в периферию Запада, поощрять ее движение к «общечеловеческим ценностям» и улыбаться нашим президентам? Нет, сразу стали хамить и как будто нарочно толкать интеллигенцию на антиамериканскую тропу, совсем расщепив ее сознание.

Возможно, эти чувства вражды иррациональны, возможно, мозговые центры США в своих моделях будущего обнаружили какие-то риски в существовании любой, самой либеральной, России. А может, избыток знаменитого американского рационализма превратился в паранойю, количество перешло в качество? Опять нас тянет понять непонятное. Но для нас важен вопрос: факт будем принимать или нет?

Я считаю, что его надо принять, хотя бы как вероятную угрозу. Лучше перестраховаться. Надо хоть мысленно проиграть возможные варианты дальнейшего хода событий. Главная проблема в том, что если русофобия западной верхушки не поддается лечению рациональными средствами (например, разумными уступками и подарками), то в России, хочешь – не хочешь, придется кардинально менять всю доктрину «реформ». Иначе не выжить этой России, обескровят без бомб и ракет, – а ту Россию, которую они отформатируют, уже поднять можно будет в далекой эпохе.

При той социально-экономической и культурной системе, которую выстраивали по шаблонам «чикагских мальчиков», Россия могла бы худо-бедно выжить, медленно угасая, только в фарватере США и при их благоволении. Нелепо строить капитализм западного типа, бросив вызов западному капитализму. Ведь уже из «сияющего города на холме» сказано, что Россия – страна-изгой. Следующим шагом будет сказано: Россия – империя зла. И что дальше?

Можно строить социализм в одной стране (масштаба России), но невозможно строить капитализм в одной стране, будучи изгоем мировой системы капитализма. Российская буржуазия тут же устроит Февральскую революцию.

И опять встает в России – для всех общностей и политических течений – чрезвычайная задача: понять проект и опыт СССР. Мы тогда этот проект и опыт не знали и плохо понимали, а теперь вообще о них чушь несут! Нам всем надо понять, почему, пока советское общество не переросло политическую систему, государство и население работали как сыгранная команда – и после Гитлера уже не пытались задушить СССР санкциями или бомбами. Более того, его уважали, а «трудящиеся массы» и любили. Да и на самом Западе у СССР были искренние и самоотверженные союзники, даже в подполье.

В «здоровый» СССР не вернуться – уже иное мировоззрение, иные ценности, а в «больной» СССР 80-х годов возвращаться нет смысла. Но многие критерии добра и зла, многие принципы взаимодействия государства с населением можно взять у СССР. Формы будут другие, а вектор тот же. Только вернувшись в свою колею, Россия разрешит свои явные и латентные конфликты, внутри и вне своих границ, и восстановит свои силы – и жесткую, и мягкую.

Надо ли знать что-то об идеологии СССР?

Тема государственной идеологии СССР становится все более актуальной. СССР был идеократическим государством, и кризис его идеологии стал пусковым мотором системы, приведшей к системному кризису и краху СССР и основных структур его жизнеустройства. Именно противоречия идеологии с другими элементами мировоззрения сложились в развивающуюся систему кризиса советского общества.

Учиться надо на своих ошибках, у постсоветской России с идеологией проблем выше головы, а студентов учат по западным учебникам или по учебникам советских начетчиков времен перестройки.

Поэтому я с интересом прочитал одну дипломную работу на тему эволюции идеологии СССР. В работе было собрано много материала, он показывает, каково сейчас общее представление о теме в нашем обществоведении. Картина меня удручила.

Ничего не говорится о доктринах разработки идеологии на переломных этапах существования советского проекта и государства. Не изложены главные внутренние противоречия идеологии в моменты преобразований СССР, ни изменения культурной ситуации, породившие нарастающий кризис идеологии.

Неверно такое суждение, обобщающее вообще все идеологии: «Именно система различения „друг – враг" детерминирует все политические действия и мотивы. Наличие у граждан страха, агрессии, сплоченности перед лицом внешнего врага, говорит о должной степени эффективности идеологии».

Откуда такая идея? Это, наверное, от Рима идет с его афоризмом «Война – душа Запада». Но ведь идеология – часть культуры, а культуры различны.

«Образ будущего» в русской революции уходил корнями в иное мировоззрение, нежели пророчества Маркса. У Маркса главный мотив революции – разрушение «мира зла» и строительство Царства добра на руинах. В крестьянской России, напротив, будущее виделось как нахождение утраченного на время града Китежа, как преображение через очищение добра от наслоений зла, произведенного «детьми Каина».

Таков хилиазм – идея создания тысячелетнего царства Божьего на земле, ересь ранних христиан. Это было у Бакунина и народников, в наказах крестьян в 1905–1907 гг. Позже – в «откровениях» Блока, в образах крестьянского рая у Есенина и Клюева, в поэтических образах Маяковского. Во время перестройки ее идеологи (например, академик-экономист С. Шаталин) не без оснований уподобляли весь советский проект хилиазму. Они хилиазм презирали или ненавидели, а С.Н. Булгаков (марксист, потом кадет, потом религиозный философ) писал в 1910 г., что хилиазм «есть живой нерв истории, – историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилиастическим чувством».

О 1920-х годах в дипломе сказано: «В процессе идеологических дискуссий сформировалась та политическая система, которая лишь с незначительными изменениями просуществовала до горбачевской „перестройки", а во-вторых, методом проб и ошибок, в рамках проводимой политики военного коммунизма и НЭПа, выработана стройная и цельная идеология».

Но ведь это не так! Неужели сдвиги от сталинизма к «оттепели» Хрущева и затем к эпохе Брежнева можно назвать «незначительными изменениями»? Это три принципиально разных идеологических доктрины. Какая «стройная и цельная идеология» возникла в рамках НЭПа? Неужели так учат в школах и университетах!

Казалось, невозможно гражданам России забыть о самом остром идеологическом конфликте, уже в ВКП(б), – о выборе модели развития и будущего. Раньше об этом нам говорили и преподаватели, и взрослые, рожденные в период 1900-1920-е годы. Если не ошибаюсь, в 1927 г. началась всепартийная дискуссия, каждая организация должна была обсудить две «платформы», грубо говоря, Сталина и Троцкого, и выбрать позицию. Это тогда захватило всех!

Как можно было пройти мимо такого эпизода, ведь и после дискуссии подспудно велась внутренняя идеологическая борьба, которая вылилась в репрессии 1937-38 гг. А до этого была «горячая» война с социалистической Грузией, лидер которой, член ЦК РСДРП, в своей речи 16 января 1920 года дал такое объяснение: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!» Как смогли идеологически нейтрализовать таких «западников» во всех республиках? В постоянных поисках, с разнообразием подходов в разных культурных зонах – одно дело на Украине, другое – в Средней Азии или на Чукотке. Не могло возникнуть «стройной и цельной идеологии».

Была идеологическая борьба с «классовиками», которые считали крестьян реакционным классом, и с Пролеткультом, была тяжелая дискуссия с 1921 г. о политэкономии социализма – учебник ее смогли издать только после смерти Сталина в 1954 г. Очень трудно было совместить политэкономию Маркса с реальностью «трудовых коллективов» – общины в промышленности. Похожие проблемы возникли и с преподаванием истории, и с составлением «единого учебника» – все это были крупные проекты создания идеологии.

Нет оснований и для такого утверждения: «В контексте советской государственной идеологии на этапе 1945–1964 гг. вполне уместно говорить о сознательном обострении идеологического противостояния в рамках биполярного мира и состояния „холодной войны"».

Разработчик концепции холодной войны Дж. Кеннан сказал в 1965 году: «Для всех, кто имел хоть какое-то, даже рудиментарное, представление о России того времени, было совершенно ясно, что советские руководители не имели ни малейшего намерения распространять свои идеалы с помощью военных действий своих вооруженных сил через внешние границы… [Это] не соответствовало ни марксистской доктрине, ни жизненной потребности русских в восстановлении разрушений, оставленных длительной и изнурительной войной, ни, насколько было известно, темпераменту самого русского диктатора».

Почему же молодые интеллигенты, выпускники МГУ, утратили «хоть какое-то, даже рудиментарное, представление о России того времени»? А ведь эту очевидную истину, которую высказал Дж. Кеннан, еще в 1980-е гг. знало все население, хотя никто эту тему не трепал. Идеология в СССР после войны была не травмирующей и не возбуждающей людей. Можно даже сказать, что опасность холодной войны была сильно преуменьшена, из-за чего почти никто из нас, обывателей, не увидел угроз в перестройки, вплоть до 1988 г. Но уже было поздно.

Трудно понять, откуда взялись нынешние представления об основаниях советской идеологии. В дипломной работе сказано: «Советская система начала свое развитие именно с глубокой теоретической работы… Надо сказать, что марксистская теория, претерпев некоторую трансформацию в контексте ленинских воззрений, обрела цельную и непротиворечивую с теоретической точки зрения форму, став при этом единым идеологическим проектом».

Но ход событий был совсем иным, этим и интересна история идеологии русской революции в ее советской ветви. Согласно Марксу, Россия должна была пройти тот же путь, что и Запад. Эту модель не приняли народники (а перед ними Бакунин), разработавшие концепцию некапиталистического развития России. Но народников разгромили марксисты, самый крутой из них был Ленин. Но в ходе революции 1905 г. он пересмотрел модель Маркса в отношении России и порвал с марксистским взглядом на крестьянство как на реакционную мелкобуржуазную силу. Это был разрыв с западным марксизмом. Мировоззренческой основой советского строя был общинный крестьянский коммунизм. М. Вебер иногда добавлял слово «архаический». Какая уж тут «марксистская теория, цельная и непротиворечивая, ставшая единым идеологическим проектом»!

В этом и заключалось главное внутреннее противоречие советской идеологии: общинный крестьянский коммунизм, соединенный посредством марксизма с идеями Просвещения. Это была очень хрупкая конструкция, но она была необходима, хотя требовала постоянных политических маневров.

Сейчас молодежь, похоже, не понимает, какой глубокий кризис идеологии был создан XX съездом КПСС. В 1956 г. эволюционная «десталинизация» сменилась радикальным разрывом с прошлым. Выход из «мобилизационного социализма» провели посредством слома его идеологической базы. Результатом была профанация советского государства, разрушение его духовной связи с народом и одновременно создание комплекса вины в тех, кто это государство строил и защищал.

В 1960-е годы вышло на арену новое поколение, уже городского «среднего класса», и влияние «шестидесятников» стало нарастать в среде интеллигенции. Развитие общества требовало обновления той мировоззренческой основы, на которой было «собрано» советское общество и легитимирован советский общественный строй. Крестьянский общинный коммунизм исчерпал свой потенциал, прежняя идеология утратила силу.

В партийной элите быстро усиливалось влияние явных и скрытых «шестидесятников», ортодоксальных марксистов. Уже в начале 1960-х годов основные идеи перестройки Горбачева, еще в сыром виде, уже обсуждались на «кухнях». Сложилось «творческое меньшинство», которое и вырабатывало доктрину перестройки. В конце 1960-х годов стал возникать альянс этого меньшинства с противниками СССР в холодной войне.

Все эти изменения сопровождались кризисами и откатами в советской идеологии, но это для нашей молодежи слишком тонкие материи, не до них сейчас. Но хоть самые критические моменты на дороге, по которой мы катимся, надо бы знать.

О нашем «национальном характере»

В широких кругах интеллигенции широко используется понятие национальный характер, которое не имеет ни эмпирических, ни логических оснований и является метафорой, не обладающей познавательной силой. Малахов так характеризует широко распространенное использование этого понятия: «Операционализация понятий и концептуальных схем, которые именно по причине их неоперационализируемости оставлены международной наукой в прошлом. К таким понятиям принадлежит „национальный характер“. Это понятие сначала подвергалось жесткой критике, а потом его просто перестали использовать как социологически бессмысленное».

Но этим «социологически бессмысленным» понятием полны выступления ученых, политиков, публицистов.

Действительно, издавна это понятие применялось очень широко – о национальном характере писали Чаадаев, Розанов, С. Булгаков, Франк, Бердяев, Карсавин и др. Были и противники – П.Н. Милюков считал это понятие ненаучным, а Л.Н. Гумилев называл мифом.

Г. Федотов писал: «Нет ничего труднее национальных характеристик. Они легко даются чужому и всегда оказываются вульгарностью для „своего“, имеющего хотя бы смутный образ глубины и сложности национальной жизни». Напротив, Н.А. Бердяев и «своим» легко давал характеристики: «Русский народ можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и к национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности».

И.Л. Солоневич возмущался расхожими описаниями русского национального характера: «Достоевский рисует людей, каких я лично никогда в своей жизни не видал и не слыхал, чтобы кто-нибудь видал, а Зощенко рисует советский быт, какого в реальности никогда не существовало. В первые годы советско-германской войны немцы старательно переводили и издавали Зощенко: вот вам, посмотрите, какие наследники родились у лишних и босых людей». Но при этом и сам он был не прочь дать свою, «верную» формулу, например: «Настоящая реальность таинственной русской души, ее доминанта заключается в государственном инстинкте русского народа или, что почти одно и то же, в его инстинкте общежития».

Ряд советских обществоведов возражали против введения в науку понятия национальный характер. На это Ю.В. Бромлей отвечал, ссылаясь на авторитет Маркса: «Представляется важным сразу же обратить внимание на то, что основоположники марксизма рассматривали национальный (этнический) характер как реальность. Например, Ф. Энгельс… К. Маркс в одном из своих писем (1870 г.) отметил более страстный и более революционный характер ирландцев в сравнении с англичанами. Число подобных примеров можно легко умножить». Примечательно, что Ленин относился к этому понятию скептически и как-то в Коминтерне на заявление товарища «Мы знаем психологию итальянского народа» ответил: «Я лично не решился бы этого утверждать о русском народе».

Как только пытались определить национальный характер какого-либо народа, напускался туман, шли метафоры и оговорки. Д.С. Лихачев, например, отступал так: «Правильнее говорить не о национальном характере народа, а о сочетании в нем различных характеров, каждый из которых в той или иной мере национален». Тем самым он просто передвинул проблему определения на другой уровень – ведь в каждом из множества характеров народа опять надо установить, что же в нем «в той или иной мере национально» и почему.

Аргументы в пользу существования национального характера как устойчивой сущности внутренне противоречивы. Ю.В. Бромлей пишет: «Отрицание национального характера, общности психического склада у буржуазных наций, обычно сопровождается сетованиями на их неуловимость. Подобные сетования в значительной мере обусловлены трудностями, стоящими на пути выявления такого рода социально-психологических явлений». Но если явление не удается выявить, то это – весомое основание, чтобы не использовать его как научное понятие, а вовсе не довод в пользу его применения.

Пояснения Ю.В. Бромлея, на мой взгляд, лишь ослабляют его позицию. Он пишет: «На тезис о неуловимости этнического характера несомненно наложила свою печать и склонность обыденного сознания к искажению его черт… Но особенно существенна в рассматриваемой связи тенденция обыденного сознания к абсолютизации отдельных черт характера этнических общностей… Дискредитации представления о существовании психического склада у этнических общностей (национального характера) немало способствовала и гиперболизация этих свойств».

Из всех этих оговорок видно, что эмпирической базы и надежных методов для того, чтобы использовать понятие национальный характер как научный инструмент, не существует. Этот термин годится лишь как художественный образ, обретающий в разных контекстах самые разные смыслы.

О людях, преобразованных катастрофой

Культурные кризисы со сдвигами в системе ценностей происходят в результате сильной культурной травмы. После перестройки и «бархатных революций» эта категория вошла в социологию как обозначение необходимого фактора для анализа кризисных явлений в обществе. Такая травма дестабилизирует рациональное сознание, и вся духовная сфера переходит в состояние неустойчивого равновесия, возникает «подвижность отношений и правил».

Это – точка бифуркации, в которой вся система «чаяний» некоторых общностей может быть при малом усилии сдвинута в иной коридор. Для этого всегда имеются исторические предпосылки, но не они являются причиной неожиданных изменений вектора мыслей целых народов. Рассудительные немцы не собрались бы под флагом фашизма из-за того, что кучка интеллектуалов читала Ницше, хотя это кто-то может посчитать предпосылкой. Но более правдоподобно, что точкой бифуркации стала культурная травма унижения Германии после поражения в войне и последовавший кризис.

Катастрофическое изменение системы – вот что порождает такие необычные выбросы энергии, которых никто и не мог вообразить. В состоянии неустойчивого равновесия «все старое начинает раскачиваться, а все новое, еще неопределенное, заявляет о себе и становится возможным». Это – суждения С. Московичи в его книге «Машина, творящая богов» (1988).

В предисловии к ее русскому переводу А. В. Брушлинский, П. Н. Шихирев пишут, что Московичи в своей модели общества «на первый план выдвигает его динамические, а не статические, структурные, свойства. Общество по Московичи – это система динамичных отношений, нечто текучее, непрерывно изменяющееся и потому сопоставимое с психикой, с динамизмом страстей и верований, составляющих суть душевной жизни реального человека».

Другими словами, нельзя описать «население» (человеческие общности) только посредством социальными и экономическими индикаторами – социальное и психическое неразрывно связаны. В стабильные периоды обе эти ипостаси человека в массе мирно сосуществуют, а девиантное поведение отдельных личностей воспринимается как неприятная аномалия. Но неожиданные обширные кризисы, социальные бедствия и катастрофы потрясают сознание, и духовная сфера значительной части населения получает «контузию». Возникают большие общности с «измененным сознанием». Картина мира этих людей сдвигается к иррациональному, поведение становится неопределенным или непредсказуемым.

Видный российский психиатр Ю.А. Александровский пишет о травмах социальных потрясений: «Известный немецкий психиатр и философ Карл Ясперс проанализировал изменения психического состояния населения Германии после ее поражения в I Мировой войне. Он сопоставил их с психическими явлениями в неспокойные времена среди населения других стран – после эпидемии чумы в XIV веке в Европе, во время Великой французской революции, а также после революции 1917 года в России. Ясперс пришел к заключению, что наблюдаемые в такие периоды глубокие эмоциональные потрясения касаются всех. Они „воздействуют на людей совершенно иначе, чем потрясения сугубо личного свойства“. В первую очередь происходит „девальвация ценности человеческой жизни. Это выражается в равнодушии к смерти, снижении чувства опасности в угрожающих ситуациях, готовности жертвовать жизнью без всяких идеалов“. Наряду с этим Ясперс отмечает „неуемную жажду наслаждений и моральную неразборчивость“».

Сходные выводы сделал Г. Юнг. Наблюдая за немцами, он написал уже в 1918 г., задолго до фашизма: «Возрастает опасность того, что „белокурая бестия“, мечущаяся ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями». В 1946 г. он признал в эпилоге к своему трактату «Вотан» (1936): «Германия поставила перед миром огромную и страшную проблему… Поведение немцев в целом ненормально; если бы это было не так, нам уже давно пришлось бы признать подобную форму войны нормальным положением вещей» – именно как результат I Мировой войны.

Явления этого типа различаются масштабом и оттенками в разных культурах, но ядро их структуры в главном одно и то же. Люди, пережившие катастрофу и получившие сильную культурную травму.

Ю.А. Александровский так классифицирует травмы современной российской реформы: «[После 1991 г.] наступил экономический и политический хаос, породивший безработицу, миллионы беженцев, значительное расслоение по уровню материальной обеспеченности. Эти причины, а главное, затянувшийся характер негативных социальных процессов привели к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества… Отсюда – тревожная напряженность и развитие „кризиса идентичности личности“…

Выделяют три варианта расстройств. Первый выражается в апатии, отчужденности, чрезмерной тревожности или депрессии. Второй вариант – разрушительная, направленная вовне агрессия. Третий вариант – развитие магического мышления со сверхценными (бредоподобными) идеями мистического, иррационального содержания».

Юнг писал (1937): «Никогда нельзя быть уверенным в том, что новая идея не захватит нас или наших соседей. Как современная, так и древняя история учит нас, что подобные идеи иногда настолько странны и даже причудливы, что просто бросают вызов разуму. Завораживающее воздействие, почти неизменно свойственное идеям такого рода, порождает фанатическую одержимость; в результате все несогласные – независимо от степени своей благонамеренности или рассудительности – сжигаются заживо, подвергаются обезглавливанию или массовому уничтожению с помощью более современного автоматического оружия. Нам не дано даже утешиться мыслью о том, что подобные вещи принадлежат далекому прошлому. К сожалению, они по всей видимости принадлежат не только настоящему, но и – в особенности – будущему…

Изменения характера, обусловленные всплеском коллективных сил, поистине удивительны. Сдержанное и рассудительное существо может превратиться в маньяка или дикаря».

Это – проблема социальной психологии: «Воля индивида, загипнотизированного тем, что он считает своей миссией, может привести к экстремальному разрушению и резне. Мы видели это на примере Гитлера в Германии, Пола Пота в Камбодже».

Здесь мы кратко рассмотрим третий вариант сдвига в результате культурной травмы – «развитие магического мышления со сверхценными (бредоподобными) идеями». Россия, Украина, Сирия и все нынешние кризисные общества находятся в состоянии, в котором действуют генераторы людей со «сверхценными идеями мистического, иррационального содержания», с разной интенсивностью и в разном масштабе. Старшее поколение было свидетелем, каким немыслимым было потрясение перестройки: сжигание живыми турок-месхетинцев в Ферганской долине, погромы в Сумгаите и война в Нагорном Карабахе с массовым убийством беженцев, обстрел Бендер с системой «Град» и жестокая гражданская война в Таджикистане, война в Чечне и разгром Верховного Совета РФ в октябре 1993 года. И теперь – немыслимая волна насилия на Украине.

Перестройка и ликвидация СССР и всех его институтов нанесли всему населению культурную травму. В 1988 г. даже в Эстонии реформаторы еще не думали о ликвидации СССР, требовали «республиканского хозрасчета», а в 1991 г. там, где был организован референдум, 76,4 % проголосовали за сохранение СССР. Потрясение слома общественного строя, социальная катастрофа «реформ» породили множество новых социокультурных общностей: олигархов и бездомных, нищих и «челноков», дворян и гопников. Масса людей, выброшенных из общества и организованного производства, опустилась в болезни и угасание.

Но особая часть – активные радикалы, которые рвутся силой улучшить мир или хотя бы его уничтожить. Социолог Н.С. Седых, изучающая методы вербовки террористов, пишет: «Мотивационной доминантой „экстремистского сознания“ является вера в обладание высшей, единственной истиной, уникальным рецептом „спасения“ своего народа, социальной группы или всего человечества…

Крайняя нетерпимость к инакомыслию, а также всякого рода сомнениям и колебаниям, перерастающая в убеждение, что нормальный, полноценный человек просто не может видеть вещи в ином свете, чем тот, который открывается благодаря обладанию абсолютной истиной».

В населении, получавшем «культурную травму», психика у большинства пограничная. Но какая-то часть «переходит границу», из общества вырывается группа извергов, одержимых разрушительными мессианскими идеями. Никаких профилактических и реабилитационных программ пока не ведется, но главное, мы не изучаем уроки прошлого. Перед нами развертывается драма мирового масштаба, а наши эксперты и профессора составляют рациональные объяснения исторического и экономического характера.

Вот пример. Александр Тихомиров родился в 1982 г. в Улан-Удэ, в 15 лет принял ислам и взял имя Саид Бурятский, стал боевиком-террористом и одним из идеологов северокавказского вооруженного подполья. С 2002 года он стал записывать лекции, которые широко распространялись среди исламской молодежи. Погиб в 2010 г., оставив огромное число идеологических материалов. Н.С. Седых изучала один из видеороликов С. Бурятского на YouTube под названием «Ответы на вопросы. Весна, часть 1». Число просмотров: 148 801. Саид Бурятский – талантливый самоучка, но лекции записывал на видео не для элиты и не в учебниках для школ и университетов. А где лекции и учебники о нем как явлении?

Московичи пишет: «Знали ли мы истинную секуляризацию? Все происходит так, как если бы, в самом деле, религии, унаследованные по традиции, отступили или обрушились. Однако возникли новые, в новых формах, они вписались в рамки культуры и в коллективное пережитое. Говоря слегка парадоксально, именно современные науки о человеке выступили для них благодатной почвой: достаточно вспомнить о национализме и о марксизме. „Короткий двадцатый век, – пишет историк-марксист Гобсбаум, – был временем религиозных войн, даже если наиболее воинствующие и наиболее возалкавшие крови среди этих религий были светскими идеологиями, уже собравшими урожай в девятнадцатом столетии, такими, как социализм и национализм, имеющими в качестве богов либо отвлеченные понятия, либо политических деятелей, которым поклонялись как божествам. Вероятно, что те среди этих культов, что достигли предела, уже начали клониться к закату после конца холодной войны, включая политические разновидности культа личности, которые, как и вселенские церкви, сократились до разрозненных соперничающих сект“ (The Age of the Extreme, p. 563).

Итак, необходимость признать власть верований и действие социальных страстей в социологии или в антропологии, а стало быть в экономике, сделала неизбежным обращение к психологическим объяснениям, которые осуждали и пытались исключить».

Но российское обществоведение – социология и антропология, экономика и политология эти объяснения игнорируют. Даже из истории явные аналогии наших ситуаций игнорируются. Все эти необычные явления интерпретируются в стиле механистического исторического материализма – через социальные интересы, или как эхо проклятого прошлого (депортацией татар или репрессий бандеровцев, за которые якобы мстят их внуки). Но бесполезно подыскивать прототипы новых целей и поведения в истории или экономике, считать, что носители этой странной энергии уже имелись в виде личинок и куколок, и их только надо было «разбудить». Это очень распространенное представление глубоко ошибочно.

Юнг писал (11 мая 1945 года): «Германия всегда была страной психических катастроф: Реформация, крестьянские и религиозные войны. При национал-социализме давление демонов настолько возросло, что человеческие существа, подпав под их власть, превратились в сомнамбулических сверхчеловеков, первым среди которых был Гитлер, заразивший этим всех остальных. Все нацистские лидеры одержимы в буквальном смысле слова, и, несомненно, не случайно, что их министр пропаганды был

отмечен меткой демонизированного человека – хромотой. Десять процентов немецкого населения сегодня безнадежные психопаты…

Есть известия, что всеобщее несчастье пробудило религиозную жизнь в Германии; целые общины преклоняют по вечерам колени, умоляя Господа спасти от антихриста».

Юнг поставил Реформацию на первое место, но это и была системная катастрофа. Она потрясла и продолжает потрясать весь Запад. В мифологизированной истории англо-саксонской культуре замалчивалась та роль, которую сыграла в «протестантской науке» проблема ведьм и демонов – поскольку ученые принимали непосредственное участие в жестоких репрессиях. Ричард Бакстер («самый великий из пуритан») представлен Мертоном как выразитель духа новой науки. Но именно Бакстер в 1691 г. опубликовал книгу «Доказательство существования мира духов», в которой призывал к крестовому походу против «секты Сатаны». В Германии «настольным руководством в процессах о ведьмах» были труды «отца германских криминалистов» лейпцигского профессора Бенедикта Карпцов – он как судья лично подписал двадцать тысяч смертных приговоров.

Фанатичной иррациональностью были отмечены установки сект (включая научные коллегии), которые перебрались в Америку. Реальность обстановки в пуританской Новой Англии самого конца XVII века описана историками в таких выражениях: «К середине 1692 г. процессы над „ведьмами" получили наибольший размах. Тюрьмы были переполнены, жизнь любого достопочтенного гражданина зависела от тайного или открытого доносчика, „видевшего" призрак и сообщившего властям об этом. Ничто не могло стать гарантией социальной безопасности. Никто не смел вставать на защиту жертв – самовольных защитников немедленно обвиняли в пособничестве дьявольской силе… Для семнадцатого века – и отнюдь не только для 80-90-х годов – вера в существование ведьм в Новой Англии составляла часть не только религиозных верований, но даже и научных убеждений».

Идеологами этих процессов был ректор Гарвардского университета Инкрис Мезер и виднейший американский ученый того времени, естествоиспытатель, философ и историк Коттон Мезер. Осенью 1692 г., по завершении сейлемских процессов, К. Мезер написал трактат «Чудеса незримого мира», где давал богословское обоснование казней: «Полчища бесов, к ужасу нашему, вселились в город, являющийся центром колонии и в известном смысле первенцем среди наших английских поселений».

Как мы видим, очень часто такие инновации становятся бедствием целых народов. Вспомним, что Энгельс называл Реформацию «случившимся с нами национальным несчастьем». Хотя она все же, ценой гибели массы людей, привела к возникновению совершенно нового и необычного общества – современного Запада. Э. Фромм так объясняет культурную катастрофу Реформации: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом. Он нашел прибежище в новом идолопоклонстве крови и почве, к самым очевидным формам которого относятся национализм и расизм».

Московичи пишет о людей со «сверхценными идеями мистического, иррационального содержания», совершавших Реформацию: «Вал беспрерывных расколов выплеснулся в Реформацию, ставшую его органным пунктом, сопровождавшимся возникновением протестантских сект. Невозможно выразить в нескольких строках то бурление людей и групп, которое преобразило Европу. Я напомню только один важнейший факт: все эти меньшинства претерпели презрение и изгнание, подверглись коллективной казни. За исключением Лютера, который убедил князей и немецкие массы, эта религия повсюду является делом изгнанников и беженцев, подобно Кальвину, если назвать лишь одно имя. Изгнанный из Франции, он отправляется в Женеву, где собирается множество людей, познавших ту же участь, что и он.

Приверженцы новой веры, выходцы из самых разных слоев общества были фитилем, готовым воспламениться для всякого рода бунтов и затей. В странах, которые их принимали, анабаптисты, гугеноты, квакеры рьяно распространяют учение, направленное против авторитета Государства, иерархии Церквей и унижения бедных.

Но они также пускаются в экономические начинания, уже обладая коммерческими и производственными навыками. Особенно в Англии и в Нидерландах, где кальвинисты особенно стимулируют взлет капитализма. Со всей справедливостью „кальвинистскую диаспору" можно было определить как „питомник капиталистической экономики"».

Катастрофическое изменение системы – это взрыв, подобный космическому, который порождает во Вселенной новую материю и энергию, а из общества в этой взрывной фазе он «выбрасывает» необычных людей с измененным сознанием, которые мгновенно объединяются в сообщество нового типа. Люди, «порожденные» катастрофой, действительно необычны и своими идеями разрушают прежний порядок и часто гибнут. Из истории Московичи вывел: «Римляне завещали нам выражение „враги рода человеческого" для обозначения этих людей, того, что вынуждает всех других с ними бороться. Нужно уловить глубокий смысл этой формулы для того, чтобы почувствовать, что она излучает страх и жестокость».

Московичи писал о важной идее Макса Вебера, которая, видимо, не была вполне разработана. Он обдумывал процесс возникновения нового общества как формирующейся системы. По словам Московичи, «этнологи и историки заметили, что именно тогда появляется очень плотная и напряженная сфера отношений, которую Вебер называет in statu nascendi (т. е. в состоянии возникновения). Здесь возникает нечто „совершенно другое", несоизмеримое по своей природе с тем, что существовало раньше; нечто, перед которым люди отступают, охваченные страхом».

Эти инновации (Вебер называет их характер «харизматическим»), имеют не историческую природу – они «не осуществляются обычными общественными и историческими путями и отличаются от вспышек и изменений, которые имеют место в устоявшемся обществе». Московичи проводит такую аналогию: «Харизма подобна своего рода высокой энергии, materia prima,

которая высвобождается в кризисные и напряженные моменты, ломая привычки, стряхивая инерцию и производя на свет чрезвычайное новшество».

Более того, Вебер считает, что такие вспышки и изменения в обществе мотивируются не экономическими интересами, а ценностями: «Харизма – это „власть антиэкономического типа“, отказывающаяся от всякого компромисса с повседневной необходимостью и ее выгодами… Харизма обнаруживает эмоциональную нагруженность, напор страстей, достаточный для того, чтобы выйти из непосредственной реальности и вести иное существование».

Московичи привел аналогию. Атомы некоего элемента бомбардируют частицами в ускорителе. При ударе ядро атома-мишени выбрасывает элементарные частицы (нейтроны и др.). Мы считаем, что в ядре сосуществуют эти частицы – протоны, нейтроны и др. – и какие-то из них вышибаются из ядра. Но в действительности ядро при ударе порождает ту или иную частицу.

Надо вспомнить, что и в начале нашей Гражданской войны возникли общности извергов. Пример – самое мощное рабочее восстание против советской власти летом 1918 г. в Ижевске под руководством эсеров. Эти рабочие казенных заводов были благополучным традиционным обществом, их потрясла Февральская революция. В Ижевск было передислоцирована часть с фронта, близкая к эсерам. Как только чешский корпус поднял мятеж и туда отправился гарнизон Красной армии, эсеры начали восстание.

Сразу началась расправа со сторонниками советской власти, а потом бессмысленные массовые убийства. Вот описание из множества эпизодов: «Среди поленниц дров выкапывали глубокие ямы. Через каждую яму перекидывали доску. На доску вставал узник, а по краям ямы стояли палачи и кололи штыками свою жертву до тех пор, пока он замертво не сваливался в яму на трупы заколотых раньше его. За убитым на доску становился следующий».

Повстанцы ижевских заводов были самыми отважными отрядами Колчака. Военный министр Колчака А.П. Будберг писал: «Приехавшие из отрядов дегенераты похваляются, что во время карательных экспедиций они отдавали большевиков на расправу китайцам, предварительно перерезав пленным сухожилия под коленями („чтобы не убежали“); хвастаются также, что закапывали большевиков живыми, с устилом дна ямы внутренностями, выпущенными из закапываемых („чтобы мягче было лежать“)».

Эти люди были одержимы идеей абсолютного равенства и социалистической революции, ими руководили эсеры и меньшевики, их морок развеялся уже в рядах Колчака, когда они воочию увидели интервентов с Запада и из Японии. Наверное, еще в 1916 г. никто бы не мог бы представить себе такой фанатизм.

Точно так же, удары, разрушившие ядро советского строя, вовсе не освободили из него необычных людей типа убийц, террористов или «бандеровцев», которые, как некоторые считают, были «генетически» предрасположены к таким ролям. Их «выбросил» взрыв общества, эта их инновация имеет «неисторическую природу». Из истории эти частицы и осколки лишь подбирают культурные атрибуты и грим (исламистов, неофашистов, троцкистов и пр.).

На мой взгляд, понятия и аналогии Вебера и Московичи гораздо адекватнее тех представлений, которые обычно употребляются у нас для объяснений явлений типа краха СССР и того, что мы наблюдаем сегодня на Украине.

Что касается Украины, то, похоже, взрыв Майдана осени 2013 года привел к выбросу нескольких сгустков «необычной материи» (захватив и Россию), приведя их к столкновению. Историческая задача – «институциализировать харизму», ввести энергию взрывов в рациональные рамки, но рамки созидания или приемлемой оппозиции, а не убийств и мародерства. Об этой фазе как раз много рассуждал Вебер и, кстати, огромный опыт «обуздания взрыва» был накоплен в русской революции 1917 года. Иррациональной утопической идеей была как раз попытка установить в России государство по типу западного. Начав гражданскую войну под патронажем интервенции Запада и Японии, либералы и эсеры выполняли примерно такую же миссию, как группировка ИГИЛ в Сирии. Возможно, опыт той гражданской войны помог в России дезактивировать взрывную энергию 1993 года.

Но здесь я выскажу такое предположение: в среде гуманитарной интеллигенции в ходе перестройки и потом сформировалась общность, из которой мало кто уезжает в ИГИЛ или в «Правый сектор», но которую можно назвать «авторами доктрин иррационального содержания». Это те, у кого «сверхценной идеей мистического, содержания» стала ненависть к СССР и России. Похожее изменение произошло в 40-е годы с молодыми троцкистами, которые, получив культурную травму холокоста и катастрофы, приведшей к власти фашизма, эмигрировали из Германии в США. Они собрались в сообщество «неоконсерваторов» и из радикальных коммунистов превратились в иррациональных антикоммунистов.

В 70-е годы в нашей среде эрудитов возникла необъяснимая ненависть к СССР. Их жалели, в них не видели угроз. После 1985 г. они как будто разбудили какой-то вирус и устроили эпидемию. Они оставили массу текстов, особенно в художественной литературе и в обществоведении. Их ненависть доходила до очевидной глупости. Но они теперь стали практиками с ресурсами, и их надо изучать как социальный и культурный феномен, несущий уже активную угрозу, а также изучать историю аналогичных явлений. В разных культурах искали и находили способы успокоить кипящий разум таких людей.

Типичные ошибки политологов

Постсоветская российская политология и обществоведение сложились как «сравнительные», они приняли понятия и логику западного обществоведения, явно или скрыто соотнося российскую реальность с описаниями западных политических и общественных институтов. Основные труды западных ученых и написанные ими учебники берут за «чистую модель» общества и государства равновесное, стабильное состояние этих систем. Наши современные ученые и авторы учебников в основном повторяют эти модели. Но уже в 1990-е годы эти западные институты стали совершенно иными – с чем же обществоведы сравнивали нашу реальность?

Более того, уже в 1970-е годы западные представления, принятые у нас как методологическая основа, были подвергнуты критике на самом Западе. Один из ведущих политологов США Дж. Сартори писал в программной статье (1970): «Политическая наука как таковая в значительной мере страдает методологическим невежеством. Чем дальше мы продвигаемся технически, тем обширнее оказывается неизведанная территория, остающаяся за нашей спиной. И больше всего меня удручает тот факт, что политологи (за некоторыми исключениями) чрезвычайно плохо обучены логике – притом элементарной» [Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис, 2003, № 3].

Причины типичных ошибок в политологических (шире, обществоведческих) учебных текстах – дипломные работах и диссертациях – в основном заключаются в изъянах всей когнитивной структуры этой сферы знания. Это наша общенациональная проблема.

Осторожно приступим к этой проблеме со стороны сравнительно простого и не слишком конфликтогенного раздела – описания и представления СМИ как политического и общественного института. Поскольку мы не имеем целью критиковать конкретных авторов, мы не называем их имен и не даем ссылок на авторские работы. Методология – проблема сообщества, а не личностная.

Первое общее утверждение, задающее тон рассуждениям, таково:

1. Исходная и господствующая посылка политологии в представлении СМИ ошибочна.

Эта посылка постулирует, обычно без всяких оснований, что быстрое развитие средств массовой информации само по себе является механизмом демократизации, и что это – особенность современного процесса в политике.

Вот типичное суждение в дипломной работе политолога, включенное им в число «основных положений, выносимых на защиту»: «Современный политический процесс обладает рядом особенностей, наиболее значимые из которых можно представить в качестве трех основных тенденций: демократизации, медиатизации и деидеологизации. Происходящие изменения приводят к перераспределению технологических усилий между государственным идеологическим аппаратом и новыми формами манипуляции, такими, как брендирование, агрессивный PR и технологии „мягкой силы“».

Уже здесь наблюдается когнитивный диссонанс: появление новых технологий манипуляции названы демократизацией. Манипуляция всегда считалась недемократическим средством господства. Ее принцип – отношение к человеку как вещи.

В начале 1 главы этой дипломной работы сказано: «Безусловно, немаловажной с точки зрения современного политического процесса, является тенденция к демократизации большинства развитых государств, в том числе и России… В этих государствах гарантированы права граждан, судебные органы независимы от властных, действует система разделения властей, проводятся референдумы, реально действует политическая оппозиция. В таких странах отсутствует ведущая идеология и главенство одной партии, а в экономике складывается свободный и конкурентный ранок, с присущим ему многообразием форм собственности. Ввиду свойственной для демократии свободе слова, отсутствует и тотальный контроль средств массовой информации и коммуникации».

Это шедевр политкорректности в отношении «большинства развитых государств». Но за этим видно пренебрежение к фундаментальным понятиям. Авторы таких текстов не дают своего определения главному предмету исследования и не приводят определения из словаря или энциклопедии, которым они следуют. Тривиальное определение демократии как «власти народа» смысла не имеет, уже Аристотель считал, что под демократией легко кроется власть «черни» (охлократия) под руководством демагогов.

Между тем, до сих пор не выработано общепринятых представлений и единого определения понятия «демократия», а значит, автор текстов типа дипломных работ обязан дать свое рабочее определение. Считается, что в политическом языке нет другого такого слова, смысл которого имел бы столько вариаций, как у «демократии». Неопределенность видна уже в том, что конкретные формы демократии обозначаются условными эпитетами: «либеральная», «народная», «западная», «республиканская», «социалистическая» и др. Между тем, это слово – оружие идеологических войн. Государство, которое удается представить в мировых СМИ как «недемократическое», оказывается вне закона (если только не обладает ядерным оружием) [Ф. Фукуяма говорил, поучая Россию (2004): «Мы хотим не просто демократии большинства, а либеральной демократии. Именно поэтому Запад должен поддержать демократические группы в России»].

Поразительно, что наши политологи начала XXI в. замалчивают известное предупреждение М. Вебера, данное российским либералам начала XX в. Он писал в 1906 г.: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке,… избирательное сродство с „демократией“ или вовсе со „свободой“ (в каком бы то ни было смысле слова)».

В другой дипломной работе сказано: «В 90-е гг. XX в. известный политолог Р. Даль писал о том, что телекоммуникационные технологии выполняют немалую роль в развитии демократического общества, в котором мнение и интересы народа будут способны влиять на процесс принятия политических решений. Американский социолог А. Этциони сформулировал модель „теледемократии“, как возможности достижения общественного блага с помощью новых коммуникативных технологий».

Эти утверждения явно противоречат реальности. Дипломник с ними согласен? Это его право, но тогда он обязан сопроводить такие цитаты собственными комментариями. Ведь многие авторы, включая «известных политологов», занимаются не анализом, а идеологической пропагандой. Но в данном случае автор должен был еще разрешить такое противоречие. Р. Даль выделяет в числе критериев демократии такие:

– основанное на информации понимание существа стоящих проблем (при равном доступе к информации);

– эффективное участие в процессе принятия решений на всех его этапах;

– действенный контроль за выработкой повестки дня.

Очевидно, что при «теледемократии» (ее еще называют «демократией шума») эти критерии Р. Даля не выполняются. В большом эксперименте Би-Би-Си было показано, что истинное и ложное сообщение, переданное телевидением, практически неразличимы для публики (правду сознательно различили только 3,6 % аудитории).

Более того, в современном информационном обществе происходит быстрая деградация структур демократии – это едва ли не главная тема либеральной политической философии. СМИ превращают любую реальную проблему в модель и делают это не с целью познания, а с целью манипуляции сознанием. Способность упрощать сложное явление, изобретая простые причинно-следственные связи, в большой мере определяет успех внушения. Мощное средство СМИ – редукционизм, сведение объекта к максимально простой системе. Заказчик формулирует задачу («тему»), затем производится ее «проблематизация», а затем редукционизм – конструирование модели и создание комплекса простых штампов, лозунгов, афоризмов или изображений. Как пишет специалист по телевидению, «эта тенденция к редукционизму должна рассматриваться как угроза миру и самой демократии. Она упрощает манипуляцию сознанием. Политические альтернативы формулируются на языке, заданном пропагандой».

Как можно увидеть в этом демократизацию?

А разве не очевидно, что в постсоветской России, прекрасно оснащенной телекоммуникационными технологиями, «основанное на информации понимание существа стоящих проблем» не возникает, причем вовсе не по вине власти – общие социокультурные условия оказывают на массовое сознание несравненно более мощное воздействие, чем телевидение и Интернет!

В важной статье (2012 г.) сказано так: «Решение задачи по индоктринированию массового сознания, как показывает практика, в условиях атомизированного общества, усталого и безразличного населения, и отсутствия сколько-нибудь серьезной оппозиции для нынешней авторитарной власти, не представляет каких-либо трудностей. Общество постепенно отучили размышлять. Эта усиливающаяся тенденция принимается без возражения и им самим, так как осознание происшедшего приводит к глубокому психологическому дискомфорту. Массовое сознание инстинктивно отторгает какой-либо анализ происходящего в России» [Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества // СОЦИС. 2012, № 1].

Ну как можно писать все эти дипломные работы и диссертации, ни словом не обмолвившись об этих фундаментальных факторах!

Вот еще странное утверждение в политологическом тексте: «Современные политологи акцентируют внимание на том, что в постиндустриальном обществе важнейшей в управлении обществом является власть информации, а не власть денег и силы».

Это совершенно неправдоподобное утверждение, противоречащее наглядной и повседневной реальности. Страны, объявившие себя постиндустриальными, драматически обнаруживают, что под слабым прикрытием СМИ они именно используют «власть денег и силы». Неужели кризисы и войны, которые мы наблюдаем, нас не вразумляют, хотя они уже все больнее отзываются и на нашей шкуре? Ведь нам уже тридцать лет объясняют, что теперь и нас самих, и телевидение с прессой ведет «невидимая рука рынка»!

Более того, еще доходчивее объяснил дело Т. Фридман, советник Мадлен Олбрайт: «Невидимая рука рынка никогда не окажет своего влияния в отсутствие невидимого кулака. МакДональдс не может быть прибыльным без МакДоннел Дугласа, производящего F-15. Невидимый кулак, который обеспечивает надежность мировой системы благодаря технологии Силиконовой долины, называется наземные, морские и воздушные Вооруженные силы, а также Корпус морской пехоты США».

2. Дефекты множества текстов.

Наши современные политологи как будто расщеплены и живут в двух параллельных мирах. Это – дефект множества текстов. О СМИ говорят, как об отдельном автономном агенте (големе) – без предварительного, пусть грубого, описания всей системы, элементом которой они являются. Сама структура СМИ, их движущие силы и отношения с другими институтами общества и государства представляются в ложном свете.

Вот диплом о СМИ как «инструменте формирования общественного сознания». Его описанию присуще преувеличение влияния СМИ на общество. Они выглядят не как инструмент, которым пользуются те или иные политические и общественные силы, а как самостоятельная сверхъестественная сила с присущей ей мессианской ролью.

Вот как уверенно говорится о магической силе современных СМИ: «На современном этапе политическая жизнь общества опосредована массовой коммуникацией и открыта в максимальной степени, что невозможно было себе представить еще несколько десятков лет назад».

Где и каким образом «политическая жизнь общества» оказалась «открыта в максимальной степени»? Каковы показатели и критерии для такого утверждения? Последние три десятилетия обнаружили закрытость и одновременно незащищенность информационного общества. С. Жижек сказал по этому поводу: «Ощущение того, что мы живем в изолированном, искусственном мире вызывает к жизни представление, что некий зловещий агент все время угрожает нам тотальным разрушением извне».

В другой дипломной работе сделано такое утверждение: «С конца XX – начала XXI века влияние власти и влияние на власть все более измеряются возможностью укреплять свой образ посредством новых медиа». Это утверждение странно и неправдоподобно, обосновать его какой-то мерой невозможно. Каких-то логических доводов не приведено. Неужели кто-то поверит, что образы Горбачева, Ельцина и Путина были созданы «посредством новых медиа»?

Вот еще заявление: «Роль социальных сетей и СМИ в целом особенно значительна в кризисные для общества и государства этапы, в связи с тем, что благодаря их деятельности можно повлиять на политическое сознание, на ценностные ориентиры».

Для такого утверждения нет ни эмпирических, ни логических доводов. Как правило, кризисы как раз разделяют общество на группы с разными ценностными ориентирами, на которые трудно повлиять.

Вот еще работа, посвященная роли информации (в частности, PR-технологий). Автор преувеличивает ее роль в политическом процессе, делает на этот счет много очень сильных утверждений, не аргументируя их и не показывая место информационных технологий в системе всех главных факторов. В тексте сказано, например: «Можно констатировать, что сегодня PR представляет собой не столько особую функцию, сколько современную философию организационного управления. Это искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности».

Этим банальностям о «взаимопонимании, основанном на правде и полной информированности», не имеющим никакого отношения к реальности, придается статус «научного определения». О конфликте с Грузией в 2008 г. говорится: «Коммуникационные PR-технологии США, Британии, Италии, Испании и др. – помогли существенно скорректировать политические результаты конфликта в сторону грузинской позиции».

Что это значит? Куда сдвинулись «политические результаты» России под давлением PR-технологии Испании?

Вот еще определение: «СМИ являются одним из институтов гражданского общества, где главным является факт интеграции общества».

Причем здесь «гражданское общество»? Разве в тоталитарном обществе нет института СМИ? И, вопреки логике и опыту, как раз в гражданском обществе главным является факт не интеграции, а плюрализма. Даже в популярном учебнике политологии приведено утверждение Гегеля, что гражданское общество «напоминает поле боя, где сталкиваются частные интересы, причем чрезмерное развитие одних элементов гражданского общества может привести к подавлению других его элементов».

3. Часто авторы доверяют плохо изученному ими источнику и не подвергают его утверждения проверке.

Нередко при написании текста ссылаются на суждение незнакомого автора, здесь можно попасть в ловушку, если не знать контекста, в который включено это суждение. Особенно осторожно надо обращаться с источниками в нынешней политике и политологии России, тем более с источниками времен перестройки и 1990-х годов. Эти источники слишком идеологизированы, они малодоступны в оригинале, их трудно проверить и они в большинстве своем уже забыты.

Вот, в дипломной работе политолога на тему о роли СМИ, сказано: «По мнению профессора Б. Соколова: „российско-грузинская война при своей внешней молниеносности и успешности для России, скорее всего, в долгосрочной перспективе является военно-политическим и дипломатическим поражением Москвы“».

Разве профессор Б. Соколов заведомо прав? Где его аргументы для вывода о «военно-политическом и дипломатическом поражением Москвы»? На чем стоит авторитет этого профессора, «самого неутомимого „профессионального“ фальсификатора»? Он, обозреватель «Известий», в годовщину битвы на Курской дуге 12 июля 2000 г. напечатал такой текст: «12 июля 1943 г. у деревни Прохоровка произошло крупнейшее танковое сражение Второй мировой войны… 850 советским танкам противостояло 273 немецких. Безвозвратные потери вермахта составили 5 танков, а Красной армии – 334 танка… Впоследствии Прохоровка была объявлена грандиозной советской победой, сорвавшей немецкое наступление на Курск с юга. Ныне на Прохоровском поле стоит памятник в честь мнимой победы советского оружия».

Союз ветеранов подал на «историка» в суд. Иск не приняли, хотя истцы привели виднейших военных экспертов, историков и участников битвы, представили подробные документы с картами боя, включая германские источники, труд германского военного историка генерала вермахта Б. Мюллера-Гиллебранда, воспоминания о битве под Прохоровкой начальника Генштаба

вермахта и главного специалиста по танковым войскам Гудериана, публикации историков США.

Такова свобода слова профессора Б. Соколова, но выпускник факультета политологии должен знать, на кого он ссылается в поддержку своих тезисов. И уж во всяком случае, привлекая в союзники авторов типа Б. Соколова, он должен изложить свои собственные аргументы.

Здесь же высказано многозначительное суждение о пропаганде: «Специалисты понимают под „пропагандой“ совокупность манипулятивных технологий, как правило, на основе лживых посылок. Пропаганда обращается не к сознанию личности, а к подсознательному в человеке – к его предрассудкам, страхам, инстинктам».

Откуда это взялось, из каких словарей и энциклопедий? Кто эти «специалисты», которые понимают под «пропагандой» такие странные вещи? Какие лживые посылки, страхи и инстинкты использует лектор, пропагандирующий модель мироздания Коперника? Дипломник-политолог безответственно опирается на чужие безответственные суждения.

В другой дипломной работе, тоже о роли СМИ, сказано: «Многие исследователи (например, Герберт Маркузе, Герберт Шиллер, Карл Дойч и другие) вообще считают, что политические коммуникации играют ключевую роль в обеспечении стабильности современного общества».

Неужели политолог сам верит в то, что пишет? Эти «многие исследователи и другие» говорят такие вещи для красного словца – нельзя же это принимать всерьез. Что мы видели и видим в современном обществе Ливии, Египта, Сирии или сегодня Украины? Здесь видна «ключевая роль политических коммуникаций в подрыве стабильности»! Зачем вставлять в дипломную работу такие неправдоподобные суждения? Вообще, коммуникации – всего один из множества инструментов политического действия. Любой инструмент, как молоток, может что-то укреплять или разрушать, это зависит от цели его хозяина (иногда от его умения пользоваться инструментом). Но нельзя же вырывать один элемент из целой системы и приписывать ему «ключевую роль».

В третьем тексте на аналогичную тему автор пишет: «Профессор N* отмечает: „Информация, как никогда, стала инструментом власти. Когда была обнаружена восприимчивость человеческой психики к внушению, информация в форме пропаганды и агитации стала главным рычагом управления людьми. Постепенно она заменила собой грубую силу и насилие, которые долгое время считались единственными орудиями управления“».

В научных и образовательных текстах не следует ссылаться на сомнительную цитату без объяснения, почему автор в нее поверил. Ведь очевидно, что информация вовсе не «заменила собой грубую силу и насилие», и к тому же эти средства никогда не «считались единственными орудиями управления» даже у самых страшных тиранов. Утверждение уважаемого профессора N* – художественная гипербола, нельзя ее принимать всерьез.

Там же следует еще такой пассаж: «Дебрэ ввел в актуальный политический лексикон понятие „медиакратии“».

Но Реже Дебрэ много разных словечек вводил в лексикон – а зачем его словечки в этой дипломной работе? Он – большой авторитет для российской политологии? Вообще, что о нем знают наши преподаватели и студенты? В каком смысле он употребил это словечко? Ведь даже в заглавии его статейки величиной в одну страницу, на которую сослался дипломник, сказано: «Медиакратия – власть посредственности». Но это совсем не вяжется с пафосом всей дипломной работы, и если уж опираться на авторитет Дебрэ, то надо было обсудить этот казус, дать свое суждение о «власти посредственности».

Иногда данные даже из солидного источника неправдоподобны – их надо исследовать или просто игнорировать. В одном из обзоров проблемы детских домов (2002 г.) сказано, например: «По данным Детского фонда ООН ЮНИСЕФ, всего в мире насчитывается около 100 млн. брошенных детей, причем каждый двенадцатый – из России».

Утверждение, что в 2002 г. в России насчитывалось более 8 млн брошенных детей, абсолютно неправдоподобно. Авторы обзора, исследующие данную проблему, не должны были верить в это утверждение, они вставили его в текст механически, не подумав.

Вернемся к дипломной работе, о которой шла речь в п. 1 и в которой сказано, что главное в «современном политическом процессе – демократизация, медиатизация и деидеологизация». Этот вывод опирается на труды двух политологов. О них сказано: «Однако стоит отметить, что в условиях современных реалий модель демократизации России несколько отличается от вышеуказанных характеристик „классической“ демократии. Данная модель была описана российским политологом В. Гельманом…

Похожая модель демократизации России была описана в работе Фарида Закарии… Фарид Закария утверждает, что если Россия продолжит развиваться по „своему пути“, постепенно приближаясь к выборной автократии, где свободы, гарантированные в теории, будут все чаще нарушаться на практике, а коррупция будет превалировать во всей политико-экономической системе, то страна вполне может остаться демократической, но нелиберальной. Данная тенденция связана с тем, что Россия не делает упор на хозяйственное развитие и построение эффективных политических институтов.

Таким образом, по итогу обзора двух наиболее реалистичных на мой взгляд моделей демократизации России, можно сделать вывод…» и т. д.

Но какова реально концепция В. Гельмана? Что именно берет дипломник-политолог из «наиболее реалистичной на его взгляд

моделей демократизации России»? Ведь В. Гельман выступает в основном как идеолог, а не аналитик, нельзя же это игнорировать. Вот, 24 марта 2015 г. В. Гельман опубликовал в связи с юбилеем Победы статью, где сказано: «В преддверии юбилея окончания Второй мировой войны все громче звучит пластинка, заведенная российским официозом: „нельзя допустить пересмотра итогов", не дадим опорочить „великий подвиг советского народа" etc. Между тем за пределами России итоги WWII по факту уже пересмотрены… Фактический знак равенства между СССР, нацистской Германией и сегодняшней Россией… Профессиональные историки, да и обычные граждане-неспециалисты могут долго дискутировать, насколько такая интерпретация итогов WWII является справедливой и адекватной… Но, нравится это кому-то или нет, нельзя не обращать внимания на то, что главной причиной пересмотра итогов WWII является сегодняшняя внешняя политика России» [http://trv-science.ru/2015/03/24/itogi-wwii-uzhe-peresmotreny/].

Но это – категоричное отрицание «сегодняшней внешней политики России», а вовсе не «реалистичная модель демократизации России». Автор дипломной работы должен был разобрать эту концепцию, раз уж он сделал такой выбор.

То же самое можно сказать о Фариде Закарии. Его утверждение, что если Россия будет «развиваться по „своему пути", то станет демократической, но нелиберальной», не имеет никакой познавательной ценности – это экстравагантная фраза журналиста. Сомнительно, что автор, цитирующий Закарию, смог бы внятно объяснить туманную мысль, будто «Россия не делает упор на хозяйственное развитие». Зачем же называть это «наиболее реалистичной моделей демократизации России»?

Российской реальности Закария не знает, к России недоброжелателен. Он с апломбом делает ей выговор за войну в Чечне, так что даже его сторонник возмутился: «Закария был ключевым „либералом" из группы поддержки войны в Ираке… Вот в чем невменяемость американских комментариев по поводу России: даже те, у кого нет никаких оснований для того, чтобы выступать против борьбы другой страны с терроризмом, могут для обоснования своей точки зрения полностью исказить исторические события» [Хис Дж. Фарид Закария ничего не знает о Чечне – http://inosmi.ru/politic/20110128/166055058.html].

Россию и Китай он считает угрозой для международного сообщества – от него нельзя ждать беспристрастного научного подхода к нашим проблемам. Вот ссылка на его выступление в Washington Post: «Китайская Народная Республика с ее двенадцатью процентами мирового внутреннего валового продукта представляет в сравнении с Российской Федерацией еще большую опасность для международного сообщества, утверждает 18 ноября [2014] журналист и колумнист в американском издании Washington Post Фарид Закария» [http://www.profi-forex.org/novosti-mira/smi/entry1008235117.html].

Почему так сильна тяга к модным персонам, вместо того, чтобы разобрать какую-то проблему России, исходя из доступных эмпирических данных и собственных суждений относительно альтернативных концепций отечественных политиков и ученых?

4. Ошибки включения в текст утверждений из документов, выполняющих идеологические функции.

Во время перестройки и реформ 1990-х гг. использовать такие документы как достоверные источники было нельзя с очевидностью, они на это и не претендовали. Однако инерция очень велика, так что и сейчас, рассуждая о СМИ, авторы принимают многие утверждения подобного типа за надежную информацию. Ее следует проверять по другим источникам или оговаривать, что речь идет о мнении такой-то группы политиков, предпринимателей и др.

Вот пример. Когда в начале 1990-х годов вновь обострилась кампания против советской атомной программы, часто поминали Семипалатинский полигон. В журнале РАН «Человек» (1993, № 4) были приведены данные о заболеваемости жителей Алтайского края как аргумент, показывающий опасность испытаний ядерного оружия: «С 1980 по 1990 г. заболеваемость злокачественными новообразованиями возросла в этом крае с 276 до 286 случаев на 100 тыс. населения».

Здесь мы не обсуждаем степень опасности испытаний, говорим лишь об аргументе. В зоне испытаний прирост заболеваемости онкологическими болезнями составил за 10 лет ровно 10 случаев на 100 тыс. человек. Что это значит, много это или мало? Чтобы можно было установить связь между ядерными испытаниями и заболеваниями, нужно было, как минимум, привести данные о динамике заболеваемости в тех областях, где население не подверглось воздействию облучения при подобных испытаниях. Это элементарное правило логики.

Сделать это было нетрудно. Согласно данным статистики, за те же десять лет 1980–1990 гг. прирост числа заболевших злокачественными новообразованиями по России в целом составил 33 случая на 100 тыс. человек! Если следовать логике авторов журнала, надо сделать вывод, что ядерные испытания – эффективные средства против онкологических заболеваний.

В действительности цифры, приведенные авторами журнала, ни о чем не говорят – слишком много факторов влияет на заболеваемость. Но читатель воспринимает сообщение в идеологическом контексте – а политологам профессиональные нормы не позволяют поддаваться воздействию этого контекста.

Еще более нелепые сообщения делали СМИ после аварии на Чернобыльской АЭС. В журнале РАН СОЦИС (со ссылкой на газету «Московский комсомолец»!) писали: «В обычных условиях рак щитовидной железы у детей бывает крайне редко. Однако в областях, наиболее пострадавших после Чернобыля, число детей с этим заболеванием возросло: на Украине – в 50 раз, в Белоруссии, особенно в Гомельской области – в 40 раз» [Морозова Г.Ф. Здоровье человека в свете экологии // СОЦИС. 1994, № 11].

При этом достоверные сводки о мониторинге здоровья населения после Чернобыльской катастрофы печатались в том же журнале СОЦИС авторами из того же института РАН! В одной из статей, в частности, говорится об «оценке состояния здоровья населения, проживающего в зоне бедствия, данной международной группой экспертов в 1990 г.»: «В группу входили 200

экспертов из 25 стран и семи международных организаций. Участники тесно сотрудничали с государственными, научными и другими организациями бывшего Союза… Особое внимание было уделено выявлению возможных патологических изменений щитовидной железы в результате воздействия радиоактивного йода. По результатам обследований, как отмечается в опубликованном докладе, не обнаружено статистически значимых различий в щитовидной железе детей 2-10 лет в загрязненных и контрольных населенных пунктах» [Рыбаковский Л.Л. Демографические последствия аварии на Чернобыльской АЭС // СОЦИС. 1992, № 9.].

И в западной, и в российской прессе до сих пор проходят сообщения, согласно которым в результате воздействия радиации после катастрофы Чернобыльской АЭС погибло 300 тыс. человек. При этом умалчивается, что это – расчеты, сделанные исходя из «линейной» модели воздействия радиации (другая модель – «пороговая»). Проверить эти модели невозможно. Их проверка требовала ответить на вопрос: действительно ли увеличение радиации на 150 миллирентген увеличивает число мутаций у мышей на 0,5 %? (такой рост числа мутаций считают заметным воздействием на организм). Для получения надежных экспериментальных данных, чтобы ответить на вопрос, требуется 8 миллиардов мышей. Значит, экспериментальный выбор моделей невозможен. Как пишет социолог науки М. Малкей (США), «именно в осуществлении выборов между подобными альтернативами политические установки ученых и давление со стороны политического окружения используются наиболее явно».

Значит, вместо моделирования надо наблюдать за реальным процессом. Реальные данные постоянно публиковались в специальной литературе, но политический интерес не пускал их в широкие СМИ, для приличия давались редкие незаметные сообщения. Вот сообщение в «Независимой газете» (26.04.2001 г.):

«В 2000 году в Вене состоялась 49-я сессия Научного комитета по действию атомной радиации ООН (НКДАР ООН)… Одним из наиболее значимых документов, подготовленных к 49-й сессии НКДАР ООН, стал отчет „Уровни облучения и последствия чернобыльской аварии“. Сегодня, в день 15-летней годовщины чернобыльской аварии, прокомментировать этот документ, а также ответить на несколько вопросов об основных уроках Чернобыля корреспондент „НГ“ попросил руководителя российской делегации на сессии НКДАР ООН, члена Главного комитета Международной комиссии по радиационной защите (МКРЗ), директора Государственного научного центра „Институт биофизики“, академика РАМН Леонида Ильина.

„– Леонид Андреевич, какие же основные выводы содержатся в отчете НКДАР ООН?

– В нем сделаны два основополагающих вывода. Первый вывод гласит, что ни одного случая острой лучевой болезни среди ликвидаторов, то есть тех людей, которые участвовали в ликвидации последствий аварии в течение первых двух лет (1986–1987 годов), и населения, проживающего в так называемой чернобыльской зоне, зафиксировано не было. По оценкам специалистов Института биофизики, общее число задействованных в тот период на Чернобыльской АЭС людей составляло около 227 тысяч человек, из них примерно половина – военнослужащие…

Повторяю, что среди этих людей, по всем официальным и научным данным, ни одного случая острой лучевой болезни и хронической лучевой болезни зафиксировано не было. Это принципиально важный результат, полученный на основании крупномасштабных исследований здоровья чернобыльцев в России, на Украине и в Белоруссии… Эти данные получены путем тщательного изучения всех случаев заболевания и смертности.

Таким образом, можно утверждать, что до настоящего времени не зафиксировано увеличения общей заболеваемости злокачественными опухолями или смертности, которые можно было бы отнести за счет действия радиационного облучения. Среди ликвидаторов и детей не наблюдалось значительного роста риска заболевания лейкемией – одного из наиболее чувствительных показателей облучения“.»

Но на «средства массовой информации» это нисколько не повлияло. Также ни профессора, ни дипломники политологии этот феномен не исследуют. А надо бы…

5. В рассуждениях об интересах или ценностях авторы и СМИ опираются на ложные дилеммы.

Это небольшая ошибка. После праздников рассмотрим более серьезные.

Очень часто это наблюдается в опросах общественного мнения, представленных СМИ. Газета «Коммерсантъ» пишет в обзоре опроса «Левада-центра» на тему: что лучше – порядок или права человека. Вывод таков: «Порядок в государстве важнее, чем соблюдение прав человека, уверено 57 % россиян. Противоположной точки зрения придерживается треть населения (33 %)» [Горяшко С., Иванов М. Опрос расставил все по порядку. Социология // Коммерсантъ. 2013, 27 июля].

Можно подумать, что сотрудники «Левада-центра» и газеты с какой-то целью мистифицируют проблему. Очевидно, что порядок в государстве и права человека – несоизмеримые сущности. Это разные структуры жизнеустройства, одинаково необходимые для жизни и не существующие друг без друга. Задать такой вопрос – это все равно, что, надев маску социолога, добиваться у людей ответа: «Что для вас важнее, печень или почки?».

Этими вопросами внушают людям дикую мысль, что они стоят перед дилеммой «порядок – или права человека». Приняв любую сторону этой ложной дилеммы, человек должен возненавидеть государство, которое его ставит перед таким выбором. Но в действительности не существует такой дилеммы! Нет на свете государств, которые бы не устанавливали порядка и не соблюдали прав человека, предусмотренных этим порядком.

И «порядок в государстве», и «права человека» – большие системы. К подавляющему большинству элементов этих систем люди привыкли и их не замечают. Поэтому они и клюют на такие вопросы. Граждане понимают их так: какие изъяны этих систем в данный момент сильнее ухудшают условия их жизни? При таком понимании и места для ложной дилеммы нет. Разные группы граждан по-разному страдают от изъянов порядка и от нарушения прав человека. У 57 % именно дефекты в поддержании государством порядка сейчас более болезненны, нежели ущемление каких-то прав, но это не позволяет сделать вывод, будто они вообще считают «порядок важнее прав». Этот вывод – подлог, который говорит о кризисе сообщества социологов и журналистов.

В том обзоре сказано: «Почти половина граждан (46 %) не стали бы отказываться от свободы слова и выезда за границу, даже если бы государство гарантировало им „нормальную зарплату и приличную пенсию“».

Это абсурдная дилемма. Как «социологи» представляют себе эту фантастическую сделку? Выступает по радио президент и говорит: «Всем, кто откажется от свободы слова и не высунет носа из России, я гарантирую большую прибавку к зарплате или пенсии! Посылайте заявления прямо в Кремль»?

Еще круче другой вывод: «Почти столько же – 43 % – „согласны“ и „скорее согласны“ на введение в стране цензуры и железного занавеса ради достойного заработка и пенсии». Похоже, что это тест на простодушие. Ну кто в здравом уме будет требовать «достойного заработка» на основании того, что в стране ввели цензуру?

Газета сообщает: «Замдиректора „Левада-центра“ Алексей Гражданкин объяснил, что для населения главное – чтобы „исполнялся социальный договор с государством“. „Власть не дает прав и свобод, но взамен обеспечивает спокойную жизнь“,– говорит он».

То ли это серьезно, то ли нас дурачат? Что за «социальный договор с государством», исполнение которого население считает для себя главным в жизни? Какие демоны витают в растревоженном мозгу замдиректора? Каких прав и свобод не дает власть, благодаря чему жизнь населения становится спокойной?

Вот еще замечание газеты: «Господин Гражданкин уверен, что россияне выбирают порядок в стране, потому что у большинства „никаких свобод никогда и не было – они выросли в эпоху Советского Союза“».

Вот таких социологов воспитал Ю.А. Левада: «никаких свобод в СССР никогда и не было» (это умозаключение типа «секса тоже не было»).

Но все упомянутые здесь типичные дефекты текстов – это лишь первое приближение к проблеме. Менее очевидные, но более фундаментальные ошибки лежат в основе политических решений, которые надолго выбили нас из колеи…

Страх как орудие манипуляции

Едва ли не главным чувством, которое шире всего эксплуатируется в манипуляции сознанием, является страх. Есть даже такая формула: «общество, подверженное влиянию неадекватного страха, утрачивает общий разум». Советское обществоведение игнорировало то, насколько западная «культура страха» необычна для нас. Только сейчас нам открывается картина существования поистине несчастного. Но и она не стала познавательным инструментом для государства РФ.

Вот мой опыт. Есть у меня приятель из ФРГ, философ, ученик Хайдеггера (живет в Испании, ему стукнуло 85 лет). Как-то он рассказал мне, как в 70-е годы был в Москве и обедал в доме секретаря посольства ФРГ. И за столом, желая сказать что-то существенное, собеседники обменивались записками. Вслух не говорили – боялись подслушивающих устройств КГБ. Я не мог в это поверить и потратил целый час, добиваясь, чтобы он точно воспроизвел ситуацию и объяснил причины этого страха в кругу образованных, неглупых и немолодых людей. Это был болезненный разговор, мой друг разволновался, выглядел странно. Его мучило, что он не мог найти ответа на простой вопрос: чего вы боялись? Ведь ты должен иметь хоть какой-то образ опасности. Оказалось, что у той компании дипломатов и философов такого образа просто не было, страх не имел очертаний. У нас произошел примерно такой диалог:

– Скажи, Ганс, вы боялись, что КГБ ворвется в дом и перестреляет вас прямо за столом?

– Брось, что за чушь.

– Боялись, что хозяина-дипломата выселят из страны как персону нон-грата?

– Нет, такого никто не думал.

– Боялись, что вас куда-то вызовут и поругают?

– Да нет, все не то. Никто ничего конкретного не предполагал.

Когда я перебрал все мыслимые угрозы, вплоть до самых невинных (даже при допущении, что КГБ только и делает, что все записывает на пленку), в нашем разговоре наступила пауза. Стало ясно, что в отношении к СССР в культурном слое Запада возникла патология. И причины ее – не в СССР, а в мышлении этих западных интеллигентов.

Собирая материал для книги «Манипуляция сознанием», я прочитал много текстов, посвященных «западному страху», которых у нас и не знали. Итог становлению «страха Лютера» подвел датский философ С. Кьеркегор в трилогии «Страх и трепет» (1843), «Понятие страха» (1844) и «Болезнь к смерти» (1849). Здесь страх предстает как основополагающее условие возникновения индивидуума и обретения им свободы. Потом волну страха подняло Просвещение. Потом Ницше и страх перед «Войной миров». Потом – перед холодной войной. Опрос в США: «Ожидаете ли вы войну в течение ближайших 25 лет?» В конце 1945 г. утвердительный ответ дали 32 % опрошенных, в 1946 г. – уже 41 %, а еще через год – 63 %. Далее – «Ядерный страх», по структуре, как страх перед чумой в XIV веке. В начале 50-х годов эксперты считали, что главную опасность для США составляют уже не сами атомные и водородные бомбы СССР как средства разрушения, а та паника, которая возникла бы в случае войны.

Ученые столкнулись с явлением, затронувшим глубинные слои психики, так что отсутствовали привычные корреляции с социальным положением, уровнем образования или осведомленностью о реальной опасности. Особенно уязвимой оказалась психика молодежи. Больше всего психологов обеспокоил тот факт, что к концу 60-х годов это «оцепенение» охватило и тех, кто по долгу службы был обязан сохранять реалистичное отношение к проблеме – военных и политических деятелей, а затем и самих исследователей «ядерного страха». В 70-х годах положение ухудшилось, так как психологи установили, что и персонал атомных станций подпал под воздействие «ядерного страха».

Бывая в Испании, я много смотрел фильмов Голливуда. Спрос на «фильмы ужасов» на Западе был феноменален, ненормально. Я просмотрел фильмы А. Хичкока и Стэнли Кубрика, феномен выявился, но хорошего объяснения нет. Но ведь сам феномен надо же было встроить в картину мышления наших «партнеров»!

Сейчас масса политологов пишет дипломы и диссертации об «информационных войнах», которые грозят России. Но судя по текстам, это понятие представляется поверхностными параметрами. Как можно выстраивать защитные структуры, если не знаешь, что творится в голове противника! Вот образ поэта: «сумасшедший с бритвою в руке». Теперь этот «сумасшедший» мстит России, 25 лет вилявшей хвостиком, за то, что он потел от страха перед СССР.

Мы радовались миру под крылышком православии, потом под советским оптимизмом, и 80-м годам стал как динозавры перед ледниковым периодом. Сунулись в «лоно цивилизации» и только сейчас задумались: «куда мы попали?». Мы даже не изучили духовную конструкцию фашизма, которую эффективно используют США. Примечательны названия двух книг: «Дружелюбный фашизм» (1980) и «Либеральный фашизм» (М., 2012). Но все это может быть упаковано в разных формах (например, ИГИЛ).

Проблем а в том, что нам позарез нужно знание, а система образования автоматически блокирует подход к актуальным проблемам.

Вопросы о манипуляции сознанием

Одна студентка попросила ответить на ее вопросы.

1. Каким образом СМК манипулируют сознанием аудитории?

Для начала: СМК и СМИ – разные вещи. СМИ уже в основном информируют, но не создают связь (коммуникацию) между людьми и условия для диалога.

2. Основные положения, тезисы, методы и цели манипуляции в России сегодня?

Доктрины манипуляции пока нет, ее применяют по ситуации и неряшливо (даже грубо). Качество низкое. Главное – даже не внушить желательные власти и элите идеи, установки и оценки, а убедить массу пойти на сговор поддержать социальную стабильность. Пока что на это согласно подавляющее большинство. Таким образом, это, строго говоря, не манипуляция, а ритуал. При этом элите разрешают фрондировать и «критиковать» власти. Методы – обеспечивать «среднему классу» завышенный уровень потребления, а бедных пугать ухудшением.

3. Каковы причины разработки методов манипуляции общественным сознанием?

Даже неустойчивая стабильность в переходный период – большая ценность. Обнажить социальный конфликт – это может оздоровить общество, но создает большой риск, чреватый большими затратами.

4. Как используются социологические опросы и рейтинги в манипулировании сознания масс?

Социологи получают полезную информацию, а манипуляторы создают «информационный шум», так что граждане не могут вести диалог, т. к. отличить правду от лжи непросто, и на это надо тратить время.

5. Как отбор и подача информации/новостей формирует картину действительности?

СМИ работают на власть и элиту, а в условиях «информационного шума» можно даже без обмана, просто отбирая факты, создавать фиктивную реальность. Но для этого уже требуется квалификация.

6. Роль пиара(PR) в манипуляции сознания?

«Белый» пиар – полезная для общества информация; «серый» пиар – «информационный шум», создающий для маскировки лжи; «черный» пиар – антисоциальная и криминальная деятельность.

7. Роль интернета как средства манипуляции?

Есть сегменты интернета, в которых стараются удалять манипуляцию, но в основном интернет – пространство «свободы слова», т. е. нормы рациональности и этики не выполняются. Это уже не манипуляция, а надругательство над правом и культурой. Баланс пользы и вреда трудно определить. Вероятно, интернет очень полезен для меньшинства, но снижает культуру большинства.

8. Какая техника манипуляции является самой мощной на сегодняшний день?

Думаю, эксплуатация «комплекса танатоса» – зрелища смерти, особенно массовых (терроризм).

9. Манипуляция – плохо это или хорошо?

Это проблема идеалов и ценностей. Лично для меня это – зло, сильное, как наркотики.

10. Почему интернет, а также социальные сети столь стремительно обрели, преимущественную от других видов СМК, популярность?

Эти системы делают доступными возможности самовыражаться, не глядя на нормы права и этики, издеваться и клеветать на кого хочешь, прикрываясь за аватаром, почти безопасно координировать преступления и производить огромные кражи. Для значительной части обществ это слишком сильный соблазн. А для людей, выброшенных кризисом из общества – инструменты слепой мести.

11. «Если мы о чем-то не говорим, то этого не существует». Является ли это методом манипуляции сознания?

Умолчание и паузы – сложный, но в политике очень важный инструмент манипуляции.

12. За счет каких механизмов реализуется манипулятивное воздействие? Каким образом происходит включение/активация этих механизмов?

Механизмы: создать посредством наличных технических систем и кадров поля, воздействующие на всю духовную сферу людей (язык, логику, мышление, чувства, воображение, память и т. д.). Каждый может составить перечень таких систем и результаты

воздействия. Боевые сильные средства – это другие систем, это не манипуляция. Включение/активация – кабинеты, пульты управления, кнопки и инструкции.

13. Какие люди наиболее восприимчивы к манипуляционному воздействию?

Те, кто мыслит абстрактными моделями, свободен от тормозов традиции, религии, совести, а также контроля близких посредством диалога и любви. Это в основном духовно озабоченная интеллигенция. Легко клюют на приманку манипуляторов, но зато и воюют с ними, если отрезвеют.

14. Как защититься от манипуляции?

Меньше слушать и смотреть передач, в которых проскальзывают хвосты манипуляции; важные сообщения пересказать своими естественными словами; не жалеть времени на диалоги с друзьями; не смешиваться с толпой, читать классическую литературу высшего разряда.

15. Какими навыками или особыми качествами должен обладать человек, чтобы стать успешным манипулятором?

Надо быть мерзавцем, а если еще и талантлив, то сволочью.

16. Какие условия необходимы для действенной манипуляции?

Продать душу дьяволу или хотя бы его заместителям.

Оппозиция в России: история и современность

Состояние России требует срочно разгрести хаос мифов и фантастических идеологем, нагроможденных длительным системным кризисом. Без того, чтобы хоть немного упорядочить представления о реальности и ее предыстории, невозможно никуда двинуться. Нужны пусть грубые, но связные объяснительные модели нашего положения и возможных альтернатив действий. Их появление потянет за собой очередную попытку начать диалог с общностями и с властью. А дальше – шанс на появление оппозиции, без которой в нашем состоянии будем продолжать топтаться. Недовольная властью группа из «бригады Ельцина» и ее интеллектуальных сподвижников не является оппозицией, не стоит об этом говорить.

Здесь рассмотрим один из факторов, затрудняющих возникновение дееспособной оппозиции уже в нынешнем, постсоветском кризисном обществе. Это препятствие – выведение оснований для доктрины оппозиции из успехов советского проекта. Имеется в виду успешное его реализацию до начала фундаментального (еще скрытого) кризиса СССР в 1960-1980-е годы. Этот фактор кажется второстепенным, но он тесно связан со всей системой причин этого кризиса и «открывается» относительно просто. К рассмотрению предлагаемого предмета уместно привлечь концепцию инновации в общественных процессах, которую начал разрабатывать М. Вебер. Она, на наш взгляд, в бурный период после 1918 г. была оставлена до завершения разработки, но обладает большим потенциалом, а в данный момент становится очень актуальной. Ее освоение и доработка были бы очень ценными для российского обществоведения, особенно для власти и становления оппозиции.

Вначале кратко приведем известные представления, которые, однако, часто игнорируют, а здесь они необходимы.

Можно сказать, что в современном парламентском государстве оппозиция служит для оказания давление на власть, чтобы заставить ее совершить определенные изменения в жизнеустройстве страны или не дать власти совершить изменения, противоречащие интересам или идеалам социальной базы оппозиции. Для политической системы важен баланс изменений и стабильности (устойчивости), поэтому инновации неизбежно вызывают дебаты и конфликты.

В политических системах традиционного общества функцию оценки выгод и ущерба от инноваций выполняет не политическая структура (оппозиция), а институт диалога и компромисса, в идеале – консенсуса. Этот институт скорее похож на НИИ или КБ, чем партия. В «гибридной» политической системе (соединение модерна с традиционализмом) требуются «стыковочные блоки» разных практик. В Верховном Совете СССР дебаты о реформах в конце 1980-х гг. наглядно показали, как сталкивались «модернизированная» часть с традиционной культурой.

На Первом съезде народных депутатов СССР 27 мая 1989 года Ю. Афанасьев (видный идеолог антисоветской оппозиции) заклеймил большинство депутатов как «агрессивно-послушное большинство». Были крики и даже рыдания депутатов, но большинство депутатов (группа «Союз»), не организованное как оппозиция, не могло использовать свое явное количественное преимущество, поскольку депутаты считали себя обязанными уговорить власть, а не идти на конфронтацию с ней. Ведь «ведь все мы, депутаты, хотим, как лучше». Инерция советской политической культуры обезоружила Верховный совет СССР.

Примем как факт, не углубляясь в историю, что в 1990-е гг. на пространстве СССР произошли глубокие изменения всех систем общественного бытия. Далее будем говорить о России (РФ). Были ликвидированы или преобразованы советские общественные, экономические и государственные институты, структура общества, идеология и культура. Была реализована огромная программа инноваций, которые в массе сохранились и даже в условиях глубокого кризиса получили достаточную легитимность в критической массе дееспособного населения.

Новый общественный строй, пусть в переходном состоянии (состоянии становления), существует и развивается тридцать лет. Однако радикальные инновации в этом проекте породили глубокие и даже антагонистические противоречия между «выжившими» и возникшими социокультурных общностей, причем противоречия с большой составляющей иррациональности. Отчуждение, некоммуникабельность и враждебность между общностями и между ними и государством имеют тенденцию укорениться. Дезинтеграция общества приобрела характер «холодной гражданской войны», а в условиях постоянного стресса и культурного кризиса аномия и недовольства (по разным основаниям) сдвигают общество к хаосу «холодной войны всех против всех». Это состояние удерживается в рамках неустойчивого равновесия благодаря установке на стабильность малообеспеченного большинства, но каждый очередной кризис создает новые угрозы.

Термин «инновация» не несет ценностной нагрузки. Как и знание, инновация – «это сила», т. е. инструмент, дающий возможность изменить реальность в ту или иную сторону. Изменение это кому-то может быть во благо, кому-то на беду. Инновация, т. е. новшество, может сделать возможным откат в прошлое, произвести архаизацию и загнать народ в модернизированный каменный век, разрушить достижения цивилизации (это мы видим и на Украине, и на Ближнем Востоке). Поскольку любая инновация ослабляет существующие структуры и создает неопределенность, даже обещающая благо инновация может «выйти из-под контроля» и наделать бед. Можно сказать, что эта проблема была ядром философии Достоевского.

История полна драм преобразования инновации из утопии в катастрофу и очень часто – в колоссальный грабеж и геноцид. Только по земле исторической России прошли волны проекта Чингисхана, крестовые походы рыцарей, Наполеон и Гитлер, а теперь ее втягивают в разрушительный мировой проект под названием глобализация. Спасением всегда бывали форсированные встречные инновации.

М. Вебер, изучая и сравнивания процессы развития в обществах модерна и в традиционных обществах, определил инновации как зародыши появления новых общественных форм и институтов. Он ввел в социологию важное понятие: общество в

состоянии становления. Это аналогия понятия натурфилософии, обозначающего состояния вещества в момент его рождения – in statu nascendi. Он вошел и в современную естественную науку. Например, при расщеплении молекулы перекиси водорода или озона ненадолго возникает атомарный кислород, обладающий аномально высокой реакционной способностью. В начале XX в., во время кризиса классической физики, стали различать два взгляда на природу: науку бытия – видение мира как стабильных процессов, и науку становления, когда преобладают нестабильность, переходы порядок-хаос, перестройка систем, кризис старого и зарождение нового.

[Сразу заметим: марксизм, в общем, исходил из принципов «науки бытия» (исторический процесс как этапы состояния равновесия), а Ленин ввел в партийную мысль принципы «науки становления» (исторические изменения как неравновесные кризисные состояния)]

В большой работе «Социальная теория и социальная структура» Р. Мертон разработал концепцию важного класса инноваций – тех, которые создаются в сфере отклоняющего или преступного поведения. В этой работе есть глава «Социальная структура и аномия». В ней Мертон представляет инновацию как один из главных результатов аномии. Он пишет о США 30-х гг.: «преступлением является не неудача, а заниженная цель». Вот как он представлял это общество: «На верхних этажах экономики инновация довольно часто вызывает несоответствие „нравственных“ деловых стремлений и их „безнравственной“ практической реализации… Изучение 1700 представителей среднего класса показало, что в число совершивших зарегистрированные преступления вошли и „вполне уважаемые“ члены общества. 99 процентов опрошенных подтвердили, что совершили, как минимум, одно из сорока девяти нарушений уголовного законодательства штата Нью-Йорк, каждое из которых было достаточно серьезным для того, чтобы получить срок заключения не менее года» [Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // СОЦИС. 1992, № 2].

Особый тип инноваций, присущий меньшинству (мятеж), Мертон противопоставляет аномии среднего класса. Он пишет: «Этот тип приспособления выводит людей за пределы окружающей социальной структуры и побуждает их создавать новую, то есть сильно видоизмененную социальную структуру. Это предполагает отчуждение от господствующих целей и стандартов… Мятеж стремится изменить существующие культурную и социальную структуры, а не приспособиться к ним… Для участия в организованной политической деятельности необходимо не только отказаться от приверженности господствующей социальной структуре, но и перевести ее в новые социальные слои, обладающие новым мифом».

Оба эти вида реакции на аномию (преступную и мятежную) важны для нашей темы. Также важно учесть, что инновация-мятеж может быть антисоциальной и антикультурной, даже изуверской.

Удивительно, что этот взгляд на процессы трансформаций общества (современного и традиционного) до сих пор не привлек внимание российской социологии, хотя идеи этого подхода актуальны для исследования великих и катастрофических инноваций в российских и советских государствах и обществах.

Здесь мы используем рассуждения Вебера [высказывания Вебера взяты из его книги Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994; из книги Московичи С. Машина, творящая богов. / Пер. с фр. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998; из трудов исследователя «русских штудий» Вебера А.С. Донде (Кустарева)].

Вебер выдвинул сильный тезис: изобретение инновации, порождающей новую структуру in statu nascendi, требует взаимодействия (синергизма) рационального усилия и внерационального импульса. Другими словами, он напомнил, что нельзя описать «население» и общество (человеческие общности) только посредством социальными и экономическими индикаторами – социальное и психическое неразрывно связаны.

Маркс сказал: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Но что значит, что «идея овладевает массами»? Это значит, что идея воздействует не только на разум с его логикой и расчетом, но и всю духовную сферу людей – чувства, воображение, память и подсознание. Это и есть взаимодействие рационального мышления с психикой. Если речь идет об идее, которая овладевает массы, значит, эта идея потрясла множество людей, глубоко затронуло их разум, совесть и чаяния.

Даже самые умные люди иногда подчиняются иррациональным чувствам, это часть реальности, которую аналитик должен учитывать как важный фактор общественных процессов. Вот пример: великий философ Запада Гегель вспоминает, как 13 октября 1806 г. ему посчастливилось из толпы увидеть Наполеона. Он пишет: «Я увидел императора, эту душу мира, пересекавшего на лошади городские улицы. Поистине это колоссальной силы ощущение – увидеть такого человека, сидящего на коне, сосредоточенного, который заполняет собой весь мир и господствует над ним».

Наука, возникшая в ходе Научной революции XVII века, изучает явления, которые поддаются рациональному анализу (как, например, в экономической науке или социологии). Но рядом или на краю науки, «в черном ящике», наука собирает факты, которые существуют и действуют в сфере иррационального (вера и чувства, необъяснимые психические состояния и т. п.). Они очень важны и в экономике, и в политике, и в любой деятельности.

В предисловии к русскому переводу книги С. Московичи «Машина, творящая богов» (1988) А. В. Брушлинский, П. Н. Шихирев пишут, что автор в своей модели общества «на первый план выдвигает его динамические, а не статические, структурные, свойства. Общество по Московичи – это система динамичных отношений, нечто текучее, непрерывно изменяющееся и потому сопоставимое с психикой, с динамизмом страстей и верований, составляющих суть душевной жизни реального человека».

Иррациональный импульс к инновации Вебер называл «харизмой» (греч. charisma – благодать, дар божий) [А.С. Донде приводит

предупреждение Вебера, что он называет харизму «по существу „творческой“ и революционной силой в эмпирическом и безоценочном смысле». См.: Донде А.С. Проект суда над коммунизмом как вариант исторической рефлексии и факт общественной жизни (о «Черной книге о коммунизма и не только о ней») // Русский исторический журнал. 1998, т.1, № 3].

Это явление и другие мыслители и ученые описывали как важный фактор в человеческой деятельности в решении аномально сложных задач. Они по-разному называли это явление и иллюстрировали его разными процессами и действиями. Например, близкое понятие предложил историк и этнолог Л.Н. Гумилев, назвав этот фактор пассионарностью, но содержание концепции Вебера существенно отличается.

Приведем большую выдержку Вебера, где он излагает смысл своих понятий:

«… 1). Под „харизмой“ в данном изложении понимаются внеповседневные качества человека (независимо от того, действительные ли они, мнимые или предположительные). Под харизматическим авторитетом, следовательно, – господство (внешнего или внутреннего характера) над людьми, которые подчиняются ему вследствие веры в наличие этих качеств у определенного лица… Господство осуществляется не на основе общих традиций или рациональных норм, но в соответствии с конкретным откровением или вдохновением, и в этом смысле оно „иррационально“. Оно „революционно“ в том смысле, что совершенно не связано с установлениями: „Написано – но я говорю вам…!“ (Это „формула“ Нагорной проповеди, точнее так: „Вы слышали, что сказано… а Я говорю вам…“.

2). Традиционализмом в данной работе называется установка на повседневно привычное и веру в него как в непререкаемую норму поведения, а традиционалистским авторитетом – господство, основанное на том, что действительно, мнимо или предположительно существовало всегда. Наиболее значительным видом господства, основанным на традиционалистском авторитете, опирающемся на легитимность и традицию, является патриархальная власть…

3). Харизматическая власть, основанная на вере в святость или ценность не повседневности, и власть традиционалистская (патриархальная), основанная на вере в святость повседневности, охватывают в прошлом все наиболее существенные отношения господства-подчинения. „Новое“ право может привнести в сферу установленного традицией лишь обладатель харизмы; оно утверждается прорицаниями пророков или предписаниями военных вождей. Откровение и меч, выходя за рамки повседневности, вводили новые отношения. Однако, совершив свое предназначение, они попадали под власть повседневности. После смерти пророка или военного предводителя возникал вопрос о преемнике… С этого момента всегда начиналось в том или ином виде господство правил».

Таким образом, Вебер настойчиво утверждал, что порождение крупной инновации и становление новых структур происходят с участием системы иррациональных факторов, которую он назвал харизма.

Далее приведем некоторые суждения об этом явлении.

Инновация – это большая или маленькая революция. Объективное условие для нее – состояние неустойчивого равновесия: «все старое начинает раскачиваться, а все новое, еще неопределенное, заявляет о себе и становится возможным» (С. Московичи). Но не менее важно условие субъективное – состояние духовной сферы вождей и группы первопроходцев. (Свернуть)

С. Московичи пишет: «Если общество хочет не только выжить, но развиваться, сопротивляться конфликтам, раздирающим социальные связи, оно должно мобилизовать неотъемлемые свойства человеческой натуры, а именно верования и страсти. Потеря верований и апатия могут привести лишь к потере обобщенной социальной связи, к параличу действия и совместной жизни… Именно homo credens, а не homo aeconomicus или homo politicus, по сути дела, находится в центре внимания в теориях великих социологов… Секуляризация, которая должна была увенчать эволюцию, ведущую к современности, экономическая и политическая рациональность выражена ими как потеря этих основных черт человеческой природы. Разочарование миром у Вебера, аномия у Дюркгейма указывают на природу этой потери, которая направлена в небо, чья пустота пугала Паскаля в семнадцатом веке».

Вебер указал на особые качества инноваций «харизматического» характера. Эти качества крайне актуальны для нашей темы. Прежде всего, Вебер считает, что такие инновации имеют не историческую природу – они «не осуществляются обычными общественными и историческими путями и отличаются от вспышек и изменений, которые имеют место в устоявшемся обществе». Московичи проводит такую аналогию: «Харизма подобна своего рода высокой энергии, materia prima, которая высвобождается в кризисные и напряженные моменты, ломая привычки, стряхивая инерцию и производя на свет чрезвычайное новшество».

Более того, Вебер считает, что харизматические вспышки и изменения в обществе мотивируются не экономическими интересами, а ценностями: «Харизма – это „власть антиэкономического типа“, отказывающаяся от всякого компромисса с повседневной необходимостью и ее выгодами».

Московичи делает вывод: эволюция – это в меньшей степени проявление того, что существовало ранее, а скорее непредсказуемое сотворение того, чего раньше не существовало.

Инновация – когнитивный бунт, проект изменения картины мира. Под его знамена становятся люди, ищущие правду и справедливость. Как выразился Вебер, харизматическая группа организована «на коммунистических началах». Он указал на важное обстоятельство: «Веру, которая давала ему магическую силу совершать чудеса, Иисус не находит ни в своем родном городе, ни в своей семье, ни у богатых и высокопоставленных людей страны, ни у книжников, ни у знатоков закона, а только у

бедняков и угнетенных, у мытарей, рыбаков и даже римских солдат. Именно здесь, этого нельзя забывать, находятся решающие элементы его мессианской силы».

Это – обобщенный вывод из истории больших инноваций в сознании и практике людей. Поэтому свои заметки о русской революции Вебер завершает взволнованным обращением к немцам: «Давление возрастающего богатства, связанного с привычкой мыслить „реально-политически“, препятствует немцам в том, чтобы симпатически воспринять бурно возбужденную и нервозную сущность русского радикализма. Однако, со своей стороны, мы не должны все-таки забывать, что самое непреходящее мы дали миру в эпоху, когда сами-то были малокровным, отчужденным от мира народом, и что „сытые“ народы не зацветают никаким будущим» [Давыдов Ю.Н. Вебер и Россия // СОЦИС, 1992, № 3].

Когда появляется харизматическая фигура (пророк, вождь, полководец и др.), вокруг нее быстро собирается небольшая группа людей, которые уже были обуреваемы томлением духа и страдали от лжи и несправедливости (как они ее понимали). Эти люди становятся учениками и сподвижниками своего пророка и вождя, они составляют ядро, которое служит матрицей, на которой формируется общность, реализующая инновацию уже как социальный проект. Цепной процесс превращение этого ядра в активную общность и есть состояние in statu nascendi.

[Мы не можем углубляться в концепцию харизмы – формализовать явление взаимодействия разума с иррациональным очень сложно, поэтому штудии Вебера еще не освоены в образовании – сами размышляем. Для нашей темы полезно такое замечание Московичи к рассуждениям Вебера: «Будучи властью экстраординарной, но случайной, чуждой традициям и разуму, харизма возникает во время чрезвычайной, в сущности переходной ситуации». То есть, харизматическая фигура появляется не только благодаря своим личным качествам, но и под давлением «сгустка» чрезвычайных обстоятельств].

В это время крушения и становления большую роль играют процессы в психике людей, связанных тесным общением. Возникает «цепная реакция» синхронизации общих чувств, слов и образов (заражение, эпидемия чувств).

[В средние века были подробно описаны возникавшие стихийно эпидемии массового чувства, доходившего до истерии. Так, в 1266 г. Италию охватила эпидемия самобичевания, по большой части Европы в 1370 г. распространилась «танцевальная» эпидемия, позже в Голландии – мания тюльпанов. Массовые эпидемии чувств наблюдались в годы установления власти фашизма в Германии, непохожие на то, что происходило в СССР при «культе личности». А во время перестройки в советском человеке «раскачивали» чувство справедливости, так что люди стали испытывать ненависть к номенклатуре за «льготы и привилегии» – и был сотворен Ельцин как краткосрочный кумир].

Эти процессы усиливаются в условиях кризиса, войны, аномальной ситуации, оказывающей сильное воздействие на чувства. Вебер писал: «Харизма обнаруживает эмоциональную нагруженность, напор страстей, достаточный для того, чтобы выйти из непосредственной реальности и вести иное существование».

Московичи приводит близкое к этому суждение Э. Дюркгейма, который пишет, не привлекая понятия харизмы: «Коллективная жизнь, когда она достигает определенной степени интенсивности, пробуждает религиозное мышление, именно потому, что она предопределяет состояние возбуждения, которое изменяет условия психической активности. Ментальные силы распаляются, страсти оживают, ощущения усиливаются; такое происходит только в подобные моменты. Человек сам себя не узнает; он чувствует себя преображенным и, тем самым, он преображает все вокруг себя… Когда эмоции обладают такой живостью, они могут даже быть горестными, но при этом не депрессивными; напротив, они вызывают состояние возбуждения, которое предполагает мобилизацию всех действующих сил и даже прилив сил извне. Все это нас сегодня удивляет. У нас почти нет живого и постоянного опыта веры. Но, тем не менее, остается справедливым то, что в результате двойного эффекта: повторения и группирования, церемонии вызывают у их участников единое для всех психическое состояние».

Все подобные суждения подтверждают, что крупные радикальные общественные движения возникают при неразрывной связи социального и психического, и энергия пускового двигателя этих движений – нравственные ценности. Большой двигатель социально-экономической формации начинает работать позже.

[В важной работе П.А. Сорокина «Причины войны и условия мира», опубликованной в 1944 г., он пишет: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения» (СОЦИС, 1993, № 12)].

Представляя главные блоки процесса харизматической инновации, Вебер дает вторую главную для нашей темы концепцию – институционализацию харизмы. Выше приведена краткая фраза об отношениях двух этапов инноваций: «Откровение и меч, выходя за рамки повседневности, вводили новые отношения. Однако, совершив свое предназначение, они попадали под власть повседневности». Это и есть институционализация или рутинизация харизмы.

Ссылаясь на модельные исторические описания, Вебер пишет: «Начинается процесс господства повседневности, т. е. традиционализма. И что, может быть, еще более важно – с организацией господства окружающие харизматического властителя люди также попадали во власть повседневности: его ученики, апостолы, последователи становятся священниками, вассалами, прежде всего – должностными лицами. Харизматическое сообщество, вначале чуждое хозяйственной деятельности и жившее раньше на коммунистических началах и существовавшее на дарения, подаяния, военную добычу, превратилось в слой

помощников господина, которым предоставлялся источник доходов в виде пользования землей, натуральных и денежных вознаграждений».

Московичи приводит близкое описание из другого источника Вебера: «Лишь in statu nascendi, и лишь пока харизматический сеньор правит подлинно экстраординарным способом, административное руководство может жить за счет подачек, добычи или случайных доходов вместе с этим сеньором, признаваемым благодаря вере и энтузиазму. Лишь небольшой слой учеников и сторонников-энтузиастов расположен долго и вдохновляясь исключительно „идеалом“ подчинять свою жизнь „призванию“. Масса же учеников и сторонников хочет еще положить призвание (и надолго) в основу своей материальной жизни, и она должна это делать, чтобы выжить».

Этой концепции аналогично разработанное в методологии науки Т. Куном представление научной революции, которая начинает становление новой парадигмы. Это – когнитивная инновация, по структуре очень близкая к харизматической инновации Вебера. Здесь также после первого этапа разработки парадигмы происходит институционализация сообщества ученых, принявших новую методологическую платформу, и начинается повседневность под названием нормальная наука.

Зафиксируем важные для нашей темы качества и состояния процесса крупной общественной инновации (революции или глубокой реформы):

– Инновации как зародыши новых общественных форм и институтов возникают, если в обществе сложились общности в состоянии становления – in statu nascendi. Они объединены аномальной интенсивностью эмоциональной нагруженности и напора страстей, сходной с духовностью новой религии.

– Общество переживает кризис и поставлено перед историческими выборами. «Все старое начинает раскачиваться, а все новое, еще неопределенное, заявляет о себе и становится возможным».

– Такие инновации имеют не историческую природу. Они порождают новый образ будущего и принципиально новые общественные формы, хотя часто их оправдывают преданием или пророчеством.

– Такие инновации мотивируются не экономическими интересами, а ценностями. Становление нового общества организовано «властью антиэкономического типа».

– Достижение критической массы надежных сторонников движения к новому образу будущего переводит процесс в этап институционализации новых структур и строительства стабильных и рациональных институтов, оставляя героическое время и аномальный напор страстей в предании.

В данный момент размышления и обсуждения в России сконцентрированы на процессах в нашем обществе и на постсоветском пространстве. Но все сильнее ощущение, что наша актуальная драма генетически связана с периодом модернизации XIX века и русской революцией, которая не закончена. Институционализация революционных инноваций советского периода была пресечена новой революционной инновацией – перестройкой. Ее вожди и идеологи называли ее революцией, а чуть позже уточнили: антисоветской революцией. Эта инновация привела к краху СССР, обширному хаосу, обеднению и аномии населения. Программа стабилизации после 2000 г. замедлила процессы деградации с помощью временных «шунтирующих институтов». Фундаментальный проект выхода из кризиса и образ будущего еще не найдены – требуется убедительная и консолидирующая модель реальности, но ее обсуждения были бы чреваты большими рисками.

В этой работе над проектом полезны наблюдения над инновациями большого числа революций, контрреволюций и программ институционализации харизмы подобных инноваций. Во всех этих потрясениях есть много общего, но во многом все они самобытны и уникальны – различны культуры и условия момента. Нынешнее кризисное состояние почти всей мировой системы побуждает к рефлексии и анализу огромного массива наблюдений и описаний этих процессов. Труды Вебера – хороший трамплин. Его схему теперь можно дополнить опытом советской революции (в этапах Ленина, Сталина и послевоенного этапа), антисоветской революции и краха СССР, а также опыта германского фашизма, революций в Китае и Индии, на Кубе и в Иране, «арабской весны» и ИГИЛ. Отдельные ниточки этого клубка станут фрагментами структуры этой программы.

Здесь предлагается рассмотреть добавление к исходной схеме Вебера перехода харизматической инновации к этапу институционализации. Он представлял этот этап так: «Сама харизма, вынужденная добиваться успеха, медленно проникает в институты, уже установленные законом и с помощью технических средств: в правосудие, армию, администрацию. Ее „магическая“ легитимность удваивается и находит свое продолжение в материальной силе, в которой нет ничего магического, и присваивает ее себе. Подобно тому, как вожди французской и русской революций овладели государственной машиной и военными средствами, чтобы вначале защищать свое дело, а затем превратить их в орудие завоеваний».

Но если детализировать движение процесса революций, можно разглядеть борьбу и взаимодействие нескольких харизматических инноваций разного калибра и в разных направлениях. Какой-то вектор по главным признакам представляется господствующим, вокруг его социального ядра складывается коалиция. Такова была Февральская революция 1917 г. в России: харизматические вожди – либералы, цвет русской интеллигенции, их с 1905 г. консультировал лично Макс Вебер. Более того, либералов поддержали марксисты-социалисты (меньшевики и эсеры), философы и ученые, иерархи церкви и Запад (Антанта).

Эта революция побеждает, монархия низложена, империя распущена, полиция ликвидирована и узники выходят из тюрем, народ ликует. Харизматический вождь (Керенский) вводит зачатки демократии. Начата институционализация (исходя из противоречивой доктрины непредрешенчества): уволены половина генералов, чиновники заменяются прогрессивными

образованными людьми, учреждаются новые институты (например, Советы), готовится конституция.

Почти очевидно, что институционализация февральской революции вышла из-под контроля Временного правительства и стала формой харизматической инновации большевиков. В результате большевики въехали в состояние in statu nascendi на спине либеральной революции, используя ее энергию и выступив против ее «грязной работы» по разрушению государственности. И западные, и российские марксисты даже не поняли, как это получилось (если бы поняли, не устраивали бы Гражданскую войну).

[Французский историк М. Ферро, ссылаясь на признания Керенского, отмечает это уничтожение российской государственности как одно из важнейших явлений февральской революции. Даже черносотенец Никольский признал, что большевики возрождали государственность, выступая «как орудие исторической неизбежности», причем «с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей».]

Московичи приводит цитату из описания Октябрьской революции западного автора Е. Фишера: «Хотя большевики имели за собой широкие массы рабочих и крестьян, социалистическая революция в России не была логической необходимостью, ее надо поставить в заслугу гению Ленина, природе его партии, громадной концентрации смелости, ума и воли. Это преобладающее значение субъективных факторов, в данном случае воли, когда она соединилась с высоким уровнем сознания, было решающим, привело к победе, к ее беспримерно широким последствиям. Закрепление этой победы казалось почти невозможным чудом, и когда далеко не самые глупые люди на Западе предсказывали падение власти, они опирались на убедительные аргументы».

Но дело не в глупости и не в высоком уровне сознания рабочих и крестьян, а в их ином сознании. Харизматические интеллектуалы Февраля и западные социал-демократы пытались следовать канону западных буржуазно-демократических революций, разработанному в учении Маркса, и новизна их инновации была лишь в том, что она происходила в иных месте, культуре и моменте. Но мыслили они в рамках модерна XIX века, в парадигме науки бытия (механистический детерминизм). А Ленин, проникнувший в смысл кризиса модели мироздания Ньютона, мыслил в логике науки становления. И главная идея его инновации – синтез общинного крестьянского коммунизма (выражение Вебера) с мироощущением Просвещения. На политическом языке это он назвал «союз рабочих и крестьян» – ересь для марксизма.

В послевоенный период советское обществоведение, вернувшееся в лоно истмата, отошло от методологии науки становления. Система образования даже не могла объяснить, в чем же была инновация Ленина. Т. Шанин писал в своей книге 1986 г.: «Стыдливость, которую испытывают сегодняшние коммунисты из-за непоследовательности Ленина, оставляет в стороне его наиболее ценное качество как лидера – таланта думать по-новому, мужество менять и способность убеждать или подталкивать сторонников всеми доступными способами» [Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907÷1917–1922. М.: Весь мир. 1997. С. 256].

Заметим, что накануне Февраля в партии большевиков было около 10 тыс. человек, на порядок меньше, чем меньшевиков и эсеров [Донде пишет о представлении русской революции в литературе: «Все ее исследователи не без удивления или злорадства отмечают, что самая „сознательная“ революционная сила в России, т. е. „партия Ленина“, оба раза прозевала начало революции – и в 1905, и в 1917 г.»].

А в феврале, выйдя из подполья, 125 организаций большевиков насчитывали 24 тыс. членов – в Петрограде 2 тыс., в Москве 600. В июле в партии были уже 240 тыс., к октябрю 350 тыс. – большевики стали самой большой партией в России. А ведь не было ни прессы, ни телевидения. Апрельские тезисы – вот, действительно, харизматическая инновация. Надо к тому же учесть, что за 3–4 месяца в партию вступили 90 % членов, которые не могли заняться политучебой и читать Ленина и тем более Маркса. Они только могли приложить профиль своих самых главных чаяний и зол к главным же элементам образа будущего всех политических партий, и определились.

Можно сказать, что инновация либералов и меньшевиков, напротив, была методологически неадекватна состоянию и России, и Запада, поэтому начатая ими институционализация привела их к краху. Эта история позволяет предположить, что институционализация харизмы – не только следующий за инновацией этап, на котором фиксируются достижения и восстанавливается повседневность. Выход из «страстного состояния», как, например, демобилизация после войны или либерализация «казарменного социализма», – это сложный процесс становления нового общества на осколках прежнего после взрыва харизмы. В хаосе революции люди должны быстро выбрать вектор движения к желаемому или хоть приемлемому порядку.

Этот процесс вовсе не задан первым этапом, который привел к перекрестку, где произошла катастрофа. Харизматическая власть должна найти верный путь, на котором надо срочно строить чрезвычайные институты и фундамент для структур жизнеустройства. На этом этапе требуются не менее харизматические инновации, но другого типа. Например, после 1917 г. проблема выхода из революции (ее обуздания) была гораздо сложнее, чем начать революцию. Как сказал Донде, «без харизматического лидера революция никогда бы не кончилась». Однако уже с первых моментов Советской власти требовалась не только харизма, но и институционализация харизмы, становление институтов на основе череды новых инноваций, о которых и не думали до Октября (ни функции и структуры ВЧК, ни военный коммунизм, ни национализация промышленности, ни НЭП).

Но ведь и после победы харизматической Реформации в Европе, на этапе институционализации в процессе становления капитализма, была необходима целая система фундаментальных инноваций (например, Научная революция, создание институтов на основе новой модели антропологии и системы новых ценностей, новая массовая школа и т. д.).

К. Поланьи, описывая в книге «Великая трансформация Запада» процесс становления капитализма в Западной Европе, отмечал, что речь шла о «всенародной стройке». Он писал: «Вера в стихийный прогресс овладела сознанием масс, а самые „просвещенные" с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма» [см. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002].

Но это никак нельзя назвать «рутинизацией» харизмы. Профессор Калифорнийского университета М. Буравой пишет: «Если Англия реагировала на рынок активностью общества и регулятивными действиями государства, в России общество полностью отступило перед рынком к примитивным формам экономики… У Поланьи государство Англии представляет „коллективные интересы", добиваясь баланса рынка и общества. В России государство похитила финансово-природно-ресурсно-медийная олигархия» [Буравой М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // СОЦИС, 2009, № 9].

Это был длительный период становления нового общества, и Вебер приводит много иллюстраций. Например, в 1729 г. среди студентов Оксфордского университета, возглавляемых Джоном Уэсли, возникло одно из направлений в протестантизме, отпочковавшееся от англиканской церкви – методизм. Своей целью они считали последовательное (методическое) соблюдение предписаний христианской религии. Со своей проповедью они «шли в народ», создавали религиозные миссии в рабочих районах, выступали в тюрьмах.

Здесь стоит обратить внимание на слишком жесткое утверждение Вебера, что харизматические инновации имеют не историческую природу, а традиция служит в период институционализации, чтобы восстановить ценность повседневности. Выходит, что традиция и инновация несовместимы, и после «взрыва» инновации традиция как будто берет эстафету от угасающей инновации. Можно предположить, что Вебер имел в виду харизматические инновации уже именно присущие модерну, который долго отвергал традиции как мракобесие.

Московичи приводит подтверждающее суждение Маркса: «Маркс отмечал не без досады, что революционные меньшинства причисляют себя к традиции даже в те моменты, когда они кощунственно заносят руку над любой традицией: „И именно, – пишет он, – в те эпохи революционного кризиса они (люди) боязливо призывают на помощь духов прошлого, чтобы позаимствовать их имена, их девизы, их одежды, чтобы разыграть новую сцену из истории в этом респектабельном маскарадном костюме и на заимствованном языке. Так Лютер надел маску апостола Павла, так Революция с 1789 года до 1814 рядилась сначала в одежды Римской республики, а затем Римской империи, а Революция 1848 года не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционную традицию с 1793 по 1795 год".

В воссоздание образов прошлого, это очевидно, включается некоторая степень инсценировки и парада… Отсюда черпается психическая энергия, соответствующая той исключительной задаче, которая выполняется. Маркс признает это, оставляя иронический тон, чтобы добавить:

„Воскрешение мертвых в этих революциях, следовательно, служит возвеличиванию новой борьбы, а не пародированию старой; подчеркиванию выполняемой роли задачи в воображении, а не избегания решения в действительности; обретению духа революции, а не возврату ее призрака"».

Однако волна революций в «незападных» культурах, т. е. культурах, совмещающих модерн и традиционализм, традиция играла в становлении харизматической инновации вовсе не роль инсценировки или возвеличивания новой борьбы. Здесь традиция один из ключевых субстратов тела инновации. Можно рассмотреть два очень разных случая. «Революция Мэйдзи» – модернизация Японии, начатая в 1868 году. В инновации были использованы формы договоров общин XI века. Показательно, что японские авторы чаще называют эту программу «Реставрацией Мэйдзи».

Другой случай – революция в Иране (1979), которая восстановила традицию раннего ислама. Учредив теократическую республику, харизматические лидеры не отделили религиозные институты от государства, а поставили его под контроль духовенства. Эта революция возродила религию, и ее считают революцией постмодерна. При этом инновация стала не смягчать, а обострила противоречия между традицией и модерном. Это сильно расширила модель Вебера.

Во многих культурах, в частности в Японии и СССР, традиционные нормы крестьянских общин в ходе индустриализации были перенесены на промышленные предприятия, где сыграли даже большую роль, чем в современном селе.

Что касается русской революции, Н. Бердяев писал: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать. Он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма».

И главной для русской революции традицией была поземельная община, которая существовала тысячу лет.

[Сам Вебер писал об историческом фоне революционного процесса в России: «Власть в течение столетий и в последнее время делала все возможное, чтобы еще больше укрепить коммунистические настроения. Представление, что земельная собственность подлежит суверенному распоряжению государственной власти,… было глубоко укоренено исторически еще в московском государстве, точно так же как и община» (см. Донде А. Комментарий Макса Вебера к русской революции // Русский исторический журнал. 1998, № 1)]

Соответственно, и Советы, ключевой результат революционной инновации, вырастали из крестьянских представлений об

идеальной власти. А.В. Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

А исследователь крестьянства Т. Шанин пишет, что рабочие в массе своей не знали о теоретических спорах среди социал-демократов, «но каждый рабочий знал, что есть волостной сход – собрание деревенских представителей исключительно одного класса (государственные чиновники и другие „чужаки" обычно там не присутствовали), где выборные представители сел обсуждают вопросы, представляющие общий интерес. Причина того, почему общегородская организация представителей, избранных рабочими основных предприятий, была учреждена так легко и как бы сама собой, была напрямую связана с формами, уже известными и общепринятыми».

Структура инновации советской революции содержала гибрид модерна (индустриализма) с общинной традицией аграрной цивилизации. Другой синтез почти на целый век закрыл раскол в интеллигенции, которая разошлась в выборе цивилизационных путей России. Ю.В. Ключников, редактор журнала «Смена вех» (в прошлом профессор права Московского университета, а во время Гражданской войны министр иностранных дел у Колчака), объяснял в эмиграции (1921), что большевики – «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества». Это харизматическая инновация, идея которой «подсказана» историческим опытом. Вероятно, все программы модернизации в незападных странах имеют подобную компоненту.

Синтез традиционно конфликтующих мировоззренческих структур сознания больших общностей был харизматической идеей, преодолением важных догм марксизма. Представляя эти идеи обществу России, Ленин почти буквально сказал: «Вы слышали, что сказано… а Я говорю вам…». Это было откровение, недаром Апрельские тезисы отвергли книжники-марксисты (например, Плеханов) и поначалу даже верхушка большевиков, – зато поддержали первичные организации.

Добавления и замечания к концепции Вебера не снижают ее общей ценности для обществоведения, особенно кризисного. Базовая структура этой концепции дает сильный импульс для создания реалистичного и правдоподобного образа конкретного кризиса. Конкретный кризис, который является предметом этого текста, можно сформулировать следующим образом.

Крах СССР и трансформация общественного строя при власти антисоветского меньшинства не могли кардинально изменить систему ценностей населения, воспитанного в советское время. Советское большинство не могло защитить свои ценности и права – велика была инерция традиционной культуры, общество не было организовано в ассоциации для политической «войны всех против всех», государственная машина (включая средства подавления и телевидение) стала служить господствующему меньшинству.

Большинство приняло ликвидацию СССР как тяжелую утрату, 75 % определили приватизацию промышленности как грабительскую, то есть, произошло осознание приватизации как зла. Бывшие члены КПСС после запрета этой партии в массе своей не стали антикоммунистами и были глубоко оскорблены действиями власти и верхушки партийной номенклатуры. Оскорблено было в массе своей все население – издевательством с референдумами и провокациями, воровством и безумным гламуром меньшинства, непрерывным враньем и глумлением телевидения и пр.

А.С. Панарин, говоря о катастрофических изменениях в жизнеустройстве советского общества, подчеркивает сдвиг в культуре: «Но сказанного все же слишком мало для того, чтобы передать реальную атмосферу нашей общественной жизни. Она характеризуется чудовищной инверсией: все то, что должно было бы существовать нелегально, скрывать свои постыдные и преступные практики, все чаще демонстративно занимает сцену, обретает форму „господствующего дискурса" и господствующей моды». Это состояние подтверждено множеством исследований.

С другой стороны, власть разрешила создать новые левые организации, в том числе несколько коммунистических партий, возобновить их печатные СМИ, а позже и радио и телевидение (в небольшом размере). Левые партии регулярно получают значительное число мест в Государственной Думы, и они имеют доступ к трибуне. Однако они ни порознь, ни в союзном блоке не стали оппозицией. В чем дело?

Сразу отметим важный факт: примерно за двадцать лет до кризиса КПСС начался дрейф ведущих (и славных!) коммунистических партий Запада. Они сдвинулись к еврокоммунизму, который становился все более антисоветским. На данный момент французская, итальянская и испанская компартии практически сошли с общественной арены. У трудящихся этих стран достаточно причин для недовольства, и даже протестная деятельность не угасает – а культура левого движения как будто исчезла. Те, кто сохранили ностальгию по этой культуре, организовались в сообщества, как любители музыки или филателисты. Можно предположить, что этот спад у российского, и у западного левого движения имеет некоторые общие причины. Но будем говорить о версии этого спада в России.

Проект большевиков в терминах Вебера был большой харизматической инновацией. Он активировал чаяния большинства населения России – из всех сословий (конечно, в разных пропорциях). Реализация этой инновации (советской революции) развивалась в масштабе и в интенсивности. Пиком ее успеха были Великая Отечественная война и небывало эффективное послевоенное восстановление. Около 35 лет после революции общество переживало духовный и культурный взлет.

Когда в 1950-е годы начался период стабильного развития и население спокойно смотрело в будущее, реальные успехи первого этапа, особенно Победа, для первых послевоенных поколений уже были преданием, системой символов. А для старших поколений они были «живыми» результатами институционализацией харизмы. В сознании старших поколений давался с трудом

совмещение героической и трагической реальности с институтами официальной рутинной риторики и противоречивой идеологии. А XX съезд КПСС повредил несущую опору государства – смысл прошлого. Любой культ – сокровенная часть духовного мира. Когда эту часть вырывают грубо, как это сделал Хрущев, в ответ получают цинизм и глухую, даже неосознанную ненависть.

XX съезд произвел покушение на «убийство харизмы» (этих операций Вебер не предвидел). Мало того, что тогда были собраны, идейно вооружены и легитимированы все «дезертиры» и «диссиденты», которые стали внутренними врагами СССР. Это «разоблачение» оттолкнуло союзников СССР – Китай на Востоке, левую интеллигенцию на Западе. В 1960-е годы старшие поколения «переварили» эту травму, но возрастной состав изменился, на пенсию ушла большая часть ветеранов. После XX съезда старики замолчали, а вышедшее на сцену послевоенное и уже в большинстве городское поколение отличалось вольнодумством, и коммуникации между поколениями ухудшились. Требовалось принципиальное обновление языка и логики системы легитимации, но этого не произошло, для этого должна была созреть инновация, пусть не харизматическая, но творческая. Обществоведение было не на высоте.

Так, от Хрущева до Горбачева (в первые три года перестройки) в социальной и политической системах происходила институционализация харизмы, которая постепенно превращалась в занудливую рутинизацию, уже без искры инновации. Перестройка была второй попыткой «убийства харизмы», «убийства» образа русской революции и советского строя.

«Архитектор перестройки» А.Н. Яковлев писал: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды „идей“ позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о „гениальности“ позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому „плану строительства социализма“ через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и „нравственным социализмом“ – по революционаризму вообще».

Такова инновация идеолога антисоветской революции. [Донде отмечает, как закономерность: «Среди антикоммунистов всегда главную роль играли ренегаты-перебежчики или вчерашние холуи-коллаборанты, старающиеся уверить самих себя и всех, что всегда были против „плохой“ власти, и жаждущие психологического расчета со своим позором или вчерашними хозяевами»]

Но и в целом крупные инновации общности интеллектуалов этой революции оказались регрессивными во всех сферах – в политической, социальной и культурной. Более того, эти инновации снова загнали страну, государство и население в историческую (экзистенциальную) ловушку, подобную той, о которой говорил Вебер в начале русской революции.

Можно принять допущение, что в ходе реформ малая, но важная часть харизмы советского проекта и СССР сохранилась в массовой памяти в неповрежденной форме, а большая ее часть ушла в «катакомбы» подсознания, без явной связи с понятиями советской идеологии.

Вот данные большого исследования осени 2009 г. (В.Э. Бойков): «В иерархии ценностных ориентаций ключевое значение имеет „социальная справедливость“. Для большинства опрошенных она по-прежнему означает преимущественно социальное равенство… Оценки социальной справедливости с точки зрения морали предстают как осознание людьми общественно необходимого типа отношений. Как показывают данные исследований, распределение мнений о сути социальной справедливости и о несправедливом характере общественных отношений одинаково и в младших, и в старших возрастных группах… Именно несоответствие социальной реальности ментальному представлению большинства о социальной справедливости в наибольшей мере отчуждает население от политического класса, представителей бизнеса и государственной власти».

А.С. Панарин пишет (2006): «Сегодня не может быть сомнений в том, что большинство людей, некогда составлявших советский народ, ни за что не отдало бы свою страну в обмен на тот строй и тот социальный статус, которые они в результате получили».

Если так, то логичен вопрос: почему лево-патриотические организации до сих пор не могут стать оппозицией, обладающей своим убедительным дискурсом, внятной стратегией и ресурсами символов, и авторитетом, которого ожидали с начала 1990-х гг.? Почему лево-патриотические организации до сих пор не могут стать оппозицией, обладающей своим убедительным дискурсом, внятной стратегией и ресурсами символов, и авторитетом, которого ожидали с начала 1990-х гг.?

Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос дать еще трудно, надо систематизировать много фактов и версий. Рассмотрение материала через призму подхода, предложенного Вебером, выявляет два сгустка факторов:

– Снижение, шаг за шагом, политического потенциала символического наследия харизматической инновации (становления нового общества).

– Глубокие изменения в образе жизни, структуре общества и в культуре. Переход от механической солидарности к органической.

[Московичи кратко определяет этот тип солидарности так: «Органическая солидарность мысленно связывается с профессиональным обществом, где каждый человек занят четко определенным ремеслом и использует свои способности согласно правилам, действующим в узко специализированной отрасли».

Так в организме отдельные ткани и органы очень различаются между собой, но все они выполняют свои функции, гармонично взаимодействуя с другими тканями и органами].

На оба этих процесса общественная мысль и советское обществоведение не отреагировали. В картине мира советской культуры сохранилась присущая традиционным обществам иллюзия стабильности системы ценностей и установок людей, а значит, и иллюзия стабильности общественного строя. Эту ошибку сделала монархическая власть Российской империи, но советское обществоведение урока из этой ошибки не извлекло и продолжало поддерживать веру в магическую силу харизмы Октябрьской революции и Победы.

Если верить откровениям А.Н. Яковлева и других идеологов перестройки, уже с 1960-х гг. влиятельная часть интеллектуальной бригады власти стала дрейфовать к антисоветскому берегу и, контролируя дискурс, она дезинформировала и общество, и власть. Даже в 1970-80-е гг., когда уже были очевидны признаки мировоззренческого кризиса, идеологическая верхушка не ставила задач исследовать состояние массового сознания, оценить угрозы легитимности советскому строю и проектировать программы его культурной гегемонии. Уверенность в магической силе символического наследия героического прошлого была грубой методологической ошибкой. Эту ложную уверенность через СМИ внушили и всему населению, большинство которого было лояльно к СССР.

При таком состоянии общества антисоветский проект был реализован поразительно легко – и весь советский народ, и 18 млн. членов КПСС до конца не ощущали надвигающей катастрофы и не желали верить, что все произойдет так, как пророчили скептики. Общество, народ и государство были недееспособны – под тонкой пленкой выхолощенной идеологии было массовое сознание, в котором были отключены навыки рациональности, рефлексии и расчетливости.

Вот подавленное сознание. В опросах 1989 г. рабочие отрицательно относились к смене общественного строя и перехода к капитализму. В этом они резко отличались от инженеров («специалистов»). Безработица отвергалась рабочими как нечто абсурдное, ВЦИОМ даже не задавал о ней вопросов. А вот данные опроса в апреле-мае 1991 г. на трех больших заводах: 29 % рабочих пожелали идти «по пути развитых капиталистических стран Запада». За государственную и кооперативную собственность на средства производства – 3 % рабочих. Теперь 54 % рабочих согласились, что «небольшая» безработица полезна и необходима, и только треть заявили, что они категорически против безработицы в СССР, т. к. безработица вредна и бесчеловечна. «Специалисты», как и раньше, были за безработицу (96 %). Выступая за переход к капитализму и зная, что это приведет к безработице, рабочие не строили иллюзий относительно своей личной судьбы. Лишь 25 % рабочих были «оптимистами» и надеялись попасть в «средний класс». 28 % «сомневались», а 49 % были «пессимистами» – предвидели, что обнищают.

Из этого эпизода (а подобных было множество) можно было сделать такой вывод: заветы поколений, которые совершили социалистическую революцию и строили СССР, стали преданием, которое уже не функционирует как система постулатов для принятия актуальных решений. Эти заветы были запечатлены в мироощущении 3–4 поколений, которые пережили беды и победы первой половины жизненного цикла СССР и обладали общим неявным знанием инноваций первого этапа. Формализовать это знание и передать его следующим поколениям не удалось (не будем углубляться в причины). Если бы церковь несколько веков не создавала и оттачивала священные тексты своей религии, то заветы пророков и святых тоже были бы забыты или не были бы поняты.

Мало того, идеологическая «церковь» КПСС в ходе выхода из «мобилизационного социализма» сорвалась в профанацию харизмы СССР. Революция, Гражданская война, трагедии коллективизации и репрессий, форсированные программы и ВОВ – все это реально было религиозной войной (можно назвать ее «гибридной»). Достаточно прочитать тексты Андрея Платонова (хотя бы «Чевенгур» или «Котлован»). Коммунистическое учение в России было в огромной степени верой, особой религией.

[М.М. Пришвин записал в своем дневнике 7 января 1919 г.: «Социализм революционный есть момент жизни религиозной народной души: он есть прежде всего бунт масс против обмана церкви, действует на словах во имя земного, материального, бессознательно во имя нового бога, которого не смеет назвать и не хочет, чтобы не смешать его имя с именем старого Бога»]

Исследователь русского космизма С.Г. Семенова пишет: «Никогда, пожалуй, в истории литературы не было такого широчайшего, поистине низового поэтического движения, объединенного общими темами, устремлениями, интонациями… Революция в стихах и статьях пролетарских (и не только пролетарских) поэтов… воспринималась не просто как обычная социальная революция, а как грандиозный катаклизм, начало „онтологического“ переворота, призванного пересоздать не только общество, но и жизнь человека в его натурально-природной основе. Убежденность в том, что Октябрьский переворот – катастрофический прерыв старого мира, выход „в новое небо и новую землю“, было всеобщим» [Семенова С.Г. Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» в литературе. М., 1989].

Но это общее явление в больших революциях, крайний случай – Реформация. Московичи приводит суждение историка Э. Хобсбаума: «Короткий двадцатый век был временем религиозных войн, даже если наиболее воинствующие и наиболее возалкавшие крови среди этих религий были светскими идеологиями, уже собравшими урожай в девятнадцатом столетии, такими, как социализм и национализм, имеющими в качестве богов либо отвлеченные понятия, либо политических деятелей, которым поклонялись как божествам. Вероятно, что те среди этих культов, что достигли предела, уже начали клониться к закату после конца холодной войны, включая политические разновидности культа личности, которые, как и вселенские церкви, сократились до разрозненных соперничающих сект».

Советские люди, на фронте и в тылу прошедшие через такие испытания, которые требовали духовного усилия действительно

религиозного типа, услышали от Хрущева, что теперь смысл их деятельности – «догнать Америку по мясу и молоку». Это оскорбило даже студентов, переживших войну детьми. Эта профанация харизмы, видимо, была произведена по непониманию, но это и было признаком деградации символического наследия СССР. Генсек не понимал, что делал, а Политбюро и члены ЦК КПСС промолчали. Идеологическая риторика, отставшая от общества, стала превращать символы в посмешища. «Религиозное» чувство люди спрятали, очень у многих отношение к устоям СССР ушло в «катакомбы».

После 1991 г. антисоветская власть сделала профанацию советской харизмы перманентной программой. Праздники – важный ритуал для воспроизводства предания, и все главные советские праздники отменили или исказили их смысл до уродства. С телевидения и радио были устранены спектакли и литература, целый пласт культуры. Исчезли Маяковский, Горький и даже Блок, а также почти все стихи, песни и романсы Серебряного века, революционная лирика. Запретили бы и марсельезу, но, наверное, Буш прикрикнул.

Скорее всего, эта «шоковая терапия» в символической сфере была неразумна и создала власти лишние проблемы – такая тупая политика вызвала презрение. Идеологический дискурс периода Брежнева нанес больше вреда преданию о революции. Это видно из того, что поток страшных мифов об СССР, который хлынул в 1990-е годы из-под пера «ренегатов и перебежчиков», не заинтересовал молодежь. Это для нее было уже неактуально, только стариков озлобил и поразил низким качеством этих мифов.

Наследие русского коммунизма стало историей, а новые поколения номенклатуры стали паразитировать на ней и подтачивать ее. В результате уже молодежь времен перестройки показала поразительное невежество в представлениях о революции и строительства СССР. Это не вина молодежи, но такая степень невежества и магического сознания стала национальной угрозой. С таким сознанием нельзя ни вылезти из этой глобальной ловушки, ни выдержать серьезную войну.

Для нашей темы можно сделать вывод, что после 1950-х гг. рутинизация харизмы первого этапа к 1980 г. практически выхолостила предание и лишила его эффективности как инструмента социализации молодежи и как импульса исследований актуального общества и государства. Харизма окаменела.

[Мы говорим о рутинизации харизмы СССР в гуманитарной сфере, по части «томления духа». Институционализация проекта в сфере безопасности, экономического развития, научно-технических программ продвигалась успешно, т. к. конкретные инновации подпитывали тонус творчества].

Тем не менее, почти все возникающие лево-патриотические организации, которые стараются стать дееспособной оппозицией существующего режима в реальных общественных и международных условиях, формируют свой имидж и дискурс, связанные с харизмой первого этапа советского строя. Эти организации представляют себя наследниками СССР и продолжателями его проекта.

В этом они становятся зеркальным отражением антисоветской «элиты». Обе эти общности создают неубедительные картины для реального нынешнего общества и не выводят из своих картинах моделей для конструктивного проекта. К тому же левые организации не имеют интеллектуальных ресурсов и времени, чтобы создать рациональную и внятную библиотеку исторических трудов об СССР. Это гораздо труднее, чем завалить читателей черными мифами. Да и вся система обществоведения переживает глубокий кризис.

В таком положении требуется харизматическая инновация, исходящая не из исторических окаменелостях, а из хаоса, который породила антисоветская революция. Она оказалась неспособной создать приемлемое жизнеустройство в России. Чтобы возник шанс на новую инновацию, должна возникнуть харизматическая группа, организованная «на коммунистических началах», как выразился Вебер.

И еще замечания Вебера: такие инновации имеют не историческую природу – они «не осуществляются обычными общественными и историческими путями». Значит, попытки повторить по шаблону прошлые инновации – бесполезны. И еще: харизматические инновации мотивируются не экономическими интересами, а ценностями.

И еще важное обстоятельство: в наших конкретных исторических условиях бесполезно опираться на окаменелую харизму не только потому, что она стала туманным преданием, а и потому, что демобилизация нашего «казарменного социализма» (1950-е гг.) была почти разрывом непрерывности. Послевоенные поколения и изменения в структуре и образе жизни общества были так глубоки и быстры, что в советском обществоведении требовалась смены парадигмы. Это не произошло и поныне. А значит, любая группа, имеющая хоть наметки проекта, должна этим заняться.

Выше говорилось, что в период «сталинизма» советское общество было консолидировано механической солидарностью. Все были трудящимися, выполнявшими великий проект. Это общество было похоже на религиозное братство. Московичи пишет: «Механическая солидарность отсылает к представлению о конфессиональном обществе. Таким был бы случай очень простых и архаических обществ, скрепляемых религией, члены которого в то же самое время являются верующими. А также церковь, секта, даже партия, одушевленные единой верой. Все они имеют одно кредо, объединяются вокруг единодушно признаваемых и подкрепляемых периодическим церемониалом символов».

После войны в СССР началась быстрая урбанизация. В 1950 г. в городах жили 71 млн человек, а в 1990 г. – 190 млн. В отличие от Запада, в СССР возникли очень много новых городов: в 1990 г. 40,3 % всех городов СССР были созданы после 1945 г. (и 69,3 % – созданные после 1917 г.). Новые города населялись молодежью послевоенного поколения. Общество быстро менялось: и демографически, и в своей социальной структуре, и по образу жизни. В 1950 г. в СССР было 15 тыс. средних

общеобразовательных школ, а в 1990 г. – 70 тыс.

Резко увеличилась мобильность населения: за тот же период пассажирооборот общественного транспорта вырос в 12 раз. Тираж журналов вырос в 31 раз и т. д. В составе работников быстро росла доля специалистов с высшим образованием: в 1929 г. высшее законченное образование имели 0,23 млн человек, в 1940 г. – 0,9, в 1950 г. – 1,4, в 1960 г. – 3,55, в 1970 г. – 6,9, в 1980 г. – 12,1, а в 1989 г. – 20,2 млн человек (14,5 %).

Быстро изменялась структура занятости в народном хозяйстве. В 1928 г. в промышленности и строительстве работали 8 %, а в сельском и лесном хозяйстве 80 %. В 1970 г. соотношение было 38 % и 25 %. В отраслях материального производства в 1940 г. работали 88,3 %, а в 1970 г. 77,2 %. В те же годы, соответственно, в непроизводственных отраслях 11,7 % и 22,8 %. Но главное, от традиционных профессий очень быстро стали отпочковываться новые специальности – во всех отраслях.

Это наглядно видно на примере научной системе. В 1950 г. в СССР было 162 тыс. научных работников, а в 1975 г. 1223 тыс. – было необходимо иметь хоть небольшую группу специалистов на всех ключевых точках фронта мировой науки. Каждая эта группа становилась специфическим сообществом – со своим профессиональным языком, теориями и методами, с информационной системой и школой. Это сообщество формировалось как сгусток субкультуры. Но это происходило во всей деятельности общества. Например, такие программы, как атомная и космическая, требовали участия профессиональных сообществ из практически всех отраслей и сфер общества, в том числе уникальных мастеров. Это – неизбежный сдвиг, вызванный новым этапом развития СССР. Но этот сдвиг совместился во времени с другими принципиальными изменениями.

Думаю, тогда почти все чувствовали, что с середины 1950-х годов начался новый период жизненного цикла СССР. В момент смерти Сталина это прочувствовали даже школьники 7 класса. Учителя приходили заплаканные, и мы понимали – это вовсе не из-за культа личности. Все покатилось по другой дороге, и тревогу вызывала неопределенность. А уже в 8 классе произошел необъяснимый раскол – выделилась группа стиляг, и всем пришлось об этом думать. Возникла консолидированная общность, которая отщепилась от нашей массы. Это был тревожный сигнал, трещина в нашем «теплом обществе лицом к лицу» (так западные социологи называли наше общество).

До этого все были «одинаковыми» по главным установкам. Например, подавляющее большинство было схоже системами материальных потребностей, и диапазон различий был относительно узким. «Вещизм» был предосудительным, так что в 1982 г. в дебатах на Западе о природе советского общества предложили назвать его «диктатурой над потребностями». Это было красноречивым признаком механической солидарности.

После 1950-х гг. стало отходить в прошлое единомыслие, и возникло много малых групп с разными инакомыслиями (политикой пока не увлекались). Связи механической солидарности не распались, но ослабли, многих стала тяготить «диктатура над потребностями» и само требование «единства». Тогда мало кто видел за этим симптом назревающего глубокого кризиса. Дюргейм писал: «Существуют нравы и обычаи, общие группе служащих одного и того же типа, которые никто из них не может нарушить, не навлекая на себя порицания этой корпорации».

Московичи, обсуждая это представление Дюргейма, высказывает такой тезис: «Обычаи и соответствие нормам, сближая членов группы, отдаляют ее от других групп и противопоставляют ее им. С того момента, как начинают усиливаться корпоративный дух и местный патриотизм, сейчас же появляется активная враждебность по отношению к другим общественным корпорациям или другим сферам деятельности. Не порождают ли отдельные моральные кодексы и групповые интересы в обществе скорее разлад и аномию, чем сплоченность?»

На Западе становление гражданского общества породило волны глубокой аномии, и это стало одной из ключевых задач и обществоведения, и политики. В СССР к такому кризису советского общества не были готовы ни государство, ни наука. Требовалось плавное формирование органической солидарности с гибридизацией или сосуществованием с механической солидарности, не допуская разрыва и вакуума в сфере солидарности. К несчастью, общественные и гуманитарные науки СССР с этой задачей не справились, да с ней и сегодня эти науки не справляются в России.

Для нашей темы главное в том, что взрывное возникновение множества групп с разными когнитивными структурами и ценностями создало для политической системы ситуацию реальной невозможности пересобрать новое население в общество и нацию – старая партийно-государственная машина не могла ни понять, ни предвидеть, ни выработать новые технологии. А молодое образованное поколение номенклатуры было уже могильщиком СССР (кто-то активно, большинство пассивно).

Дело было не в количестве, а в том, что любая общность в момент становления обладает особые качествами (активностью, творчеством, бунтарством и пр.). В конце XIX века в России интеллигенции было мало, но она стала «дрожжами» всей России. Как сказано выше, Московичи в своей книге в своей модели общества «на первый план выдвигает его динамические, а не статические, структурные, свойства». Для изучения этого процесса важна и концепция культурной травмы, и аллегории Вебера.

В СССР молодая послевоенная городская интеллигенция была иной общностью, нежели старая российская и первая советская интеллигенция. Война оказалась разрывом непрерывности. Это и произошло в СССР: и в социальных группах, и в культурных и этнических.

Социолог Дюркгейм изучал этот разрыв в типах солидарности, который привел на Западе к тяжелой социальной и культурной болезни – аномии (распад человеческих связей и массовое нарушение привычных нравственных и правовых норм). Московичи привел объяснение Дюркгейма об отличии органической солидарности от прежней (механической): «Этот социальный тип

основан на принципах, настолько отличных от предшествующих, что он может развертываться только в той мере, в какой эти последние отходят на второй план. В самом деле, люди группируются не в соответствии с отношениями родства, а по особенностям общественной деятельности, которой они себя посвящают. Их естественной и необходимой средой становится теперь не среда, в которой они родились, а профессиональное окружение. Теперь уже не кровное родство, действительное или вымышленное, определяет место каждого, а функция, которую он выполняет».

Можно предположить, что этот переход в СССР прошел менее болезненно, чем на Западе – там аномия привела к мировым войнам, глубоким кризисам и массовой преступности «среднего класса». Но сложные неизученные процессы и разрывы в советском обществе соединились в систему с кооперативными эффектами и породили порочные круги.

Во время инкубационного периода 1955–1985 гг. произошла дезинтеграция советского общества и появились уже крупные и влиятельные общности, которые вызрели и произвели перестройку. «Антисоветский марксизм» в среде шестидесятников и гуманитариев сыграл свою роль в 70-80-е годы – дал идеологию, «похожую на науку», дал многим группам язык и стиль. К тому же он блокировал развитие обществоведения, в котором возникали полезные очаги с методологией, близкой к научной.

Фундаментальным провалом политической системы СССР было то, что обществоведение, взявшее за методологическую основу исторический материализм, развивалось в парадигме натурфилософии, а не как познание, автономное от нравственных ценностей. Обществоведение выполняло идеологические и ритуальные функции, а практики следовали здравому смыслу и опыту, т. е., неявному знанию. После войны поколение практиков сошло со сцены, и следующее поколение было индоктринировано «идеологами». Самым сплоченным и авторитетным сообществом этих «идеологов» были те, кто с энтузиазмом приняли харизматическую инновацию Хрущева, его «оттепель».

В обзоре послевоенной истории обществоведения сказано: «Социологи-шестидесятники относились к своим работам как своего рода инструкциям, которыми власть должна воспользоваться, чтобы улучшить положение дел… Окончание „оттепели“ в мемуарах маркируется как крушение надежд… Начало „застоя“ в воспоминаниях, как правило, соотносится с изменением формата взаимодействия социологов и власти: теперь это не сотрудничество, а подрывная деятельность… Социологи, преодолевшие искушение сотрудничеством с обманувшей их надежды властью, теперь рассматривают социологическое исследование как „сопротивление системе, но с помощью научного знания“ [Шубкин, 2001]». [Димке Д.В. Классики без классики: социальные и культурные истоки стиля советской социологии // СОЦИС, 2012, № 6.]

В предисловии к материалам симпозиума «Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность» (1994) В.А. Ядов и Р. Гратхофф пишут: «Уникальность советской социологии заключается, прежде всего, в том, что, будучи включена в процесс воспроизводства базовых идеологических и политических ценностей советского общества, она стала важным фактором его реформирования и, в конечном счете, революционного преобразования».

Обществоведы-«шестидесятники» оказывали большое воздействие на интеллигенцию – через образование, СМИ и систему идеологической учебы. Через эти каналы большая часть интеллигенции сдвинулась к «недоброжелательному инакомыслию», а через личное общение с интеллигенцией эти настроения усвоили широкие массы трудящихся. При этом ни интеллигенция, ни другие общности и не думали разрушать СССР. Хотели как лучше! Наслаждались морализаторством, а меру и расчеты отбросили.

А.С. Донде пишет, как о важном «субъекте сознания», об «интеллигентских кухнях»: «[Он] представляет собой „устную антисоветскую традицию“ советского общества, сложившуюся с конца 50-х годов и сохранявшуюся на протяжении десятилетий в подпольном интеллектуальном салоне… Даже еще и сейчас устная традиция „салона“ мощнее, чем письменная традиция, представленная новой прессой, возникшей с началом гласности, а тем более академической письменной традицией, которую „салонная“ традиция в значительной мере интеллектуально коррумпировала».

Очевидно, что влиятельная часть гуманитарной интеллигенции, близкая к власти и имевшая поддержку Запада, заняла позицию конфронтации с большинством советского общества. Этот конфликт в 1970-е годы перерос во внутреннюю холодную войну (информационно-психологическую и готовящуюся экономическую). Большинство, в состоянии без проекта, без организации и под интенсивным идеологическим давлением, потерпело поражение.

А.С. Панарин писал (2006): «Только теперь, после наступления этого момента истины, все мы можем оценить, чем в действительности был для всех нас Советский Союз. Он был уникальной, не предусмотренной Западом для других народов перспективой самостоятельного прогресса и приобщения к стандартам развитости. Западная цивилизационная дихотомия: Запад и остальной мир, Запад и варварство, Запад и колониальная периферия – была впервые в истории нарушена для гигантского региона Евразии».

Это оптимистическое суждение. Все мы как раз не можем оценить, чем в действительности был для всех нас Советский Союз – «массовое сознание» (есть такая метафора) было хаотизировано перестройкой и реформой. У большинства «массы» населения сложилось синкретическое сознание (ризома). В социологию ввели (Ж.Т. Тощенко) термин «кентавризм» и «парадоксальный человек» – в сознании людей совмещаются несовместимые идеи и ценности. Но аналогия с кентавром сильно упрощает образ современного гражданина России. Если вообразить, что над Россией воюют фантомы сознания общностей россиян, то окажется, что идет не только «война всех против всех», но и части сознания каждого воина воюют друг с другом.

Социолог культуры Л.Г. Ионин пишет уже в 1995 г.: «Гибель советской моностилистической культуры привела к распаду формировавшегося десятилетиями образа мира, что не могло не повлечь за собой массовую дезориентацию, утрату

идентификаций на индивидуальном и групповом уровне, а также на уровне общества в целом…

Болезненнее всего гибель советской культуры должна была сказаться на наиболее активной части общества, ориентированной на успех в рамках сложившихся институтов, то есть на успех, сопровождающийся общественным признанием. Такого рода успешные биографии в любом обществе являют собой культурные образцы и служат средством культурной и социальной интеграции. И наоборот, разрушение таких биографий ведет к прогрессирующей дезинтеграции общества и массовой деидентификации.

Наименее страдают в этой ситуации либо индивиды с низким уровнем притязаний, либо авантюристы, не обладающие устойчивой долговременной мотивацией… Авантюрист как социальный тип – фигура, характерная и для России настоящего времени» [Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // СОЦИС, 1995, № 4].

Вот результаты общемосковского исследования 2003 г. На вопрос: «Каких политических взглядов Вы придерживаетесь?» получены следующие ответы: либерально-демократических – 14 %; социал-демократических – 14; коммунистических – 14; национально-патриотических – 9; 49 % затруднились ответить. Очевидно, что любое обращение с каким-то проектом развития сопряжено с трудностями, к которым неизвестно как подступиться.

Только возникновение оппозиции, способной построить, пусть грубо, реальную картину мира, в которой будут видны альтернативные пути к приемлемому жизнеустройству, даст импульс к диалогу с разными общностями – и так к осторожной интеграции общества.

Таким образом, общность граждан, причисляющих себя к лево-патриотической части общества, должна изобрести и построить свою собственную внутреннюю информационную систему и составить для себя повестку дня и обсудить ее. Это необходимо, чтобы выработать ключевые установки своей общности, свой профиль, кредо. Представив ядро этих установок, общность «получит лицо». Без этого никакая «масса людей» не станет субъектом политики, тем более оппозицией.

Ностальгия по утраченному прошлому и жалобы на власть и «либералов» не дают билета в политический цирк. Любая организованная общность имеет какую-то свою «картину мира», и в главном она должна отражать какой-то срез реальности. Если же в центре этой картины угнездились утопии, предания и жалобы, эта несчастная масса становится объектом хищников от политики.

Теперь, после вводных изложений, выскажу несколько суждений непосредственно об оппозиции.

Выше сказано, что после краха СССР не сложилась лево-патриотическая оппозиция как общественный и политический институт, хотя кадры учрежденных оппозиционных организаций, воспитанные в СССР, по инерции выполняют свою роль в ритуалах политического спектакля. Все это искренне и заслуживает уважения. Можно только упрекнуть власть, которая воспользовалась укорененным в советских людях стереотипом «государственника» и погрузила политическую систему в глубокий застой. Реликты соборности сделали публичную политику неадекватной социальной и культурной реальности. Сейчас, уже без СССР, необходимо создавать «современное» государство, а оно без оппозиции – инвалид. Известно, что вырастить оппозицию, это колючее растение, везде трудно, но надо. Недаром англичане хвастаются «оппозицией Ее Величества королевы».

Строго говоря, нашу власть упрекнуть нельзя, ее личный состав вышел из тех же академий и ведомств СССР. Но советов и рекомендаций власть не просит, а за нашу оппозицию мы отвечаем. Об оппозиции «справа» мы не говорим. Я считаю, что это – уродливое дитя «интеллигентных кухонь», прикромленное и КГБ, и службами США. Ничего хорошего от нее нет ни обществу, ни государству.

Поскольку я исхожу из предположения, что оппозиция, способная вести теоретическую борьбу, еще не сложилась, представить ее как коллективный субъект я не могу. Предлагаю для начала рассуждений плохой подход, но другого не нахожу: я называю не сложившиеся коллективы, а скажу о самом себе и кружке моих друзей (стихийных «оппозиционеров» 1990-х гг.). Я вспоминаю наше состояние, в котором мы постоянно обдумывали и обсуждали происходящее в СССР и позже. К данному моменту я осознал, какие темы я после 1987 г. должен был изучить, понять и сформулировать – но прошел мимо. За последние десять лет эти упущения становились видны и мне, и друзьям, но что мешало продвинуться, было трудно объяснить. Были разные причины, но, кажется, главную причину мы обходили. Я лично подозреваю, что нам не хватало духу. Всегда надо было выполнять какую-то явно нужную задачу, при этом казалось, что выполнить ее было по силам (насколько было материала) – этим и занимались. Но, думаю, не решались подступиться к главным проблемам потому, что, в действительности, страшно было взглянуть в пропасть. Ведь все мы сдали СССР – и кому!

Тяжело об этом было говорить, не хватало еще знания, да и многие несгибаемые товарищи заплевали бы нас как ренегатов – велик риск в рассуждениях и перегнуть палку в разные стороны, и отключить тормоза чувств в споре. Но теперь уже нельзя оттягивать. Начнем с формальных вещей.

– До сих пор мы успешно обманываем себя, замалчивая раннее предупреждение о созревавшей угрозе. Сталин сказал в 1937 г.: «Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным. Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с советской властью».

Мы, студенты 1 курса Химфака МГУ, это услышали после XX съезда. Преподаватель представил нам это утверждение Сталина абсурдом, даже посмеялся. Тогда мы с приятелями это не посчитали абсурдом, мрачно задумались, но не нашли понятных оснований для такого вывода Сталина. Смысл его был прикрыт марксистским классовым языком. Классовых врагов среди нас не было, а «танки наши быстры», внешнего врага не боялись. Да, были среди нас стиляги, на курсе были балбесы, которые распускали языки, одни называли КГБ гестапо, другие очень уважали Троцкого – но ведь это не классовая борьба, никто их и не трогал. Мы тогда не думали, что кроме классовых есть много других противоречий и конфликтов – образование в рамках истмата было узкое, а о других врагах в нем не было сказано.

Но в 1970-х гг. уже нельзя было не видеть, что возникли сообщества, явно ненавидевшие СССР (хотя и с надрывом), – и туда тянется много наших товарищей и друзей, которые не были потомками дворян или буржуев, даже наоборот, были среди них и дети большевиков. Да и позже – разве классовым врагом был Горбачев или трижды Герой социалистического труда академик Сахаров? Но мы не догадались расширить формулу Сталина и подумать об изменениях в обществе, которые быстро позволили людям разбрести по неведомым дорожкам. Мы не смогли тогда и выговорить, что не классовые враги, а нормальные советские люди поддержат активное меньшинство в подрыве основ СССР. У нас для этого не было слов и доводов. Да и сейчас трудно подобрать верные слова.

Это сейчас читаем П. Бурдье: «Социальный мир есть место борьбы за слова, которые обязаны своим весом – подчас своим насилием – факту, что слова в значительной мере делают вещи, и что изменить слова и, более обобщенно, представления… значит уже изменить вещи. Политика – это, в основном, дело слов».

Но теперь надо трезво признать, что не предательство Горбачева и Ельцина, не интриги Рейгана – главная причина крах СССР. Его пассивно оставило без защиты большинство населения СССР. Если это не сказать, люди, чувствующие, что они совершили ошибку, не будут и пытаться скорректировать сложившуюся ситуацию. Очень тяжело брать на себя ответственность за прошлое, как вину, а не ошибку. Это блокирует рефлексию, а значит и разговора не будет.

Но это действительно не вина наших людей, это наша национальная беда. Мы все были не на высоте – уповали на солидарность и не поняли, как изменялось общество. Можно сказать, мы уповали на харизму, которая уже не «работала».

Раз так, надо предложить мораторий на составление списков «кто виноват» и начать думать о том, как всем вылезти из нынешней исторической ловушке. Я думаю, общность согласных с этим договором будет большой, и в ней можно будет вести диалог. К тем, кто хочет «войны всех со всеми», надо искать подходы.

Думаю, что надо трезво признать, что СССР потерпел поражение в холодной войне с капитализмом, хотя просоветской части это будет горько слышать. Это не значит, что победители собираются построить в России капитализм, их цель – разрушить СССР и не позволить встать России под любым флагом.

Ничего не поделать, в нашей обороне было много слабых мест, но мы этого не понимали. Война есть война. Теперь надо изобрести формы поведения и восстановления в условиях побежденной страны, как было при монгольском иге. Более того, придется существовать рядом с общностями соотечественников, которые выполнили большую часть усилий по разрушению СССР. Есть и консолидированная агрессивная общность тех, кто берут с нас дань и глумятся, как «внутренние» победители.

Если с ними спорить и тратить силы на их обличения, то мы завязнем в трясине, которую они нам подсовывают. Очень многие из нас этим занимаются, это стало как наркозависимость. Лучше брать пример у большевиков и их союзников. Они не тратили времени и сил в перепалках. После подавления революции 1905 г. директор Невского завода так сказал пришедшей к нему на переговоры делегации рабочих, которых душили штрафами: «Господа, ведь вы же – марксисты и стоите на точке зрения классовой борьбы. Вы должны поэтому знать, что раньше сила была на вашей стороне, и вы нас жали, теперь сила в наших руках, и нам незачем церемониться». Ну что же, эти рабочие молча ушли и стали обдумывать пути к Октябрьской революции.

Огромный изъян наследия советской символической сферы состоит в том, что из нее тщательно вычистили результаты обдумывания и переживания наших поражений и ошибок. Этим занялся Хрущев – обвинительно и разрушительно, а затем диссиденты – постепенно подтачивая легитимность СССР. А ведь поражения и ошибки – незаменимый источник знания и зародыши важных инноваций. Даже от родных, которые строили СССР и воевали, в 1960-1970-е годы нам было трудно получить внятное объяснение логики ошибочного решения или причины провала в предвидении – старикам как будто когда-то давно было запрещено разглашать эту сторону истории. У стариков тогда было «неявное знание», и они быстро устраняли поломки и находили лучшие решения. Но старики ушли, а мы остались без знания.

Во время перестройки мы стали по крупицам собирать знание, а параллельно идеологии перестройки стали со злорадством вываливать на головы советских граждан мешки мусора «разоблачений», в котором зерна истины были завернуты несколькими слоями лжи. И получилось так, что большинство населения отшатнулось от изучения аварий и катастроф советской машины.

Именно просоветская оппозиция должна была бы начать программу «археологии знания СССР» – не апологии успехов (это налажено), а методологии анализа ошибок и «выхода из окружения» после разгрома. Это необходимо.

Политическое действие оппозиции – всегда бунт, прежде всего, бунт когнитивный, мировоззренческий. Действенный образ будущего – условие для сборки общности.

В разных вариантах многие философы и социологи утверждают, как постулат, что образы, с которыми обращается к аудитории оппозиции, должны соединять прошлое с будущим. Эти образы должны «изменять взгляд на прошлое в свете перспективы

будущего», потому что оппозиция ведет борьбу «за воображение будущего».

Образ будущего собирает людей в народ, обладающий волей. Это придает устойчивость обществу в его развитии. В то же время, образ будущего создает саму возможность движения (изменения), задавая ему вектор и цель. Оба условия необходимы для существования сложных систем, каковыми и являются общества и народы. Михельс (политическая философия) писал: «Мы можем рассматривать в качестве установленного исторического закона, что расы, законодательные системы, институты и социальные классы с неизбежностью обречены на разрушение с того момента, когда они или те, кто их представляет, утратили веру в будущее». Это значит, что доктрина образа будущего была ущербна (неадекватна чаяниям большинства), или организация не располагала ресурсами для диалога с населением.

Для создания для адекватного и эстетически привлекательного образа будущего необходим поток идей и образов особого типа – откровения (т. е., открытие будущего или апокалиптика). М. Вебер пишет: «Интересы (материальные и идеальные), а не идеи непосредственно определяют действия человека. Однако картины мира, которые создаются „идеями“, очень часто, словно стрелки, определяют пути, по которым динамика интересов движет действия дальше». Образ будущего задает народу «стрелу времени» и включает народ в историю. Он соединяет прошлое, настоящее и будущее, скрепляет цепь времен.

Бурдье пишет: «Еретический бунт пользуется возможностью изменить социальный мир, меняя представление об этом мире, которое вовлечено в [создание] его реальности. Вернее, он противопоставляет парадоксальное пред-видение, утопию, проект, программу обыденному видению, которое воспринимает социальный мир как естественный мир. Будучи перформативным высказыванием, политическое пред-видение есть само по себе действие, направленное на осуществление того, о чем оно сообщает. Оно практически вовлечено в [создание] реальности того, о чем оно возвещает, тем что сообщает о нем, пред-видит его и позволяет пред-видеть, делает его приемлемым, а главное, вероятным, тем самым создавая коллективные представления и волю, способные его произвести» [Бурдье П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос, 2003, № 4–5].

Пророчеству, собирающему людей (в народ, в партию, в класс или государство), всегда присущ хилиазм – идея тысячелетнего царства добра. Мобилизующая сила хилиазма колоссальна. Более ста лет умами владел хилиазм Маркса с его «прыжком из царства необходимости в царство свободы» после победы мессии-пролетариата. По словам С.Н. Булгакова, хилиазм «есть живой нерв истории, – историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилиастическим чувством… Практически хилиастическая теория прогресса для многих играет роль имманентной религии, особенно в наше время с его пантеистическим уклоном». С.Н. Булгаков написал книгу «Апокалиптика и социализм» (1910), которая многое объясняет в символической сфере русской революции.

Культура России пережила почти вековой подъем апокалиптики, замечательно выраженной в трудах политических и православных философов, в приговорах и наказах крестьян, в литературе Достоевского, Толстого и Горького, в поэтической форме стихов, песен и романсов Серебряного века и 20-х годов. Этот культурный опыт сегодня актуален. Исключительно важный источник символов будущего – откровения художественного творчества. Они содержат предчувствия, которые нельзя логически обосновать. Георгий Свиридов писал: «Художник различает свет, как бы ни был мал иной раз источник, и возглашает этот свет… Пример тому – великие русские поэты: Горький, Блок, Есенин, Маяковский, видевшие в Революции свет надежды, источник глубоких и благотворных для мира перемен».

Образ советского будущего вырабатывался в полемике с другими проектами, которые разделили тогда общество – консервативного, буржуазно-либерального и ортодоксального марксистского. Это была поучительная война альтернативных «образов будущего». А во время перестройки ее идеологи уподобляли весь советский проект хилиазму – ереси раннего христианства, верившей в возможность построения Царства Божия на земле. Академик С. Шаталин насмехался над хилиазмом русской революции – и не замечал, что сам проповедовал убогий хилиазм «Царства Рынка».

Но наша проблема в том, что вот уже 30 лет просоветская общность не сдвинулась к предвидению будущего. Движение вперед представляется как возрождение СССР. Его образ настолько заполнил нашу память и мышление, что мы как будто сидим на родном пепелище и около могил дорогих людей, и не можем встать и пойти. Травма краха СССР не заживает и даже передается части молодежи. Но уже надо встать.

Мы не имеем права «утратить веру в будущее». Но для этого надо восстановить цепь прошлое-настоящее-будущее. Но это в нашей символической сфере эта цепь разорвана – большинство погружено в прошлое, а настоящее считают выморочным временем, которое надо только пережить. Что же до будущего, надо возрождать СССР, конечно, немного модернизированный – «СССР-2». Таким образом, в нашем образе будущего сильна утопия – забрать из прошлого, из советского наследия, те прекрасные социальные формы, с которыми советский народ создал нашу державу, победил фашизм, вышел в космос и т. д.

Но это именно утопия, очень распространенная: кто-то надеется возродить «великую Россию», как сумел Столыпин, другие пошили себе офицерские мундиры Белой армии и ходят по Москве, а в южных краях бывшие чиновники и доценты стали казаками и размахивают нагайками. О.Ю. Малинова пишет: «Политический дискурс до сих пор строится так, будто история и извлеченный из нее опыт могут служить руководством для действий в настоящем (хотя лежащее в основе такой установки представление о будущем как повторении прошлого было разрушено еще в раннем Модерне» [Малинова О.Ю. Темпоральность и другие свойства символического в политике // Символическая политика. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. М., 2014. С. 12].

Сложность в том, что, с другой стороны, считается: «образы прошлого – ресурс для проектирования будущего». На этот

фундаментальный вывод в разных вариантах указали разные авторы, например, Ю.М. Лотман (см.). Он объясняет это противоречие так: «Символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее». Это значит, что символы, «приходя из прошлого и уходя в будущее», развиваются соответственно изменениям реальности, и обретают новые смыслы. Так они и вяжут цепь времен.

Но это не значит, что мы можем взять из советского прошлого какой-то эффективный символ с его смысловым наполнением того времени и обратимся к нашим гражданам сегодня, представляя этот взятый из истории символ как ориентир проекта будущего. Такое обращение граждане воспримут как демагогию. Как писал А.Ф. Лосев, «если действительность есть, то возможны и символы; а если ее нет, то невозможны и никакие символы действительности». Сегодня в России во многих срезах реальности нет действительности, в которой могут «работать» символы, созданные в советский период. Они пока законсервированы в катакомбах.

Из всего этого можно вывести, что нашей созревающей (но пока что латентной) оппозиции было бы полезно уделить время для разработки своей тактики действий в символической сфере. Исследования этой области и практический опыт показывают, что обращение к аудитории с представлением какого-то эффективного действия в прошлом (например, в СССР), которое невозможно повторить в актуальных условиях, вызывает раздражение, даже в среде единомышленников. Обычная реплика из зала: «Зачем вы это говорите? Мы же не в СССР и уже не 1990-е годы! Перед нами встают срочные и чрезвычайные проблемы – говорите, что можно сделать здесь и сейчас, чтобы избежать или смягчить очередные удары!»

Особенно недовольна в подобной ситуации молодежь. Если представленный советский опыт не может быть встроен в системы нынешней реальности, этот разговор не имеет политического и практического смысла. Эта реальность кардинально отличается от советской политическими, экономическими, социальными и культурными условиями – мы другое общество, другая территория и другой народ. Значит, надо искать возможные варианты использовать структуры наследия прошлого, творчески их приспособив к тому, что есть. Это и будет изменение мира. Ведь, как сказано, «будущее – это проект, который может строиться исключительно за счет уже существующих символических ресурсов». Нужно разглядеть потенциал этих ресурсов и совершить инновацию, чтобы этот потенциал материализовался.

Харизма СССР – наше достояние и наше сокровище. Но вовсе не просто активизировать и запустить этот ресурс в работу на благо подавляющего большинства, стране и братских народов. Подходы к этому наследию надо изучать, и это время пришло. В мировой науке и культуре, и в опыте и творчестве самого советского народа накоплен большой массив знания, надо его осваивать.

И снова повторим слова Гете: «Заслужите приобретенное от предков, чтобы истинно владеть им».

На мой взгляд, за последние тридцать лет протестная практика обнаруживает важный изъян, который надо устранить в методологии оппозиции: протестный дискурс игнорирует принцип, которые разрабатывали многие философы и социологи. Вебер сформулировал так: «Изменения в обществе мотивируются не экономическими интересами, а ценностями». Это значит, что, привлекая в актуальную политическую сферу какой-то символ из советского наследия, социальные, экономические и другие требования должны содержать экзистенциальный смысл. Ведь политическая борьба – не торг из-за выгод или убытков, речь идет судьбе страны и поколений. Конкретные прагматические интересы служат лишь иллюстрациями и эмпирическими аргументами. И в приведенном примере с реформой школы, и в отношении реформ здравоохранения или ЖКХ протесты населения должны раскрыть несправедливость высшего порядка, трансцендентного.

Есть у нас ростки эффективной оппозиции? Так надо их выращивать на благодатной почве наследия русской революции. Ее документы – готовые прекрасные учебники. Революция 1905–1907 гг. оставила огромный архив текстов высшего качества. Например, для «работников дискурса» оппозиции было бы полезно, по-моему, прочитать коллекцию наказов и приговоров сельских сходов 1905–1906 гг. Вот несколько выдержек из них [Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказы российского крестьянства. 1905–1907. Т. 1, 2. М.: Институт российской истории РАН. 1994].

Приговор Прямухинского волостного схода Новоторжского уезда Тверской губ., 31 июля 1905 г.: «Крестьяне давно бы высказали свои нужды. Но правительство полицейскими средствами, как железными клещами, сдавило свободу слова русских людей. Мы лишены права открыто говорить о своих нуждах, мы не можем читать правдивое слово о нуждах народа. Не желая дольше быть безгласными рабами, мы требуем: свободы слова, печати, собраний».

Приговор схода крестьян дер. Пертово Владимирской губ., направленного во Всероссийский крестьянский союз (5 декабря 1905 г.): «Мы хотим и прав равных с богатыми и знатными. Мы все дети одного Бога и сословных различий никаких не должно быть. Место каждого из нас в ряду всех и голос беднейшего из нас должен иметь такое же значение, как голос самого богатого и знатного».

Приговор волостного схода Муравьевской волости Ярославской губ. в I Госдуму (июнь 1906 г.) гласил: «Мы признаем землю Божьей, которой должен пользоваться тот, кто ее работает; оградите переход земли в одни руки, ибо будет то же, что и теперь – ловкие люди будут скупать для притеснения трудового крестьянства: по нашему убеждению частной собственности на землю допустить невозможно».

Наказ крестьян с. Никольского Орловского уезда и губ. в I Госдуму (июнь 1906 г.): «Если депутаты не истребуют от правительства исполнения народной воли, то народ сам найдет средства и силы завоевать свое счастье, но тогда вина, что родина временно впадет в пучину бедствий, ляжет не на народ, а на само слепое правительство и на бессильную думу, взявшую на свою совесть и

страх действовать от имени народа».

Наказ схода крестьян дер. Куниловой Тверской губ. (4 июня 1906 г.): «Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а нам от злых кровопийных помещиков».

Приговор схода дер. Стопино Владимирской губ. в II Госдуму в июне 1907 г.: «Горький опыт жизни убеждал нас, что правительство, века угнетавшее народ, правительство, видевшее и желавшее видеть в нас послушную платежную скотину, ничего для нас сделать не может… Правительство, состоящее из дворян чиновников, не знавшее нужд народа, не может вывести измученную родину на путь права и законности».

Эти тексты показывают, что политическая культура пореформенного общинного крестьянства в начале XX в. достигла высокого уровня. Ведь в этих наказах и приговоров присутствуют такие символические и языковые структуры, которые сравнительно недавно стали объектом научного изучения. Одна из таких структур – зло. Социолог Дж. Александер показал, что зло – сложная конструкция. Он писал: «Для того, чтобы травматическое событие обрело статус зла, необходимо его становление злом… События – это одно дело, представление этих событий – совсем другое. Коллективные акторы „решают“, представлять ли им социальную боль как фундаментальную угрозу их чувству того, кто они есть, откуда они пришли, куда они идут… Я бы хотел предложить само существование категории „зла“ не рассматривать как нечто существующее, а как атрибутивное конструирование, как продукт культуральной и социологической работы».

К революции 1905 г. крестьяне уже произвели становление зла, и во время политического столкновения на практически всей территории отобранные образы зла были обозначены. Поэтому Вебер сказал, что мировоззренческой основой русской революции является общинный крестьянский коммунизм, а сама революция будет антибуржуазной и антилиберальной.

Если учиться у истории, оппозиция тоже должна была бы представить обществу не только образ будущего, но и образы зол, которые наступают на Россию и ее народ и блокируют движение к благой жизни. Этих образов немного, но они – ядро причин нашего национального бедствия. И борьба со злом – благородная миссия каждого гражданина и государства. Становление зла – важный тип харизматических инноваций. Если так представить череду наших тяжелых кризисов, думаю, подавляющее большинство населения согласятся с составом этого ядра – это и будет серьезное обращение оппозиции к государству и обществу.

Левые в России

Русский философ Питирим Сорокин писал будто о нашем времени: «В обычные времена размышления о человеческой судьбе (откуда, куда, как и почему?), о данном обществе являются, как правило, уделом крохотной группы мыслителей и ученых. Но во времена серьезных испытаний эти вопросы внезапно приобретают исключительную, не только теоретическую, но и практическую важность; они волнуют всех – и мыслителей, и простонародье. Огромная часть населения чувствует себя оторванной от почвы, обескровленной, изуродованной и раздавленной кризисом. Полностью теряется привычный ритм жизни, рушатся привычные средства самозащиты… В такие времена даже самый заурядный человек с улицы не может удержаться от вопросов: „Как все это произошло? Что все это значит? Кто ответит за это? В чем причины? Что может еще случиться со мною, с моей семьей, с моими друзьями, с моей родиной?“.»

Сегодня от того, сможем ли мы разобраться в основных вопросах, прямо зависит наша судьба на десятилетия вперед. Оздоровляющий, при всем горе, смысл кризиса в том и состоит, что на время разрушены ветхие догмы, и мы можем подняться на новый уровень понимания мира, человека и общества. Но этим моментом надо быстро пользоваться – времени отпускается очень немного, и целая свора идеологов спешит заполнить свободу нашего ума новыми догмами (или приукрашенными старыми). Особенно велика в этот момент ответственность тех, кто берет на себя роль лидера в борьбе. Напутает в основных вопросах – погубит дело, а то и поможет разрушителям.

Давайте разберемся в вопросе, важном для оппозиции, которая выступает под красным флагом. Кто она, откуда и куда? Заранее скажу: эти вопросы болезненны, и говорить о них надо без подковырки – но надо. Если не разберемся, люди под это знамя не придут, а другого сравнимого по силе не видно. Думаю, что в России разобраться в глубинной сути слов – имени (кто я и откуда) – намного более важно, чем на рациональном Западе. А.Ф.Лосев в книге «Философия имени» говорит о «демиургийной (т. е. творящей) энергии слова»: «Слово – могучий деятель мысли и жизни. Слово двигает народными массами и есть единственная сила там, где, казалось бы, уже нет никаких надежд на новую жизнь… Это гораздо больше чем магия, чем какая-то там суеверная и слабенькая „магия“, как она представляется выжившим из ума интеллигентам-позитивистам».

Я хочу сказать об имени, которое опять приклеивается к коммунистам – левые.

Г.А.Зюганов сказал о КП РФ парадоксальную вещь: «Мы по убеждениям левые, а дело наше правое». Как же так может быть? Почему же и в каких условиях мысль и дело приобретают прямо противоположное направление? Ведь здесь явно есть какая-то тайна или огромное непонимание. Язык оттачивался веками и проверялся тысячелетним опытом. Такие основные слова, как правый и левый, не возникают в экспериментах Хлебникова. Надо же вспомнить сокровенный смысл этих слов. И задуматься, а почему мы выбираем имя для целого движения борьбы в таком странном противопоставлении: правый – левый?

Начнем с простых, верхних смыслов. Думаю, Зюганов сказал «мы – левые» в том смысле, что КП РФ продолжает традиции европейской классовой борьбы, в которой левые выступали на стороне труда против капитала и использовали лозунг социальной справедливости. Такое объяснение создает массу новых проблем и делает образ КП РФ еще более противоречивым, но пойдем пока вглубь. Является ли поддержка справедливости (а в самом этом слове корень – прав) родовым признаком левизны? Или это – вопрос конъюнктуры, военный союз с чужаком ради борьбы с общим только сегодня врагом? Сахаров и Попов, разрушая советский строй, называли себя левыми – был ли здесь обман? Был ли левым Сталин в период индустриализации – или левым был Троцкий, который против Сталина боролся? В чем последняя, сокровенная суть левого?

Из истории знаем: когда появились парламенты, то защитников существующего порядка стали сажать справа от председателя, а противников – слева. С Французской революции это стало политическим символом. Как пишет историк Карлейль, в Национальном собрании «консерваторы сидели справа, а разрушители слева». Потом, уже в Законодательном собрании они пересели: якобинцы разместились на верхних скамьях (Гора), а консерваторы внизу (Болото), но так и продолжали считаться левыми и правыми. Но, скорее всего, они не потому назвались левыми, что сидели слева, а потому там сели, что были разрушителями (еще ранее в Англии были «левые виги»). В Россию это понятие пришло поздно, в 1905 г., и применялось в основном к обозначению течений в рамках одной партии (левые эсеры, левые коммунисты, левый уклон). Но откуда все это пошло? Ведь если искать внешние причины, то придем к выводу, что из метро: «стойте справа, проходите слева». Окуджава так и поет под аплодисменты наших якобинцев: «те кто идут, всегда должны держаться левой стороны!».

Давайте вернемся к языку. Исток термина «левые» в приложении к политике – латынь. Итальянцы так и называют левое движение – sinistra. Что означает это слово в переводе на русский? Читаем в словаре: 1) книжн. левый; 2) злой, порочный; 3) несчастный, злополучный, роковой; 4) недостатки, пороки, дурные привычки; 5) бедствие, несчастье, катастрофа.

Почему же за книжным словом «левый» тянется такая чертовщина? И почему отрицающее левизну слово «правый» несет корень, от которого растут слова правда, право, справедливость, исправный и т. д.? Это идет из древности, из всех дуалистических мифов, верований и религий – они используют признак «левый» в значении отрицательного, связанного с неправотой и загробным наказанием. Такое различие левого и правого сформулировано уже в древнеегипетских священных текстах и развито в Библии. Мироощущение наших племен не было таким дуалистичным, у нас зло было всегда меньше Добра, а дьявол низведен до черта. В Россию противопоставление левого и правого как сравнимых по силе начал пришло, видимо, с христианством, хотя и раньше славяне плевали через левое плечо. Важно, что в европейской культуре левое начало – дьявольское, подрывное.

В этом и есть главная суть левизны: подрывать, расшатывать, свергать существующий порядок вещей. В религии это ересь и

богоборчество, в социальной и политической сфере – заговор и революция. Важен ли смысл революции (ее «справедливость»)? Нет, это – вопрос конъюнктуры. Если власть буржуазная, то левые выступают на стороне трудящихся. Если власть советская, то левые выступают на стороне Артема Тарасова и Борового – но организуют те же подрывные митинги, демонстрации и баррикады. Никакой предрасположенности к защите именно трудящегося человека левые не имеют. Мы связываем их с социализмом по привычке – потому что очень долго власть была именно у капитала и выступающие против него рабочие были дровами для костра левых революций.

Все это показала история двух последних веков, и особенно перестройка и «бархатные революции» – когда левые явно выступили против интересов трудящихся. Кумир демократов Милан Кундера сказал: «Диктатура пролетариата или демократия? Отрицание потребительского общества или требование расширенного производства? Гильотина или отмена смертной казни? Все это вовсе не имеет значения. То, что левого делает левым, есть не та или иная теория, а его способность претворить какую угодно теорию в составную часть кича, называемого Великим Походом».

Поэтому Троцкий, которого снедала религиозная страсть к перманентной революции, был левым по самой своей сути. А Сталин, когда занялся строительством заводов и посадкой лесополос, проявил свою суть как государственник (в Европе – как правый). Он сумел сбросить цепкие объятья союзников-левых, с которыми делали революцию. И левые в начале перестройки справедливо говорили, что Сталин совершил контрреволюционный переворот.

Вообще, надо бы коммунистам с этой точки зрения взглянуть на большевизм – ведь в нем на время соединились два несовместимых по духу течения. И разделение этих «сиамских близнецов», произведенное Сталиным, могло быть куда более кровавым. Может, это и не научно, но я вспоминаю детство – дедушку. Он был казак из Семиречья. Среди казаков – бедняк, но все равно раскулачили, и сыновья купили ему домик в деревне недалеко от Москвы, там я у него и жил в войну. Вечерами при коптилке он всегда что-то мастерил и пел мне длиннющие песни, как казах. Судя по этим песням, он был искренний монархист. Но всех своих семерых детей благословил в большевики. И не было в этом ни душевного надлома, ни интереса: та правда, которую предложили большевики, была ближе, чем лозунги левых эмиссаров Керенского.

И вот, все семеро детей моего деда, включая мою мать, стали членами ВКП(б), и их жизни отразили жизнь страны. Никто из них не был левым – всех их тянуло строить, а не разрушать, соединять людей, а не стравливать. После войны часто встречались земляки из станицы, почти всегда на полу ночевал какой-нибудь фронтовик, проездом через Москву, и сейчас я поражаюсь – ведь одну водку пили и одних друзей детства вспоминали красные и белые. После такой гражданской войны! В Испании до сих пор в селах сын фалангиста и думать не может жениться на дочери «красного».

Но были в ВКП(б) и левые. Их «тройка» во главе с гимназистом из городка Горбовским приехала в станицу расказачивать. По ночам и стреляли, и рубили. Мою мать, как комсомолку, посадили вести дела, а в станице половина – родственники. Бросились комсомольцы в город, приехал оттуда большевик со стажем, старик с Путиловского завода (вроде того, кого высмеял Пастернак). Собрал комсомольцев, объяснил, как мог, сложность революции, и пошел увещевать «тройку». А наутро пришли к оврагу родные забирать очередных застреленных казаков – и этот большевик там лежит. Тоже левым не был. Мать заболела, впала в забытье. «Тройка» исчезла. А через пару лет поехала мать учиться в только что открытый Ташкентский университет – по коридору идет Горбовский, в сапогах и френче. Потом мать отправили на учебу в Москву – через год приезжает и Горбовский, уже видный троцкист. Так и шел он, как тень, вплоть до 1937 года.

Кто же такие наши левые, разрушавшие СССР? Эти юрии афанасьевы и гайдары? Я в них вижу прямую духовную и даже родственную связь с теми, горбовскими. Ради дела они даже могли заклеймить преступления горбовских, да и то не слишком: поспешили переименовать ул. Горького, но почему-то в самом центре Москвы сверкают имена палачей, «ул. Володарского», «ул. Землячки». Они – не прямое порождение западных демократов, они дети ВКП(б), но только ее левого крыла. И они нисколько не изменились, их суть – разделение, разрушение, стравливание, уничтожение жизни. Ими движет вовсе не жажда справедливости, а желание «раздавить гадину». Тогда – «старая» Россия, сегодня – «советская» Россия. Их тип описан Достоевским, это – Петр Верховенский, самый чистокровный левый. Ну чем он похож на Нагульнова, Жукова или Гагарина, от которых желает вести свою родословную КП РФ?…

Способ действия «левых», тип их мышления и их «готтентотская» мораль уже в начале века были исследованы русскими философами, которые по-иному, чем большевики, вырвались из союза с этими «левыми». Вспомним хотя бы тот факт, что и в революции народ поддержал не «левых», а именно большевиков, и это имя сыграло важную роль – оно сочеталось с идеей справедливости. Даже к «меньшевикам» уже за одно их имя не могло быть симпатии. Так давайте с осторожностью подойдем к выбору нового имени. Исходя из мироощущения российских народов, а не из европейской традиции классовой войны, в которой мы были сбоку припека.

Особый дух русских «левых»

Я уже говорил, что общественно-политическую жизнь России можно лишь условно вместить в схему «правые-левые», этот дуализм – типично западное явление. Можно, однако, сказать, что на нашей отечественной почве европейский цветок левого мировоззрения вырос даже в преувеличенно-фантастических размерах. Уже в XIX веке он перерос рациональные рамки социальной борьбы. Соединившись со страстью мессианского чувства, свойственного и православию, и иудаизму, левый радикализм приобрел черты религиозного, хотя и безбожного, фанатизма. Поразительно, как быстро русская культура отразила это явление со столь же высоким накалом – в Достоевском (достаточно вспомнить его роман «Бесы»).

Философам, чтобы понять суть левых, пришлось пройти много кругов – побыть самим в их среде, а потом раскаяться при виде реальных революций (ибо при том, что революции были вызваны объективными причинами, их чрезмерно разрушительный характер в России во многом был предопределен свойствами идеологии русских «левых»). И неважно, какие прекрасные лозунги брали наши «левые» – они их наполняли небывалым содержанием. Так было и с идеей демократии – в противовес самодержавию (а недавно – в противовес советскому строю).

Н. Бердяев писал в 1923 году: «Демократия – не новое начало, и не впервые входит она в мир. Но впервые в нашу эпоху вопрос о демократии становится религиозно-тревожным вопросом. Он ставится, уже не в политической, а в духовной плоскости. Не о политических формах идет речь, когда испытывают религиозный ужас от поступательного хода демократии, а о чем-то более глубоком. Царство демократии не есть новая форма государственности, это – особый дух».

В чем же этот особый дух русских «левых»? Это – целая философия, лишь основные черты которой были намечены в первой половине XX века. Наше время дало огромный и ценный материал, чтобы завершить эту работу – если будет кому. Я бы сказал, что суть дела в неорганичном, болезненном соединении западного рационализма и получивших светскую оболочку западных религиозных идей (прогресса и свободы) с тем «неявным знанием», которое играло важную роль в традиционном обществе России. В это знание входит иррациональное представление о совести и долге – не только перед ближними, но буквально перед Космосом. В результате получилась философская смесь, подкрепленная фанатической уверенностью в своей правоте и даже обязанности на свой лад «устроить весь мир».

При этом верхушечное положение занимали ценности западные, они и определяли планы и проекты «левых». И главным объектом ненависти было то сокровенное отношение к миру и к человеку, которое передавалось из поколения в поколение и служило генетической матрицей, воспроизводящей Россию как особую цивилизацию. Уже более ста лет пытаясь провести в России подобие протестантской Реформации, «левые» стремились разорвать тайную связь поколений, лишить святости те символы и образы, которые скрепляли народ.

В статье «Культурный мир русского западника» философ-эмигрант В. Щукин лестно характеризует левую русскую интеллигенцию: «В отличие от романтиков-славянофилов, любая сакрализация была им в корне чужда. Западническая культура носила мирской, посюсторонний характер – в ней не было места для слепой веры в святыню». Он отмечает именно это стремление осуществить разрыв тела народа во времени, что является важнейшим условием «атомизации» народа на скопище индивидов: «С точки зрения западников время должно было быть не хранителем вековой мудрости, не „естественным“ залогом непрерывности традиции, а разрушителем старого и создателем нового мира».

Вспоминая метания левых в отношении фундаментальных вопросов бытия, которые мы наблюдали на протяжении всего только одного поколения, приходишь к выводу, что у них действительно нет устойчивой социально-философской концепции. Их миссия – разрушать то, что есть. Потому их сегодня нельзя даже упрекнуть в том, что они «изменили» чему-то. Окуджава воспевал «комиссаров в пыльных шлемах» и мечтал пасть «на той единственной, гражданской», и люди удивляются, как же он переметнулся к антикоммунистам. Когда в нем все вывернулось наизнанку? А никогда. Никуда он не переметнулся, и никакого отношения его «комиссары» ни к социализму, ни к социальной справедливости не имели. Он – левый, и его страсть – создавать гражданскую войну. Он ее и готовил своей гитарой…

А вот один из левых прорабов перестройки А. Нуйкин с удовлетворением признается: «Как политик и публицист, я поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину». И добавляет с милым цинизмом: «Сегодня политики в погоне за властью, за своими сомнительными, корыстными целями стравили друг с другом массу наций, которые жили до этого дружно, не ссорясь». Вот так – интеллигент Нуйкин расшатывал систему, но он не виноват. Выполнив свою роль в поджигательской программе, когда уже и РФ втянута в войну, Нуйкин умывает руки, отказываясь от любого «патриотизма» в «этой стране». Он иронизирует: «Мне хотелось даже написать давно задуманный материал, и название уже есть: „Считайте меня китайцем“.»

Чтобы разорвать, растравить народ, необходимо разрушить его культурное ядро, особенно подорвать, поставить под сомнение нормы морали и права, определяющие отношения людей. У нас в культурное ядро входит множество норм, выраженных на языке традиций, передаваемых от поколения к поколению, а не через формальное образование и «писаные» законы. Слом этих норм – наиболее разрушительная разновидность революций. Виднейший антрополог Конрад Лоренц писал: «Привычки, которые человек воспринимает через социальную традицию, связывают его с людьми гораздо сильнее, чем обычай, освоенный индивидуально, и разрушение традиции сопровождается очень интенсивным чувством страха и стыда… Иерархические отношения между тем, кто передает традицию, и тем, кто ее воспринимает, являются обязательным условием для того, чтобы человек был готов ее усвоить. С этим тесно связан и процесс, который мы называем поиском идентичности. Это и помогает

сохранять устойчивость культурных структур. Но против этого восстают все революционные силы, враждебные устойчивым структурам. Они побуждают человека выбросить за борт любую традицию».

Большой вклад в размывание соединяющего народ правосознания вносил А. Сахаров. В манифесте левых «Иного не дано» он утверждал: «Принцип „Разрешено все, что не запрещено законом“ должен пониматься буквально». Переход к этому принципу означал бы, что в обществе снимаются все табу, все не записанные в законе культурные, моральные нормы. Это имело бы катастрофические последствия. Если бы тезис Сахарова реально был осуществлен на практике, произошло бы моментальное сбрасывание общества в абсурдную гражданскую войну. Скатывание в массовое насилие происходит, когда человек теряет систему координат, критерии различения Добра и зла.

Не говоря уже о тех очагах гражданских войн, которые создаются властью, преступившей именно моральные нормы, насилие преступников уже достигло такой интенсивности, что можно говорить о своеобразной войне. Но ведь эта преступность буквально выращивалась левыми политиками как ударная сила для разрушения «тоталитарного» советского общества. Вспомним хотя бы рассуждения Г. Попова о пользе преступников как социальной базы реформ. Это – не новое явление в тактике «левых» сил, оно наблюдалось и при расшатывании устоев российского порядка в начале XX века.

Философ С. Франк писал: «Самый трагический и с внешней стороны неожиданный факт культурной истории последних лет – то обстоятельство, что субъективно чистые, бескорыстные и самоотверженные служители социальной веры оказались не только в партийном соседстве, но и в духовном родстве с грабителями, корыстными убийцами, хулиганами и разнузданными любителями полового разврата, – этот факт все же с логической последовательностью обусловлен самим содержанием интеллигентской веры, именно ее нигилизмом: и это необходимо признать открыто, без злорадства, но с глубочайшей скорбью. Самое ужасное в этом факте именно в том и состоит, что нигилизм интеллигентской веры как бы сам невольно санкционирует преступность и хулиганство и дает им возможность рядиться в мантию идейности и прогрессивности». Можно лишь добавить, что нынешние «левые» не так уж бескорыстны – разрушая общество, сами они в личном, так сказать, плане выходят в число богатейших людей Европы.

Мало-мальски серьезный анализ показывает, что слома культурного ядра советского народа осуществить не удалось, как ни велики нанесенные ему травмы. А внутренний импульс «левого» движения и порожденного им политического режима иссяк. Оседлав средства массовой информации, вооруженную силу и экономику, «левые» на время увлекли людей и поставили страну на грань катастрофы. Но сегодня они уже утратили творческую потенцию и потеряли доверие массы. Все более и более скатываясь к применению силы и сбрасывая маску «правоискателей», они пришли, говоря словами историка Тойнби, к «дегуманизации господствующего меньшинства, предполагающей спесивое отношение ко всем тем, кто находится за его пределами; большая часть человечества в таких случаях заносится в разряд „скотов“, „низших“, на которых смотрят как на сам собою разумеющийся объект подавления и глумления… Страх толкает командиров на применение грубой силы для поддержания собственного авторитета, поскольку доверия они уже лишены. В результате – ад кромешный».

Вот и ставлю опять те же волнующие меня вопросы. Нужно ли в этих условиях нашей оппозиции приклеивать на себя ярлык «левых»? Да, есть «левое», бесовское начало, но ему противостоит не только божественное, а и просто человеческое. Если мы не «левые», то это не значит, что мы реакционеры. Как ни парадоксально, лозунги правых (в западном смысле) сил взяты сегодня именно российскими «левыми».

Безответственность левого мышления

Центр левого мироощущения – идея свободы. Это – особая, уродливая свобода, вытекающая из механистической картины мира. Из нее удалена ответственность, она заменена рациональным расчетом. Если мир – машина, человек – атом, общество – «человеческая пыль», то ответственность вообще исчезает. Измеряемый мир и рыночное общество лишены всякой святости (как сказал философ, «не может быть ничего святого в том, что может иметь цену»).

Леви-Стросс писал о разрушениях, которые произвел европеец в попавших в зависимость культурах, как о создании того перегноя, на котором взросла сама современная западная цивилизация. Для этого было необходимо искреннее чувство безответственности. Оно лишает человека ощущения святости и хрупкости тех природных и общественных образований, в которые он вторгается, лишает страха перед непоправимым. И это – не злая воля, а наивное, почти детское ощущение, что ты ни в чем не виноват. Инфантилизм, ставший важной частью культуры.

Вот, Э. Паин оправдывает «левую интеллигенцию» сознательно разрушавшую СССР: «Когда большинство в Москве и Ленинграде проголосовало против сохранения Советского Союза на референдуме 1991 г., оно выступало не против единства страны, а против политического режима, который был в тот момент. Считалось невозможным ликвидировать коммунизм, не разрушив империю». Что же это за коммунизм надо было ликвидировать, ради чего не жалко было пойти на такую жертву? Коммунизм Сталина? Мао Цзе Дуна? Нет – Горбачева и Яковлева. Но ведь это абсурд. Эти правители даже не социал-демократы. Они неолибералы типа Тэтчер. От коммунизма у них осталось пустое название, которое они и так бы через пару лет сменили. И вот ради этой шелухи левые обрекли десятки народов на страдания, которых только идиот мог не предвидеть.

И ведь ничему их чужое горе не научило. Уже были пролиты реки крови, уже были Ходжалы и Бендеры, а «демократическое» телевидение все еще разжигало войну в Таджикистане, науськивало людей на «прокоммунистическое правительство». Если бы наши американские друзья не опасались захвата урановых рудников исламскими фундаменталистами, таджики так и продолжали бы гибнуть под присмотром «этнополитиков».

Вспоминаются слова С.Л.Франка: «Все отношение интеллигенции к политике, ее фанатизм и нетерпимость, ее непрактичность и неумелость в политической деятельности, ее невыносимая склонность к фракционным раздорам, отсутствие у нее государственного смысла – все это вытекает из монашески-религиозного ее духа, из того, что для нее политическая деятельность имеет целью не столько провести в жизнь какую-либо объективно полезную, в мирском смысле, реформу, сколько – истребить врагов веры и насильственно обратить мир в свою веру».

Как же относятся к нашей беде «настоящие» европейские левые? Один из руководителей итальянской компартии, ныне сменившей название, Пьетро Инграо пишет: «Все мы приветствовали мирное вторжение демократического начала, которое нанесло удар по диктаторским режимам».

Что же вы приветствовали, компаньо? Какую демократию? Почему же «вторжение демократии» мирное – вы не читали газет? И кто же был диктатором – Горбачев? Ради каких ценностей вы приветствовали разрушение основ жизни множества народов? Оказывается, вон что: мы жили неправильно. Инграо разъясняет: «Не думаю, чтобы в моей стране имелись серьезные левые силы, которые считали бы, что в СССР делалась попытка построить социалистический строй. Думаю, что для наиболее продвинутых сил западного коммунизма было ясно, что режимы Востока были очень далеки от социализма, во всяком случае были чем-то другим». А раз чем-то другим, то пусть подыхают.

Истоки этой безответственности – во всей философской системе левых. Затронем здесь лишь некоторые ее черты – они присущи и западным, и нашим «демократам» этого века. Во-первых, это, по выражению Ницше, атрофия интеллектуальной совести. Левые взвешивают дела и явления «фальшивыми гирями». Трагические последствия мы видим на каждом шагу. Вот инцидент в США с сектой проповедника Кореша. Они, конечно, мракобесы – заперлись на ферме и стали ждать конца мира. И вроде бы можно понять полицию, которая решила это мракобесие пресечь. Но как? Сначала – в течение недели оглушая сектантов рок-музыкой из мощных динамиков (Кореш – фанат рока, и эксперты почему-то решили, что он расслабится и отменит конец света). А потом пошли на штурм – открыли по ферме огонь и стали долбить стену танком. Начался пожар, и почти все обитатели фермы сгорели – 82 трупа. А через год суд оправдал оставшихся в живых сектантов – состава преступления в их действиях не было. Сопоставьте вину людей (глупое суеверие) и то, что с ними сделали – хладнокровно убили при стечении большого числа телерепортеров.

Наконец, атрофия коллективной памяти и механицизм мышления левых делает их людьми, лишенными корней. У нас они стали в духовном плане марионетками номенклатурной системы – значит, лишенными чувства ответственности. При этом неважно, думали ли они так, как требовала эта система – или наоборот, были ее диссидентами, ее «зеркальным» продуктом. Важно, что их чувства и мысли были продуктом системы. Николай Петров, преуспевающий музыкант, сделал в свое время поистине страшное признание (сам того, разумеется, не замечая): «Когда-то, лет тридцать назад, в начале артистической карьеры, мне очень нравилось ощущать себя эдаким гражданином мира, для которого качество рояля и реакция зрителей на твою игру, в какой бы точке планеты это ни происходило, были куда важней пресловутых березок и осточертевшей трескотни о „советском“ патриотизме. Во время чемпионатов мира по хоккею я с каким-то мазохистским удовольствием болел за шведов и канадцев, лишь бы внутренне остаться в стороне от всей этой квасной и лживой истерии».

Просто не верится, что человек может быть настолько манипулируем. Болеть за шведских хоккеистов только для того, чтобы показывать в кармане фигу системе! Не любить «пресловутые березки» не потому, что они тебе не нравятся, а чтобы

«внутренне» противоречить официальной идеологии. Но это и значит быть активным участником «квасной и лживой истерии», ибо держать фигу в кармане, да еще ощущая себя мазохистом – было одной из ключевых и неплохо оплачиваемых ролей в этой истерии. Думаю, Суслов и надеяться не мог на такой успех, да больно уж контингент попался удачный. Ибо подавляющее большинство наших людей к номенклатуре не липло и было от этого влияния свободно. Мы любили или не любили березки, болели за наших или за шведов потому, что нам так хотелось.

Люди с такими комплексами и так болезненно воспринимающие свои отношения с родной страной (чего стоит одно название статьи Н.Петрова: «К унижениям в своем отечестве нам не привыкать» – это ему-то, народному артисту), конечно, несчастны. Они, оказавшиеся духовно незащищенными, действительно жертвы системы. Но они же, придя к власти, более других склонны к тоталитаризму. Они готовы всех уморить за свои унижения. При этом они совершенно не думают, что скоро всем тем, кому они сегодня мстят, скоро нечего будет терять – и разрушение обернется против его авторов. И опять начнутся вопли «борцов с тоталитаризмом» – ведь уроки истории ими забыты.

В сборнике «Из глубины» (1918 г.) В.Муравьев писал: «Позвольте, возопили теоретики и мыслители, когда рабочие, крестьяне и солдаты начали осуществлять то, чему их учили. Ведь мы только мыслили! Вы не соблюдаете условности и вовлекаете нас в совершенно непредвиденные последствия. Все поведение интеллигенции руководилось именно убеждением в необязательности и безответственности ее собственных мыслей. Выращенные в области отвлечений,… они создали мир, ничего общего с миром русским не имеющий. И когда настоящий русский мир, оставленный ими на произвол судьбы, на них обрушился, они пришли в состояние ужаса и растерянности».

Подумали бы над этим предупреждением.